

Теория Стаи

Вошь или человек?

Записки
Зятя
Главвраваина
З

уточненные приемы скрытого управления

АЛЕКСЕЙ МЕНЯЙЛОВ

ТЕОРИЯ СТАИ

(УТОНЧЕННЫЕ ПРИЕМЫ СКРЫТОГО УПРАВЛЕНИЯ)

ЗАПИСКИ ЗЯТЯ ГЛАВРАВВИНА 3

**Крафт +
Москва
2003**

М 50 **Меняйлов А.А.**Теория стаи: Записки зятя главраввина 3. — М.:
Издательство «Крафт+», 2003. — 284 с.

ISBN 5-93675-062-6

Властителя от марионетки отличает знание *теории стаи*. Знание *теории стаи* отличает также и редкий тип человека психоэнергетически самостоятельного. Это различие уходит в древность и искусственно поддерживается с античных времен. В России прекрасно знают, что значит жить при властители-марионетке зарубежного мирового центра. Каждый знает и вкус личных неудач, когда, казалось бы, все рассчитано, а почему-то не вышло. Секретом этого «почему-то» владели и победитель Кутузов, и победитель Сталин — оба явно руководствовались каким-то нетрадиционным знанием. Где о секрете разузнали они, мы не знаем, но знаем, где и как разузнал его автор.

Для счастливых обладателей критического мышления.

ISBN 5-93675-062-6

ББК84.4-6

9 785967 506208

© Меняйлов А.А., текст,
оформление, 2003

Глава первая

ПОЧЕМУ ШИМПАНЗЕ, ДАЖЕ ГОЛОДНЫЙ, ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА ДОСТАЕТ ИЗ «ХИТРОГО» ЯЩИКА БАНАН?

Обезьяна — обезьяне: «Условный рефлекс — это когда ты при зажженной красной лампочке хватаешь банан, а все эти упрятанные за решетку белохалатники рефлекторно визжат от восторга».

Праздник мысли — продолжим.

Странные порой устанавливаются взаимоотношения у некоторых людей с обезьянами вообще. Они, то есть некоторые люди, имеющие такую дорогостоящую возможность, как научные исследования, готовы подсматривать за обезьянами часами, сутками, страстно — но почему?

Это что — забава? Порок? Или — жизненная необходимость, без которой жизнь утрачивает привкус удовольствия? Ведь не случайно же за право заниматься биологической наукой, этой совершенно безденежной профессией, жесткое соревнование начинается еще до поступления на соответствующий факультет университета?!

Изучение обезьян целесообразно начинать с... людей.

Для чего освежим в памяти значение семи основных понятий психокатарсиса — вкратце. На трех страницах.

Люди руководствуются, как многие, заблуждаясь, полагают, *разумом (сознанием)*.

Разум — это та часть нашего «я», которая оперирует только *словами* (понятиями) и вне слов не существует. Сознание порой называют *логикой*. Или — логически-цифровым мышлением.

Однако люди редко поступают логично. В действительности они водимы *подсознанием*. Нередко *подсознание* называют *надсознанием*. Для той и другой приставки есть свои основания.

Нечто, чем руководствуется человек, находится *под* сознанием в том смысле, что слова лишь облекают неосознаваемые стремления и объединяются в конструкции, назначение которых:

во-первых, скрыть от окружающих скверные намерения говорящего;

во-вторых, самооправдаться;

в-третьих, самовозвеличиться.

Нечто, чем на самом деле руководствуется человек, находится *над* сознанием в том смысле, что это нечто намного важнее, чем слова.

Итак, сознание вторично. Оно контролируется подсознанием.

Это — очевидно; тем не менее вера в то, что человек руководим неким *мировоззрением*, которое каждый колхозник в состоянии адекватно выразить на языке понятий (то есть, руководим *сознанием*), есть одно из распространеннейших в мире суеверий. Например, долгое время считалось, да и до сих пор считается, что во Второй мировой войне сражались две идеологии: коммунистическая и фашистская — хотя ни немцы не знали, что такое «новый порядок» (*это так нигде и не было сформулировано!*), за ко-

торый они отдавали жизни, ни полуграмотным политукам-сталинцам с семиклассным образованием работы Маркса и Ленина были явно не по силам. Но Вторая мировая война тем не менее была, была и победа: но кого над кем?

Слова отображать действительность, вообще говоря, могут, но только при одном условии: при подсознании, очищенном от деформирующих его внушений.

Слова, произносимые обыкновенным человеком, являются, тем не менее, одним из важнейших источников о нем познания — можно, скажем, определить то учебное заведение, которое он закончил, уровень образования родителей и их специальность, а также историческую эпоху, определившую тот язык, на котором шептались в первую брачную ночь его родители.

Словесное объяснение собственных поступков самим носителем внушений очень метко назвали *рационализацией*, от латинского слова *ratio* — ум, сознание. Рационализация есть словесное построение, ложно объясняющее поступки и чувства *без осознанного намерения соврать*. Рационализация имеет мало общего с действительностью, — однако точно выявляет предыдущий жизненный опыт рационализирующего индивида.

Иными словами, *рационализация* есть повторение запомнившегося набора понятий, зацепленных друг за друга слов (это — *идеи* в общераспространенном смысле этого слова), которые объясняют поступки (как правило, благородным образом) — якобы.

Идеи, составляющие рационализации, временны, случайны, ситуационны, но именно они во многом — с точки зрения тех же профессиональных историков — и отличают один народ от другого, одну эпоху от дру-

гой, одну цивилизацию от пришедшей к ней на смену. Да, в первую очередь рабами суеверий являются профессионалы.

Подсознание можно разделить на части — условно.

Одну его часть составляют внушения (психические травмы, выявляемые психоаналитически, а вычищаемые — психокатарсически), *унаследованные* от общего предка. Эти травмы объединяют людей в *общности* — *народ, этнос*. «*Общности*» и разделяют один этнос от другого. Травмы от преступлений — основы «взаимопонимания».

Другая часть подсознания — внушения и травмы, которые приобретены *индивидуально, начиная с детства*, — это отличает одного падшего индивида от другого уже внутри границ этноса.

Под слоем подсознания сокрыта основа, описывая которую библейские пророки прибегают к понятиям двух типов: «*тайна беззакония*» и «*тайна благочестия*». В терминах излагаемой в этой книге *теории стаи* носитель основы первого типа — *индивид*, второго — *личность*. Эта основа — *подподсознание*.

Личность отличается от *индивида*, помимо прочего, страстным желанием освободиться от внушений.

Это необходимый этап на пути приближения к Истине.

Ни в веках, ни в тысячелетиях толпы практически не меняются — они носители и, что самое страшное, *исполнители* внушений.

Толпа состоит из *исполнителей*, индивидов.

Элементы толпы не меняются не только внешне, оставаясь при двух руках, двух ногах и только одной

голове с полным отсутствием перьев, — но прежде всего, не меняются внутренне, подподсознательно.

Следовательно, одна цивилизация отличается от другой лишь поверхностно, скажем, цветом военного обмундирования и конструкцией спусковых крючков уставного оружия — и все эти предметы имеют свои собственные обозначающие их слова.

Иными словами, подподсознание толпы в основе своей в веках остается неизменным, подсознание же индивиды оберегают в его состоянии травмированности, — если что и меняется, то только так называемое сознание, которое паразитирует на определенном наборе единиц логико-цифрового мышления, обозначающих события внешнего и внутреннего мира.

Комбинация понятий составляет идею, сумма идей — мировоззрение.

Неужели исключительно ради *идей*, набора слов, как нас тому учат идеологи, идей столь очевидно временных, люди, сколачиваясь в толпы, с такой страстью кидаются друг друга убивать?

Разумеется, не из-за *идей*. Массовые идеи, как при ближайшем рассмотрении выясняется, есть шелуха, лишь прикрывающая внушения. Идеи толп ложны — всегда. Естественно, подобные идеи достойны того, чтобы от них отказаться.

И от них отказываются.

С отказа от очередной идеи и начинается следующая **цивилизация**.

Со *своими* войнами.

В «Апокалипсисе» каждая из этих цивилизаций названа «*зверем*».

Очевидно, отнюдь не словесные выражения идей являются причинами войн.

Не они влияют и на ход военных действий.

Внушение — это ядро рационализации. Внушение насильственно внедряют в сознание, когда защищающее *критическое мышление* жертвы отключено (временно, навсегда, или же оно не включалось никогда). (За логически-цифровое мышление [критическое] отвечает, как показал анализ черепно-мозговых травм, левое полушарие мозга, а за ассоциативно-образное [память, внушения] — правое.)

Когда носителем некоего облеченного словами *нового* внушения становится большая часть населения — очередная цивилизация состоялась. Это и есть *историческое событие*.

Внедрение внушений возможно только при безумии субъектов.

Поэтому всемирную историю человечества, которая есть смена *цивилизаций*, можно рассматривать как последовательность массовых безумий.

Смена безумных идей происходит столь же безумно — в этом несложно убедиться, взяв любой учебник истории, описывающий череду волн насилия.

Бытие человека как вида можно было бы считать замкнутым океаном безумия, если бы не существовало противоположности — Истины.

Той Истины, которая не дается носителям (рабам) *цивилизаций*.

И которая не дается.

Никогда.

Не потому что жалко, а потому что носителям цивилизаций понимать ее *нечем*.

Для них все — *наоборот*. И, чтобы победителю разобраться в закономерностях жизни, этому «наоборот» надо сделать еще один *наоборот*.

В некотором смысле — взглянуть на белохалатников глазами обезьяны.

Сейчас мы этим и займемся: опровергнем одну из фундаментальных идей современной цивилизации.

Основополагающую. Столь значительную, что можно с уверенностью утверждать, что из нее произрастает древо не только современной цивилизации, но и почти всех бытовавших и бытующих на нашей планете культур.

Вдохните глубже — вы, возможно, один из тех, кто, отказываясь быть жертвой внушений, страживаете шелуху для вас с этой минуты вырождающейся цивилизации!

* * *

«И почему, все-таки, эти недообезьяны так любят за нами подглядывать?»

Итак, есть люди, для которых наибольшее из возможных удовольствий — наблюдение за обезьянами. Они, эти люди, — и притом, далеко не самые глупые в многочисленной человеческой популяции, — это *любят*. Они готовы со страстью подглядывать за тем, при каких условиях обезьяны вытаскивают из «хитрых» ящиков бананы, а при каких — нет, и размышлять над увиденным не только за ничтожное жалование, но и отдавая за эту возможность последнее.

Это — власть чувства.

Влечение, родом из подсознания.

Одно из двух: или это болезненный невроз, или нечто противоположное — *попытка разобраться в неких личных, исключительно человеческих проблемах*.

Голодная обезьяна, оказывается, далеко не всегда вытаскивает банан из «хитрого» ящика, а только при

определенных условиях. Попытка разобраться в этих условиях есть реализация потребности личности *понять, почему сам ходишь голодный, когда рядом есть банан.*

Понявший себя может с собой справиться.

А почему объект — *живые существа?*

А потому что они — **зеркало.**

В сущности, среди людей тысячелетиями циркулировали только две концепции, которые *объясняли схожесть* людей с животными, или наоборот: *животных* — с элементами толпы.

Все достаточно просто — или мы на них влияем, или они на нас.

Остается ответить на вопрос: кто на кого?

В силу того, что этих теорий только две, одна из них неизбежно верна. Но какая бы из теорий ни была истинной, в любом случае, наблюдая за хищными пушистиками, бабочками или скорпионами, мы как бы смотримся в зеркало — ибо не можем в их поведении не узнавать самих себя.

Одна из этих двух теорий ныне называется дарвиновской. Она гласит, что жила-была рыбка, она плавала и ныряла в поисках кого бы сожрать, размножалась в своем потомстве, а потом *вдруг* — *да-да, вдруг!* — ни с того ни с сего стала птичкой. И искать кого бы сожрать уже не поплыла, а полетела.

Это «*вдруг*» в разное время называли по-разному — чудом, колдовством, бредом сивой кобылы, — а теперь называют *мутацией*. Согласно последователям Дарвина, одна мутация следовала за другой — и вот уже все и вся жрут друг друга. *Эволюция* называется. Движение к совершенству.

Противоположная же теория гласит, что все живое создано не «вдруг», а его создал Бог. Если несколько сузить идею до форм начала библейского повествования, то все было ладно и созидательно на нашей планете, перволюди, равно как и все живые существа вокруг них, жизнь любили и ни убийств, ни самоубийственных поступков не совершали — но только до той поры, пока не произошло грехопадение. Вслед за этим между первоженщиной и первомужчиной состоялся первый акт *страстной «любви»*. Естественно, что родившийся таким способом первый же сын убил впоследствии своего первого же младшего брата. Как следствие, все живые существа на нашей планете, подхлестываемые ставшим насилующим *психоэнергетическим полем* убийцы, превратились в зверей и, *будучи теперь водимы*, тоже стали стаптывать и пожирать друг друга. Согласно этой второй теории, человек настолько мощно влияет на окружающий его взаимозависимый мир, что психоэнергетическое поле человека-убийцы создает цепную реакцию насилия и злобы во *всей* биосфере. А так как все люди со времен грехопадения в той или иной мере — убийцы (некрофилы)¹, то волна злобы и ненависти не спадает до сих пор, определяя тем самым «лицо» (точнее, «оскал») нашего мира.

Сторонники дарвиновской теории стремятся доказать, что раз человек — по большому счету та же обезьяна, поскольку от нее произошел, то он *не может* не поступать так же, как поступают все его биологические предки. Дескать, человек — всего лишь мутант в цепи мутаций какого-то хищника.

¹ Подробнее об этом см. в книге «КАТАРСИС».

Сторонники дарвиновской теории стремятся доказать, что раз человек — по большому счету та же обезьяна, поскольку от нее произошел, то он *не может* не поступать так же, как поступают все его биологические предки. Дескать, человек — всего лишь мутант в цепи мутаций какого-то хищника.

И потому любые его звериные поступки — естественны.

И пожрать брата поэтому — естественно.

А что естественно, то, как говорится, не безобразно.

Очень научно.

А наука, по меткому выражению Толстого, есть секта, оправдывающая всякую гнусность.

Так что, не сомневайся — хавай.

Хавай и не думай.

Так считают многие вожди и исполнители.

Неугодники же предлагают несогласным начать хотя бы с постижения объектов, которые рядом, например, с домашних кошек и собак. Каждое из этих живых существ, при схожести формы на своего собрата по роду непохоже — *психологически*, в поведении же угадывается характер хозяйки или хозяина. Точнее, грушы людей, с которой этот хозяин отождествляется. Некоторое несоответствие поведения домашнего животного с поведением хозяина лишь кажущееся, ведь люди так любят ломать комедию!

Вот и получается, что для внимательного наблюдателя, сознание которого не отягощено дарвинщиной, все тайное становится явным — при наблюдении за кошечками и собачками, а не за внешне благостной хозяйкой!

Поведение *всех* видов животных — есть отражение характера рода человеческого. К сожалению

нию, наиболее из них агрессивных — в первую очередь.

Собаки иные, нежели обезьяны, а те иные, нежели скорпионы, но каждый из этих видов отражает какую-то скрываемую черту стаи хозяев — *homo sapiens*. Принцип этот всеобщий: черепахи отражают одну сторону, зайцы — другую, а обезьяны — третью, особенную.

* * *

Вернемся к обезьянам, самоотверженным за ними наблюдателям и тем экспериментам, которые наблюдатели позволяют себе догадаться над обезьянами поставить.

Наблюдатели обратили внимание, естественно, прежде всего на то, что в стае шимпанзе царит строжайшая иерархия, порядки в которой напоминают неуставные схемы подчинения в воинской части или устоявшиеся порядки в преуспевающей торговой фирме. На вершине пирамиды находится одна — явно наиболее подавляющая самостоятельность подчиненных — особь — *вожак, вождь* (далеко не всегда самая физически сильная, и отнюдь не лучший самец-производитель); следующий уровень — несколько его помощников, так сказать, *вице-вожаков, субвождей*; затем — «средний класс» *исполнителей*; совсем внизу, у основания пирамиды — функционеры и вовсе незаметные. Нечто вроде *посыльных* из фирм (их все «*посылают*», и никто им не подчиняется), или, выражаясь латинизмом, — *курьеров*. Стая может быть сколь угодно многочисленной, и хотя шимпанзе не замечены ни в исключительной зрительной памяти, ни в наличии критического мышления, ни одна особь в стае *никогда не путает*,

который из шимпанзе в иерархии — **вожак**, а **кто** **нет**, кто из шимпанзе — **выше**, а кто — **ниже**.

Выявление этой спонтанной субординации, складывающейся отнюдь не по законам логически-цифрового мышления, — результат очень важный.

Очень.

Так вот, во время одного поразительного по результатам эксперимента из стаи шимпанзе изъяли одного «курьера». Белохалатники обучили его сложной последовательности манипуляций, с помощью которых единственно возможно было достать из ящика душистый банан. Затем вкусными бананами набили такие же «хитрые» ящики и расставили их на территории, контролируемой стаей шимпанзе (суверенное государство?). Стаю лишают всякой пищи, шимпанзе сидят голодные и только принохиваются к чарующему запаху спрятанных в ящиках деликатесов.

И вот появляется обученный «курьер». Он, отвыкший — что очень важно! — от порядков в своем государстве (цивилизации, стае), подбирается к «хитрому» ящику, его открывает, достает банан и начинает есть. Потом, довольный, идет к следующему ящику. И опять ест. Потом к следующему...

А стая, истекая слюной, смотрит...

В результате серии однотипных экспериментов выяснилось, что голодные обезьяны ящики открывать у «курьеров» так не выучиваются. Сколь бы долго голод ни терзал их желудки — ну никак! Максимум на что шимпанзе оказались способны, так это, наголодавшись, у «курьера» банан отнять.

Однако поведение рядовых обезьян принципиальным образом меняется, если, отсадив от стаи, открывать ящики обучают вожака. Как только его, обучен-

ного, возвращали в стаю, все обезьяны *моментально* (!) выучивались, как надо добывать себе пищу.

Результат эксперимента трудно переоценить. Ведь получается, что даже **наиважнейший** (так в нашей «дарвиновской» цивилизации внушено считать) **из стимулов — голод — не определяет поведение примата, когда он находится в стае!**

Или выразимся иначе: *вовсе не голод определяет поведение примата в стае!* Поступки исполнителей определяются *состоянием подсознания вожака стаи.*

Его, среди прочего, дрессированностью.

Иными словами: **всякий поступок члена «коллектива» совершается лишь постольку, поскольку его совершает или согласен совершить вожак стаи!!**

Отсюда следует, если обезьяны с голода не умирают, то только потому, что в ящик забирается или когда-то забирался, чтобы добыть себе жратвы, сам шеф.

Результат эксперимента с курьером примечателен еще и тем, что он разрушает тот сложившийся стереотип мышления, согласно которому примат способен насыщаться по *собственному* желанию. Из эксперимента следует противоположное: индивид действует из *стадного чувства.*

Итак, чтобы разобраться, как же в действительности живем мы, люди, откуда берутся побуждения нас окружающих индивидов, рискнем и еще кое-что назвать своими именами, а именно: **результаты этого эксперимента ставят под сомнение одну из самых основополагающих идей нашей цивилизации, что важнейший инстинкт человека — это**

инстинкт самосохранения. Сохранения себя — как личности.

Итак, если не инстинкт самосохранения определяет поведение человека, то все логические построения в рамках существующей цивилизации, сколь бы логически безукоризненны в пределах исходных допущений они ни были, — неверны. Они — чужь!

Жизнь устроена совсем иначе, чем нам то внушают!

Все теоретические выводы гуманитарных наук, вписывающихся в рамки современной цивилизации, — чужь!!

Но если цивилизации существуют, значит это кому-нибудь нужно.

Кому?

Очевидно тому, кто способен подчинять внушениями. Вождям.

И их жужлым подобиям — *исполнителям.*

Или попросту — стайным.

Но немногим нестайным заблуждения мешают пребывать в счастье.

То, что нас окружают люди далеко не счастливые, в лучшем случае счастливыми притворяющиеся, — естественное следствие цивилизованности.

Причем, цивилизованности не только современного типа, но и любой из когда-либо существовавших. А также и всех будущих.

В противоположность индивиду, *человеку-личности* никогда не возрасти в счастье, если мыслить он будет *цивилизованно.* Разве не так?

Если читатель интуитивно чувствует, что он обладает достаточной потребностью в критическом мышлении, то читать эту книгу дальше он будет со все возрастающим удовольствием.

Эксперимент с курьером (это французское слово, а по-гречески — *апостол*) в стае, несмотря на скромность языковых средств, использованных для его описания, тем не менее позволяет сделать фундаментальные обобщения. Достаточные для построения *теории стаи*.

Вы, наверное, обратили внимание, что когда в стаю подсадили обученного вожака, то остальные обезьяны научились открывать ящики *моментально*.

Осмысление (логически-цифровое) требует времени. Только из скорости процесса очевидно, что в особо быстрых процессах критическое (логическое) мышление не участвует. Шимпанзе не хватило многих дней, чтобы понять, что у апостола можно научиться доставать бананы.

Зато им хватило мгновения, чтобы разобраться, кто в стае выше, а кто — ниже, в их обезьяньем авторитарном, иерархическом государстве.

Сравнения скоростей этих двух процессов вполне достаточно для того, чтобы понять, что не только среди людей, но и среди обезьян побуждения к действию передаются бессознательно, *психоэнергетически*, причем яркий подавляющий индивид (вождь, вожак; у людей — *некрофил*) диктует (*уже одним своим присутствием!*), как себя вести более жухлому.

К особо быстрым процессам в жизни *людей* мы еще вернемся — чуть позднее. Пока же сосредоточимся на стайности существования как таковой.

Глава вторая

ВАЛАБИ И ВАЛАБИЯНКИ

Пьяным он советовал смотреться в зеркало, чтобы отвратиться от своего безобразия.

Диоген Лаэртский о Платоне

Вожак оказывает влияние не только на процессы пищеварения преданных ему *исполнителей*, но и на процессы, как это ни странно, размножения!

Нет-нет, речь идет вовсе не о прямом осеменении, но о закономерности намного более изящной.

Есть такие очень симпатичные зверьки из отряда сумчатых — валаби. Это маленькие, поменьше кошки, но побольше мышки не то кенгуренки, не то крысенки. Хвостик у них длинный, передвигаются они на задних лапках прыжками, детеныш за раз, как утверждают, рождается только один. Обитают в Австралии.

Живут валаби в норках парами, у каждой семьи — своя охраняемая территория, пояись на которой посторонний валаби, — немедленно получит отпор. Валаби вокруг приглянувшейся им скалы или холма образуют колонии или, если избегать латинизмов, — поселения. Такая жизнь парами характерна вообще для многих стайных животных — тех же, скажем, улетающих зимовать птиц, которые остаются стайными, хотя и высидивают не чьи-нибудь, а свои яйца.

Эта стайность валаби с традиционных позиций может, конечно, быть объяснена интересами собственно *исполнителей*: дескать, поскольку для супружества подрастающим детенышам нужны, разумеется, не единоутробные братья и сестры, а подросшие дет-

ки соседей, до которых было бы нетрудно добраться. Но это всего лишь традиционный взгляд, который выгоден, разумеется, не тем, кому он внушен, а тем, кто его внушает. Что касается валаби, то, в опровержение традиционных взглядов, в их образе жизни, как и у стаи шимпанзе, есть занятнейшие детали...

Итак, малютки валаби привлекательны, видимо, тем, что среди ученых много лет считалось, что *живущие парами валаби* (мечта самого ученого — моногамный брак с верной женой?) *старательно охраняют свою территорию, посторонних самцов на нее не допуская.*

И вот некий австралийский исследователь выбрал обжитую поселением валаби скалу и все ее подножие усеял шпионской видеоаппаратурой, тем самым получив возможность следить за супружеской жизнью валаби не только днем, но и ночью, — и начал подглядывать. Он фиксировал все: чем супруги питаются и в какое время, как воспитывают детенышей, каким образом покидают дом при вступлении в брак, как валабиянки (валабки? валабихи?) находят себе женихов, и как мужественные женихи в их присутствии вступают в бой друг с другом. (Мы сейчас не будем обсуждать, насколько обоснована вера в то, что самцы, дерущиеся среди прочего и в присутствии самки, действительно, сражаются *за нее*.) Долго ли коротко ли, но австралийский ученый убедился в верности вывода предшествующих поколений исследователей о том, что да, валаби — *моногамны*. Устоявшаяся точка зрения доказана — несомненно, к удовольствию «исследователя».

Разумеется, исследователь отметил, что и на супружеском небосклоне валаби тоже не без штормо-

вых предупреждений: на охраняемой четой территории время от времени появлялись пришлые самцы, всякий раз разные, однако даже тогда, когда самец валаби бывал «на заработках» у границ своих владений и на ситуацию непосредственно никак не влиял, валабиянки с пришельцем под бдительным оком видеокамер начинали вести себя как пристойные матроны — т.е. враждебно, в результате чего гость спасался бегством. Словом, ни дать ни взять образцовая семья адептов какой-нибудь государственной религии — скажем, самого массового на планете вероисповедания: до изнеможения добывающий корм глава семейства, заботливая (по всеобщему мнению соседских моралистов), все время рожающая мать, пусть даже несколько истеричная, и дети — быстро начинающие претендовать на приоритет в потреблении общих ценностей.

Блаженство австралийского исследователя, любовавшегося на экранах шпионской аппаратуры супружеской идиллией в животном мире (а следовательно, и в параллельном ему мире людей тоже!), было нарушено другим исследователем, биохимиком-генетиком. Генетики среди прочих способов изучения окружающего мира разработали наиточнейший из ныне существующих методов определения истинного отцовства детенышей — не только человеческих, но, разумеется, и всех прочих, в том числе и валаби. Метод настолько точен и неоспорим, что применяется в судебной экспертизе.

Сам факт появления этого метода говорит о том, что у многих мужчин есть основания сомневаться в собственном отцовстве. И это хорошо — ведь отсюда следует, что не все мужчины настолько идиоты, чтобы,

изменяя с чужими женами, верить в верность своей. Да, конечно, большинство супругов со всей страстью комплекса неполноценности веруют, что жены им верны, — а как иначе при вере, что все есть не стайные, но суверенные личности примириться с этой жизнью? — но не все.

Непосредственно на женщинах исследования истинного отцовства статистически проводить затруднительно: хотя женщины и большие любительницы всех и всяческих тестов, но от генетического тестирования на отцовство вдруг шарахаются как черт от лаdana, и начинают быстро-быстро бормотать что-то невнятное про оскорбление их человеческого достоинства. Отсюда, единственным объектом для исследования остается зеркальный мир.

Только вот кого наблюдать? Не городских же крыс, которые откровенно занимаются свальным грехом — об этом чуть позже, — следовательно, остаются «фермерские хозяйства» живущих на природе «моногамных» валаби.

Итак, были проведены генетические исследования самих валабиянок, их супругов и детей.

Результаты — поразили и потрясли.

Что же выяснилось?

А выяснилась удивительнейшая вещь. Оказалось, что **каждый третий детеныш в семействах валаби рожден отнюдь не от папаши-добытчика!**

Этот неоспоримый результат генетических анализов валаби, как в зеркале отражающий скрываемую жизнь супружеских пар людей, важен чрезвычайно.

Выводов несколько.

Во-первых, валабиянки (валабл..и? валабл..дищи?), несмотря на демонстрации агрессивного отношения к

редко захаживающим на охраняемую территорию пришлым самцам, коитус с ними совершить-таки успевают.

Во-вторых, очевидно существуют некие психические приемы, с помощью которых людям, в частности упомянутому зоошпиону, удавалось даже у телемониторов не заметить распушенности валабиянок. Подсознательно оберегая ощущение собственного семейного благополучия, в *нужный* момент он, видимо, уходил «позвонить» или с помощью каких-нибудь иных приемов от экранов отвлекался, чтобы только *не видеть*. Сомнительно, что адюльтер был незамечен по причине изощренной ловкости валабиянок; по той хотя бы простой причине, что вряд ли в каменном веке у праматерей кенгуренок была возможность научиться хитрить перед телеобъективами.

Кто знает, может быть, когда чета валаби скрывалась в своей норке, зоошпион торопливо выключал аппаратуру, рационализируя свой поступок тем, что супруга, после того, как муж засыпает, несомненно, остается на супружеском ложе. (Аналогично, долгое время в это, засыпая, веровал сосед автора по многоэтажке, до тех пор пока однажды утром его *совершенно обнаженную* жену, вернее ее тело, не обнаружили сброшенным ночью с верхнего, шестнадцатого, этажа, из окна «черной» лестницы. Следователи потом удивлялись не столько обилию выявленных подозреваемых, сколько чистоте типа супруга.)

Результаты и этого естественнонаучного эксперимента косвенно обесценивают дарвинщину — что не удивительно. Ведь сам собой напрашивается вывод, что мировоззренческая ценность так называемой

научной дарвинщины сомнительна — ведь построена она на «фактах», отобранных такими изощренными в приспособлении к своим психическим нуждам естествоиспытателями. Более того, в те времена, когда на радость себе и себе подобным «творил» Дарвин, у исследователей не было ни шпионской аппаратуры, ни методик генетических исследований.

Дарвинщина — не истина, но раз ее внушили *исполнителям*, следовательно, она обслуживает потребности вождей — только какие?

(Как не вспомнить моего ныне покойного отца, доктора геолого-минералогических наук, вулканолога и геофизика, который еще в принудительно-атеистическую эпоху, когда каждая пропахшая табаком училка, лающая с мужем и готовая учить чему прикажут, славословила дарвинщину, сказал мне, тогда еще школьнику:

— **Да ничего она, эта эволюционная теория, не объясняет!** — Мы тогда спустились на дно гигантского каменного карьера, на скальных обрывах которого были отчетливо видны так называемые осадочные слои, которые в прокрустовом ложе современной цивилизации считались ломовым подтверждением дарвинщины.

Кому мне, ребенку, было верить? *Таким* училкам, или отцу?)

Вернемся к валабиянству. Закрадывается такое подозрение, что рядовая валабиянка очень бы удивилась, если бы ей сообщили, что аж двое из каждой трех ее детей принадлежат все-таки ее супругу. Может быть, даже не поверила бы, что так много: *аж двое из трех!*

Интересно, а случись у той шпионской аппаратуры более мужественный в восприятии действительности исследователь и подсчитай он количество коитусов, совершенных каждой валабиянкой со своим супругом, а также количество «левых», не вынужден бы был он сделать вывод о *большой восприимчивости к «левому» семени?*

Дело, наверное, не в качествах того или иного самца — ни один объект живой природы нельзя рассматривать в отрыве от всей совокупности бытия; а рассмотрение стай животных рассматривать в отрыве от человеческой популяции и вовсе методологически неверно. Итак, корни происходящего в природе следует искать в образе жизни властвующих над природой людей.

Кому выгодно, чтобы дети были не от отца?!

Способному к размножению мужчине? Нет. Для своих детей добывать пищу не так утомительно.

Женщине, рискующей при раскрытии истинного отцовства лишиться содержания? Нет. Как говорится, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Не говоря уж о том, что пришлый настолько эпизодичен, что о чувстве к нему — *именно к нему* — говорить не приходится.

Выгодно соседу? Сомнительно. У него есть своя самка, и ему не выгодно показывать ей «дурной» пример.

Может быть, даме там приятно? Не смешите. Сказки она пусть желающим быть обманутыми рассказывает.

Но раз валабиянство существует, значит оно кому-то нужно.

В любовных треугольниках сторон отнюдь не три.

А сколько их — если признать очевидное — что фланирующие по бульвару цивилизованные индивиды стайны?

В качестве четвертой заинтересованной стороны мы получаем того, кем подсознательно только и живут *исполнители* — *вождя*. Как это на первый взгляд ни парадоксально, но **треугольники выгодны только четвертой стороне!**

Уровней выигрыша несколько, обсудим три:

- фундаментальный;
- эмоционально-практический;
- бытовой.

Фундаментальный заключается в том, что деструктивное начало в вожде не может не блаженствовать при виде любого нравственного разложения, любой деградации, любой неестественности вокруг.

Эмоционально-практический заключается в том, что, поскольку всякая неестественность разрушает и волю, и сознание его исполнителей, — то блуд приводит к сплочению стаи. Структуризация стаи приводит к усилению индуцируемого ею некрополя — что приводит к отключению остатков воли и сознания у самого вождя и, как следствие, к большей его психоэнергетической зависимости от вождя более высокого ранга — а это для элемента иерархии наивысшее из удовольствий.

И, наконец, **бытовая**, та которую можно наблюдать непосредственно.

Обратимся к историческому и медико-психологическому материалу.

Медиками достоверно установлено, что **около 10%** мужчин страдает импотенцией. Но задайте любому мужчине вопрос: так ли это? — и он, знакомый с

сотней других мужчин (то есть с десятком импотентов), затруднится ответить — все одинаковые, у всех дети.

И что сильнее всего поражает в жизни обладающих гипнотическими способностями импотентов, так это их *спокойное планирование численности семьи*. Собственной. И то, что эти их планы о числе детей исполняются. Разумеется, не без помощи соседского семени.

(Впрочем, справедливости ради надо сказать, что и женщины талантливо разыгрывают из себя сверхлюбовниц. Тот же самый самец, который не в состоянии увидеть очевидное в жизни каждого десятого мужчины, перебирая в памяти десятки попавших в его постель женщин, вполне искренне считает, что ни одной фригидной у него не было — хотя их по статистике более 90%!)

Итак, как бы фантастично ни представлял себе жизнь рядовой обыватель, реальность от этого не меняется. Фригидные остаются фригидными, несмотря на утехи комедиантства, а импотенты без посторонней помощи обзавестись потомством не в состоянии.

Дети в семьях, где кормилец отнюдь не биологический отец, естественно, в таком случае на «главу семейства» нисколько не похожи, и если чему здесь можно удивляться — так только его спокойствию, когда все вокруг восхищенно ахают — дескать, ну точная копия! (Можно вспомнить и евреев, которые в прежние времена хотя и редко заключали межэтнические браки, тем не менее почему-то становились очень похожи на жителей той местности, в которую переселялись. Они же не сомневаются, что они чистопородные потомки Авраама — каждому из его потом-

ков окружающие говорили, криво улыбаясь, что родившийся ребенок ну вылитый отец!)

Итак, кому же необходимо, чтобы непохожесть отпрыска на номинального отца была вполне привычным явлением?

Все вполне очевидно — тем планирующим численность своей семьи гипнотизерам-импотентам, из которых и получают вожди (см. «КАТАРСИС»).

То, что эта тема становится навязчивой идеей для гипнотизеров, — жизненный факт. Столь же навязчивой становится потребность спрятать свое истинное лицо — достаточно вспомнить Гитлера с его Евой фон Браун, как они многообразно имитировали обильную половую жизнь (противозачаточные средства в шкафчике, интимные признания подруге, выплаты из партийной кассы и т. п.), хотя оба были на *это* не способны по хирургическим причинам (см. «КАТАРСИС»).

Выход единственный: подобно тому как труп проще всего спрятать в горе трупов, так и понужденное прелюбодеяние *жены вождя* проще всего спрятать во всеобщем прелюбодеянии.

Желание вождя-«самца» подкрепляется тем, что в «коллективной женщине» стаи психоэнергетически верховодит первая дама, которой остальные непроизвольно уподобляются, — жена *неспособного*.

Странного в главенстве четвертой стороны равным счетом ничего нет. Достаточно вспомнить, что изголодавшийся индивид жует бананы только постольку, поскольку на то есть воля его вожака. Это касается не только шимпанзе или павианов, но и людей — и здесь от медико-психологического материала переходим к историческому — достаточно вспомнить,

как немки во времена гитлеровского «тысячелетнего» рейха в постели с мужьями на пике переживания, которое они по недоразумению называли оргазмом, кричали «*Хайль Гитлер!*»

Вообще говоря, в жизни толп и их вождей достаточно много деталей, которые вне *теории стаи* могут восприниматься как *странности*.

Речь вовсе не о намеренном и осознаваемом комедиантстве. «Хайль Гитлер!» — это от сердца.

Просто, *исполнительница* без «Хайль Гитлер!» *не может*.

Она не может быть вне треугольника — без него жжет разочарование невыполненного сердечного желания.

Потому что того хочет вождь.

Она — в стае.

Она — одновременно вождь и его подруга.

Одновременно — *все* и полное *ничто*.

Глава третья

ТЕОРИЯ СТАИ

Правда — часть Истины; Истина же чрезвычайно полезна — для избранных. Избранных не по капризу случая, но по согласию в числе таковых оказаться.

Истина воспринимается на двух уровнях: образном и понятийном.

Понятийное оформление части Истины есть *теория*.

Истина существует «от начала», следовательно, *теория стаи* как часть Истины существовала всегда.

Интересно то, что знание о стае существовало еще до ее первого воплощения, — выражаясь языком Фрейда, протоорды, — ведь существовало же предзнание о Голгофской смерти Христа еще до грехопадения перволюдей!

Именно стая (противоположность личностного начала) Его и распяла, что закономерно — во все времена в стаях Истина не в чести — умершие и нежить всеми силами стараются ее утратить.

Разумеется, *теорию стаи* воссоздать пытались. Пусть всего лишь некое ее подобие. Различные приближения к Истине в разные эпохи называли по-разному. Например, *психологией масс*.

Если ограничиться только этой формой — современной, — то ее основоположником считают француза Ле Бона, жившего в XIX веке.

Нередко Ле Бону приписывают разве что не демоническую роль в истории: высказывается мнение, что именно изложенные им мысли подтолкнули Европу в пропасть кровавых деспотий XX века. Это мнение пытаются доказать тем, что с книгой Ле Бона о психологии масс были знакомы такие диктаторы (любимцы народов), как Гитлер, Муссолини, Франко, де Голль, и, скорее всего, владевший языками Ленин. Указывают также и на то, что все эти вожди и подвластные им иерархии были *однотипны* и существовали по сформулированным Ле Бонном законам.

Мысль о том, что монстры типа начитанного и любящего технику Гитлера получаются из обычных людей в результате знакомства их с некоторой философией, с некоторым *внешним* понятийно-цифровым знанием — заблуждение. Но коль скоро это заблуждение о логическом мышлении как побудительной

причине поступков человеческих масс засела в наших современниках с силой внушения, подкрепленного стремлением к самооправданию, то при выявлении закономерностей существования стаи целесообразно рассмотреть не только для нас еще эмоционально значимых диктаторов типа Гитлера и Сталина, но и какого-нибудь вожака, жившего до Ле Бона. Например, Наполеона, осмысливая события вокруг которого, Ле Бон и создал психологию масс. Или приглядеться к Ганнибалу. Этот и вовсе жил во II веке до нашей эры.

По стопам Ле Бона изучать психологию обывателя и заново ее излагать взялось великое множество профессоров на всех континентах, субсидируемых не только военными ведомствами, но и гражданскими. Ни к чему особенному их умственные усилия, естественно, не привели (куда им до независимого Ле Бона), разве что взамен прежних лебоновских, *понятных* терминов были введены новые и непонятные, вычурность которых должна была, видимо, подчеркивать избранность профессорской касты (об ангажированных стаей *идеологах* — в другой части книги) и необходимости оплачивать их рассуждения.

Достоин упоминания разве что французский психолог и философ Серж Московичи (он называет теорию стаи «психологией толп», для него *публика* — это все та же толпа, только *рассредоточившаяся*). Под одну обложку он поместил не только взгляды Ле Бона, в соответствии с которыми толпа является игрушкой вождя, но и взгляд противоположный, Фрейда, в соответствии с которым вождь есть всего-навсего исполнитель социального заказа толпы — бессильный клоун. Московичи привлек некоторый

психоаналитический материал из творческого наследия Фрейда, тем расширив пространство проблемы, но, по сравнению с Ле Боном, существенно обеднил свою работу конкретно-историческим материалом (возможно, стараясь не выйти за рамки коммерчески выгодного объема книги).

Как бы то ни было, но во всех курсах психологии масс, как бы эти курсы ни назывались, рассматриваются одни и те же вопросы, сводящиеся, в сущности, к следующему:

— почему люди объединяются в братства, которые им явно не на пользу (ни биологически, ни материально)?

— почему в этих толпах (братствах) люди становятся еще глупее, чем когда они рассредотачиваются до состояния публики?

— почему для управления собой братства выбирают вождя; и они ли выбирают?

— почему вождь в общении с публикой всегда патологически лжив?

— чем вождь отличается от остальных людей, исполнителей его воли?

— возможен ли вождь без преступных устремлений?

— почему мертвого вождя часто оплевывают его же при жизни восхвалители (искренние) и, если есть возможность, то и надругиваются над его телом?

— вождь, толпа, агрессия — есть ли альтернатива этому триединству?

— почему эмоции составляющих толпу элементов по отношению к вождю так напоминают невротические процессы?

— есть ли личности, психологически противоположные толпе (публике), как они распознаются

по внешним проявлениям (поступкам, выражению лица, предпочитаемым объяснениям картины мироздания) и каково их воздействие на вождя и толпу?

Некоторые из этих вопросов с психокатарсической точки зрения совершенно прозрачны: властвующий над толпой вождь — это тот, кто более других наслаждается процессом убийства (буквального или символического) — потому он и живет, все более и более погружаясь в безысходный омут преступлений. Умножающееся число преступлений неизбежно закономерным образом меняет его душу таким образом, что все вокруг гибнет уже не только от его *действий*, но со временем от одного его *желания*. У многих людей рядом с подобным вождем подавляются все жизненные процессы, в частности критическое мышление, и они или гибнут буквально, либо на оставшееся до гибели время становятся элементом какого-нибудь коллективного органа стаи, — становятся как бы плазмой рук вожака, его ног, глаз, органа размножения и так далее. (Обыватели, как правило, *типы*, — как тут не вспомнить толстовское: «...он относился к тому типу людей...».) Критическое мышление у таких элементов коллективных органов вырождается настолько, что они своего зависимого состояния не осознают, а на логическом уровне мышления оперируют достаточно случайными конструкциями. Одно из таких внушений мы только что обсуждали — то, что они, *исполнители*, есть якобы психически суверенные личности и их решения к действиям *самостоятельны, результат расчета*.

Каждый элемент стаи, поглощенный тем или иным желанием вождя, естественно, осмысливает себя как потенциального (или, якобы ввиду неудачно сложившихся обстоятельств, несостоявшегося) вождя. (Если обратиться к субстае женщин, то даже уродка и законченная тупица норовит вести себя как королева [первая леди, маруха главаря].)

Управление стоящими в иерархии на более низкой ступени элементами (*исполнителями*) осуществляется *психоэнергетически*, напрямую и непосредственно. Вожди отличаются всего-навсего тем, что одни из них — наиболее сильные — способны обходиться одним только своим *желанием*, а другие — не способны, потому и используют некие искусственные приемы, механические и идеологические, повышающие восприимчивость окружающих: качающиеся маятники, колокольчики, ритмичное жестикулирование при публичных выступлениях, сформулированное с помощью *идеологов* тотальное вранье, перегружающее ослабленное критическое мышление. Естественно, на начальных этапах карьеры кандидаты в вожди кроме «естественных» психоэнергетических средств вынуждены пользоваться механическими и идеологическими приемами.

Важная черта существования толпы (толпа есть стадо плюс вожак): *для психоэнергетической связи между ее элементами расстояния несущественны*. Кроме военных примеров массовой паники или единого наступательного порыва можно вспомнить и вполне мирные: в прежние времена, когда отсутствовала электронная связь и промышленный шпионаж, великие открытия подозрительно часто делались в разных частях света *одновременно*. Но из истории

науки мы узнаем только о тех особого склада профессорах, которые успевали, растолкав других, опубликоваться первыми. А сколько исследователей осталось в неизвестности! Тех несколько более порядочных, которые долго медлили, перепроверяя результаты и ожидая одобрительной оценки от ближайших своих коллег, пока не обнаруживали, что открытое ими только что опубликовано — но другими? Здесь мы вновь наталкиваемся на понятие «тип».

Психология масс (толп) уже к XIX веку выделила ряд признаков, характерных для боготворимых толпой вождей: тотальная лживость, одержимость моноидеями и т. п., — однако для таких обобщений наблюдателям требовались временные отрезки длиной разве что не в десятилетия. Для практического использования в быту это слишком долго.

Но те же результаты о принадлежности индивида к жреческо-вождистской касте получались всего лишь при взгляде на его интимную жизнь. Дедуктивный метод стал особенно осязаем после того, как стали известны подробности жизни Гитлера. Это один из положительных результатов Второй мировой войны — союзниками были захвачены и стали доступными такие архивы Германии, которые во всех других странах или уничтожаются, или столетиями остаются секретными. (Впрочем, и в античную эпоху стремящиеся к знанию не оставались в неведении: скажем, тот же Тит Ливий, характеризуя Ганнибала, ограничился рассказом о его гомосексуальной наследственности и гомосексуальном окружении — вполне достаточная деталь для восстановления всех остальных обстоятельств жизни великого завоевателя).

Финансируемые вождями государств исследования в области психологии масс изначально строились на утверждении, что вожди бывают *плохими* и *хорошими*. Исследователь мог создавать любую теорию, но из нее должно было получаться, что, да, все предыдущие вожди — это мразь, свинарник, а вот нынешний, напротив, — Посланец Неба. Угроза утратить благоволение своего вождя — аргумент для *исполнителя* серьезный. К тому же это сопровождается утратой и содержания.

Кроме того, при сохранении внутристайного образа мышления в приближениях к *теории стаи* всегда будут выпирать национальные углы зрения — русский, французский, китайский или еврейский, — по причине несовпадения унаследованных от предков невзросов. Соответственно, будут несколько разниться и выводы. Здесь мы снова обнаруживаем определяющую власть стаи над суждениями виднейших ученых — теперь уже не только и не столько со стороны вождя, сколько по причине предыстории человечества...

В «КАТАРСИСе-2» для построения *теории стаи* используются новые подходы — их вообще несколько. Значим каждый — *совокупность* же этих подходов повышает уровень доказанности. Эта объемность облегчает процесс освобождения от эмоциональных пут внушений.

Основные подходы к *теории стаи* суть следующие:

- биологический;
- психоаналитический (психокатарсический);
- теологический;
- исторический.

Подходы не равноценны.

О возможностях и пределах исторической науки мы поговорим в свое время, при обсуждении новой (для официозных систем знаний) концепции Второй мировой войны. Но и без того понятно, что познание Истины не может зависеть от того, был ли Сталиным или Гитлером составлен тот или иной документ, или нет. Или от того, был ли он вождем уничтожен. Или был ли некий договор заключен с кукишем в кармане или без него. Итак, исторический подход ограничен. Хотя и полезен, поскольку формирует верное мышление о закономерностях поступков людей, облакающихся в конкретные формы событий.

Теологический подход тоже достаточно опровержен — противоположными мнениями богословов по простейшим вопросам. Но и этот подход полезен весьма. В частности, наличием в Библии продублированной системы пророчеств о порядке основных событий человеческой истории.

Психоаналитический подход также не свободен от субъективизма, хотя выгодно отличается тем, что объект, в отличие от сокрытых за стенами архивов документов и в отличие от несуществующих и недостижимых точных переводов Священных Писаний, доступен всегда и всегда находится перед глазами каждого — в истинном, неизменном виде. Искажен он только толкованиями — внушенными или самооправдательными.

Именно доступность объектов психоанализа и вызывает к методу звериную ненависть вождей. (Они терпимы и к истории, и к богословию: Гитлер, не отвергавший богословия [в особенности ему нравился ислам — идеальная, по его мнению, религия для достижения мирового господства; индуизм — это его прихоть эстета], а тем более историков [под-

властных ему], сжигал книги Фрейда. Самого Фрейда он не сжег, а только продал — в Англию, за 100 000 фунтов стерлингов, сумму по тем временам просто астрономическую. Справедливости ради надо сказать, что при Сталине психоаналитические труды хотя и не издавались, но изымались из частного пользования только при обысках, и даже сохранялись в спецхранах, недоступных для не совмещающихся с иерархией.)

Четвертый подход — биологический. В его значимости легко убедиться вспомнив ритуальные танцы, которые устраивали университетские комсомольцы — а студенты всегда были наиболее управляемым волей вождей контингентом населения — вокруг костров из учебных пособий по генетике... Именно с помощью биологического подхода мы делаем первый шаг за пределы последней цивилизации...

Впрочем, одни только биологические познания, не обогащенные психоанализом, богословием и историческим знанием, от бредовых желаний вождей ограждают недостаточно... Пока вожака не выдрессируют на открывание ящика с бананом, многие склонны сидеть голодными.

Вообще говоря, Истина — субстанция совершенно иного рода, чем академическое знание — ее можно постичь даже в ситуации, когда все архивы предсудомостительно сожжены, Священные Писания перевраны переписчиками и переводчиками, а животные (зеркала) перебиты.

Впрочем, и академическое знание будет использовано.

Теория стаи, если коротко, состоит в следующем: Стая есть совокупность, состоящая из вожака и стада.

Если стая обезьян, волков или крыс состоит только из вожака и собственно толпы-стада, то род человеческий включает в себя еще и *неугодников*, и *курьеров* — но не от иных *стай*.

Элементы же человеческого рода следующие:

- вождь (вожак);
- *исполнитель* (элемент публики, угодник);
- *неугодник*;
- курьер (вестник, апостол).

«*Вождь*» — он и есть вождь. Как отмечается в некоторых курсах по психологии масс, вождь непременно окружен флером таинственности, он не «раскрывается» даже в своем семейном кругу (то есть *исполнителям* непонятны мотивы его поступков). С толпой и подчиненными ему *субвождями* он патологически лжив. Одержим моноидеей. Не способен к критическому мышлению.

«*Исполнитель*» — это человек толпы, носитель внушений, объединяющих ее в общность. Главное отличие исполнителя от курьера в том, что *исполнитель* подсознательно не желает очищения от этих внушений.

Исполнители и вожди — некрофилы.

«*Курьер*» — он и есть курьер, обыкновенный апостол, не просто посланец, но носитель Истины. (Хотя понятие «курьер» и появилось при обсуждении закономерностей поведения стаи обезьян, однако необходимо уточнить, что «курьер» в стае животных — это не «курьер» среди людей. Общее у них то, что стайные не прислушиваются ни к тем, ни к другим.

Отличие же в том, что обезьяний «курьер» — шестерка, низший и послушный элемент иерархии, а вот среди людей — это идеал развития человека как личности.)

«Неугодник» — это человек любого возраста, обладающий некоторой интеллектуальной и эмоциональной обособленностью от вождя. Это — недокурьер. Курьер первой ступени обучения. Партизан, способный драться, находясь в полном окружении, — *против* сверхвождя.

Вожак подсознательно враждебен *неугодникам* вообще, а курьерам в особенности — это очевидно. В определенных условиях вожаку (не достигшему силы сверхвождя) свою ненависть к носителям противоположной неугоднической психики скрывать выгодно.

Очевидно также и то, что всякий вождь одержим желанием стать сверхвождем. Точно так же и продолжающее его волю стадо не может ограничиться собой — оно или отмирает, или стремится к господству над все большим и большим числом соседей-исполнителей.

В каком-то смысле каждый некрофил, даже жухлый — вождь. Он — слепок, копия, реплика с действительного вождя. Его цель — карьера, взбирание наверх по ступеням иерархии.

Стая движется к своей гибели — буквальной. И время гибели ее уже приблизилось.

Итак, *теория стаи*, если предельно коротко, состоит в следующем: все вожди и *исполнители* (понятия относительные, субвождь — тоже *исполнитель*) стремятся к мировому господству, отражая лишь желание сверхвождя сформировать единую всепланетную стаю. Однако на пути к этой власти

стоят немногочисленные *неугодники*, которые, провозируя очередного сверхвождя к приступу паранойи, разваливают всю стаю. Однако всепланетная стая все-таки сформируется, что, как это ни странно, станет моментом ее гибели. *Неугодники* же не погибнут, а трансформируются в курьеров.

Углубляющиеся на наших глазах процессы изменения психики населения планеты — всей — получают полное свое логическое завершение.

Это — основное.

Однако есть еще многие милые сердцу подробности, которые помогут не просто стряхнуть с себя «цивилизованное» мировоззрение, но и, взорвав его, испепелить.

Глава четвертая **САМЫЙ УСПЕШНЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОТИВНИК ЧЕЛОВЕКА**

К поразительным результатам, развенчавшим прежнее академическое знание о смысле поведения крыс, привела, как и всегда в науке, небрежность экспериментатора — незакрытая вовремя дверка.

Впрочем, и о крысах, и о подсматривающих за ними — по порядку.

Подобно тому, как много лет считалось, что стая валаби (в состоянии — *публика*) есть образец супружеской верности, так и об обыкновенных крысах (состояние — *толпа*), которые откровенно живут в

свальном грехе, считалось, что в остальном они пример первохристианской взаимопомощи (о детенышах заботятся все самки, даже не матери; друг друга не грызут, а ласкают и т. п.). Эти воззрения вполне вписывались в дарвинщину (грызня внутри вида при достаточности пищи есть, с точки зрения теории эволюции, чужь).

Кайфоломщиками во второй половине XX века невольно оказались Ф. Штайнигер и (независимо от него) И. Эйбл-Эйбесфельдт, считающиеся первооткрывателями. Их результаты были не менее сногшибательны чем у кайфоломщика-генетика, заглянувшего в семейную жизнь валаби.

Ф. Штайнигер и И. Эйбл-Эйбесфельдт, в отличие от предшествовавших им публикующихся экспериментаторов, которые наблюдали в вольере за *одной* стаей, в один вольер поместили сразу *две* — *разные* — стаи. (Вариант эксперимента: они пространственно совмещали не стаи, а одиночных крыс, *но из разных стай*.)

Результаты экспериментов взяты из книги лауреата Нобелевской премии Конрада Лоренца «Агрессия». Нижеприведенное осмысление наблюдаемого, естественно, противоположно лоренцовскому, оно — в рамках *теории стай*. Переосмысление «естественно» потому, что выводы Конрада Лоренца в конечном счете были обречены подтвердить *естественность подчинения одной человеческой особи другой* (скажем, при сталкивании конкурентов с пути карьериста) — иначе бы уполномоченным присуждать Нобелевскую премию чиновникам книга не понравилась (о закономерностях ассоциативно-эстетических предпочтений — дальше).

Эйбл, следуя простому здравому смыслу, ради того, чтобы хоть что-то узнать достоверное о жизни грызунов, жил с ними в максимально близком контакте: мышей, бегавших по его бараку, он не только не преследовал, но регулярно подкармливал и вел себя так спокойно и осторожно, что в конце концов совершенно приручил их и мог без помех наблюдать за ними с близкого расстояния. Основной объект его наблюдений — серые мыши. Однажды клетка, в которой Эйбл держал мышей иного типа — крупных и темных, так называемых лабораторных (они довольно близки к диким), — оказалась *по небрежности* открытой. Все было спокойно в бараке, но только до тех пор, пока эти мыши не отважились выбраться из клетки и не попытались начать осваиваться в комнате. Немедленно местные (дикие) серые мыши на темных набросились. Лабораторные (темные) защитить себя на чужой территории не смогли и отступили в пределы «своей» территории, в клетку. Этот свой последний оплот им защитить удалось, несмотря на то, что местные туда ворваться попытались. **Любовь к себе подобным, которую приписывали мышам и крысам, не состоялась.**

Другой исследователь, Штайнигер, серых крыс, специально *отловленных в разных местах*, подсаживал в большой вольер с совершенно естественными для крыс условиями. (Еще раз: новизна эксперимента в том, что на ограниченной территории оказалось *много* крыс из заведомо *разных* стай!) В самом начале своего пребывания на новой территории крысы друг друга боялись и друг на друга не нападали. Чтобы заставить их грызться, экспериментаторам приходилось гнать двух особей навстречу друг другу вдоль

ограждения вольера так, чтобы они на большой скорости друг с другом сталкивались. Неосвоившиеся крысы не нападают.

Агрессивными подсаженные крысы становились только тогда, когда, освоившись и почувствовав себя хозяевами на выделенном им пятачке тюрьмы, начинали делить территорию. Одновременно начинались попытки составить тот союз, который принято называть супружеской парой, что, естественно, для десятков чужих друг для друга крыс процесс не одновременный. В ряде экспериментов выяснилось, что первая же составившаяся пара *парализует* соединение других крыс в пары! (Каким образом? Визуально? Осязательно? Психоэнергетический механизм подчинения Лоренцу неизвестен.) Просто — *парализует* и подавляет.

Да, оказываются парализованными все крысы, а не та единственная, за которой в данный момент началась охота. Все и *одновременно*. Подобно тому, как и шимпанзе *одновременно* выучиваются доставать из хитрых ящичков бананы. Если пример этого им подаст вожак.

Первая пара с самого момента образования начинает преследовать остальных крыс и делает это беспрерывно. Даже в обширном (по оценке Лоренца) загоне в 64 квадратных метра такой паре достаточно всего только двух-трех недель, чтобы умертвить всех остальных обитателей, т.е. 10–15 сильных взрослых крыс.

Оба супруга победоносной пары, как показали наблюдения, *равножестки*. Половые различия проявляются разве только в том, что «Ромео» предпочитает терзать самцов, а «Джульетта» — самок.

Побежденные крысы почти не сопротивлялись, только отчаянно пытались убежать (все две-три недели!) и, доведенные до крайности, к удивлению экспериментаторов, бросались туда, где крысам удастся найти спасение очень редко, — вверх. Вместо сильных, здоровых животных Штайнигер неоднократно видел израненных, измученных крыс, которые среди бела дня совершенно открыто сидели высоко на кустах или на деревьях. Ранения у них располагались в основном на задней части спины и на хвосте — классические места показывающего тыл «потерявшего голову» воина. Эти крысы редко умирали легкой смертью от внезапной глубокой раны или сильной потери крови. Чаще смерть наступала от заражения, особенно от тех укусов, которые повреждали брюшину. Но больше всего животные погибали от общего истощения и нервного перенапряжения, которое приводило к истощению надпочечников. (В точности как у людей — те же надпочечники...)

Особенно действенный и коварный метод умерщвления сородичей Штайнигер наблюдал у некоторых самок, превратившихся в настоящих профессиональных убийц. «Они медленно подкрадываются, — пишет он, — затем внезапно прыгают и наносят ничего не подозревающей жертве, которая, например, ест корм из кормушки, укус в шею сбоку, чрезвычайно часто задевающий сонную артерию. По большей части всё это длится считанные секунды. Как правило, смертельно укушенное животное гибнет от внутренних кровоизлияний, которые впоследствии обнаруживаются под кожей или в полостях тела».

Итак, «Ромео» и «Джульетта» с боя завладевают всем участком. Затем эта, с биофильной точки зре-

ния, явно случайным образом подобранная пара (выбирать, собственно, было не из кого, какие уж тут *половинки!*) начинает *размножаться*. Быстро. И образуется *стая*. И вот теперь, когда все убийства позади, родоначальники-потрошители становятся нежными и заботливыми хранителями семейного очага. А порядки в образовавшейся стае, сколь бы большой она ни была, как раз и напоминают тот образец поведения, которому и внушают следовать вожди государственных религий и тоталитарных сект.

Миролюбие, даже нежность, которые отличают отношение млекопитающих матерей к своим отпрыскам, у крыс свойственна не только отцам и матерям, но и дедушкам, а также всевозможным дядюшкам, тетушкам, двоюродным бабушкам и т.д. и т.п. — до, похоже, любой степени родства. Матери приносят свои выводки в общее для стаи гнездо, и вряд ли можно предположить, что каждая из них заботится только о собственных детях. Серьезных схваток внутри такой семьи не бывает никогда, даже если в ней насчитываются десятки особей. Слащаво-тоталитарное «христианство» крыс проявляется также и в том, что, в отличие от волчьих стай, в которых члены, хотя и столь же учтивы друг с другом, но соблюдают субординацию (звери высшего ранга едят общую добычу первыми), в крысиной стае молодые имеют равные со взрослыми особями права. Хотя крысиная стая, подобно волчьей, на крупную добычу нападает совместно, — а при этом, очевидно, более сильные особи вносят в победу вклад больший, чем остальные, скажем, те же недоросли, однако, — цитируем Штайнигера, — «именно меньшие животные ведут себя наиболее свободно; большие добровольно подбирают

объедки меньших. *Так же и при размножении*: во всех смыслах более резвые животные, выросшие лишь наполовину или на три четверти, опережают взрослых. Молодые имеют все права, и даже сильнейший из старых не оспаривает их».

Конфликты — самые что ни на есть безобидные (могут ударить передней лапой — она слабее задней, — или наступить задней) внутри крысиной стаи все-таки случаются. Но они *никогда* не возникают из-за ревности или из-за еды, а только из-за избыточного того, что полагают формами ласкательства: младшие под старших *подползают*, а старшие — *наползают*.

Однако эта «любовь» такова, что нередко крысы своих детенышей сжирают. В рамках дарвинщины считается, что это от голода.

Каков же смысл происходящего в вольерах с точки зрения *теории стаи*? Соединение в пару двух крыс, уничтоживших всех остальных, случайно только с биофильной точки зрения, но с некрофилической, напротив, далеко не случайно. «Джульетта» тем быстрее «влюбляется» в «Ромео», чем более он вождь — его превосходство прищпоривает к супружеству психоэнергетически. «Ромео» же особенно чувствителен именно к самой главной стерве из всех присутствующих самок — по той же причине. Последующая парализация крыс, у которых процессы «страстного влюбления» идут медленнее, и их, *стайных*, истребление — закономерны. Влюбление у них потому происходит медленнее, что их страсть истреблять меньше, чем у символа крысиной любви — «Ромео и Джульетты».

Безропотная позорная смерть — закономерное следствие их стайности.

Истолковывая результаты экспериментов с крысами и мышами, полезно помнить, что крысы, как и всякие другие виды животных (шимпанзе, валаби) есть точная копия людей лишь в некотором, преимущественно одном, отношении. Всякая стая есть как бы притча, могущая помочь неугодникам осмыслить иерархии любого рода, в конечном счете, как военные машины. И не обманываться даже совершенству слюнявости, которую в ней пытаются выдать за любовь. Это функция соответствующего органа самообновляющегося военного организма.

Притчи — язык не столько логический, сколько образный, и они просты.

Аналогично просты были и притчи Христа, и не понять их можно только при сильном подсознательном желании. Церковь, замечая за своими служителями это стремление *не понимать*, в рамках богословия сформулировала простой принцип, который помогает в толкованиях притч вообще и евангельских в частности избежать произвола. Этот принцип основывается на той очевидной мысли, что когда Иисус предлагал к размышлению какую-нибудь притчу, то *Он в данный момент хотел помочь слушателю из необъятных просторов Истины освоить только одну мысль*. Это естественно: концентрация мысли присуща всякому, кто мыслит. Естественно, мыслящий желает помочь развить подобное качество и близким по духу. Отягощение сознания множеством смыслов есть трансовый прием, предваряющий акт гипнотического внушения.

В соответствии с приведенным принципом созерцания притч Христа, при их осмыслении обретает благословение тот и только тот из размышляющих, кто интуитивно (если угодно, духовно) распознает *главную*

идею; концентрируется на сути — и не рассеивается на форме. Соответственно и каждое слово притчи воспринимается не само по себе, не с произвольных углов зрения, но именно с точки зрения *главной* идеи.

Когда в притче о горчичном зерне, малейшем из всех семян *культурных растений* (Мф. 13:31–32) упоминается, что из него вырастает величайшее дерево, то из этого вовсе не следует, что Иисус не знал, что существуют растения несравнимо большие, чем горчичное. Знал. Просто притча облекала формой только *один* образ, только *одну* идею — главнейшую в данный момент: что самое неприметное *в этом тайном мире* порождает самое для вечности значимое.

Станет ли мудрый человек по сказке о рыбаке и золотой рыбке — очень мудрой сказке! — изучать фауну океанов?!

Природа — живая притча, но только в том смысле, что догадка (акт самостоятельного мышления) о ее сокровенном смысле, выраженном не в словах, а в самом ее существовании, неизменно порождает обобщение, а оно может быть закреплено только в словах. В каждом образе окружающего нас живого мира — а пророки неоднократно говорили, что природа есть источник познания Истины, самого Сущего Бога — открывается для нас только *одна* идея, она есть главное, а хвосты, прядильные качества шерсти и особенности костей скелета — лишь элементы, помогающие людям *осязать* путь к открывающейся перед ними духовной истине.

Жизнь крысиной стаи не может во *всех* деталях пожирания себе подобных служить притчей: скажем, люди в состоянии предпринимать завоевательные походы еще до составления пары со случайной особью противоположного пола (более того, сверхвожди во все

времена были гомосексуальны: Александр Македонский, Ганнибал, Сципион Младший, Гитлер и т. д.). И групповухи типа крысиных (хотя среди субвождей они нередко и практикуются) — все-таки не самая популярная форма общения противоположных полов. И первые дамы государства, кусая, попадают не в сонную артерию, а куда попало.

Полезно заметить, что созерцание живого только с близкого расстояния (скажем, только одной стаи крыс) для выводов недостаточно. Необходим взгляд и с достаточно большого расстояния: и вот уже заметно, как якобы чадолюбивые крысы пожирают детенышей — не только чужих, но, в определенных условиях, и своих.

И люди тоже пожирают себе подобных, хотя и не всегда буквально. Нужно только мужество, чтобы это пожирание признать. И понять, что это свойство — тоже результат пребывания в стае.

И — о *механизме* управления стаей.

Характерно, что передача информации у крыс такая же, как у шимпанзе и людей: она быстрая, не связана с логикой (не вербальная) и вообще не связана с традиционными органами восприятия. Штайнигер называет это *передачей настроения*.

Один весьма яркий пример, когда вся стая реагировала *разом*, без всяких звуковых сигналов, будет приведен в главе, посвященной грызне *внутри стаи*, между своими, когда в ней оказывается *одна* чужая крыса. Но и уже приведенного материала (десятки крыс оказываются как бы парализованными при появлении первой — одной! — пары) достаточно, чтобы усвоить навсегда, что крысы — и свои, и чужие — живут постольку, поскольку что-то предпринимает

вожак. (К сожалению, в экспериментах упомянутых исследователей не учитывается, что в стае есть вожак — только с виду серенькая мышка.)

Примеров этого процесса в природе множество. Взять хотя бы светлячков. Тысячи этих насекомых собираются в стаи, занимая подчас несколько деревьев и каждый на них листик и начинают мигать — **одновременно!**

Но те, которые «как все», — неинтересны.

Есть люди, которые способны мигать не в такт со всеми — *неугодники* — именно им и посвящена данная книга.

* * *

Отступление. После первых изданий «Катарсиса» я нередко получал письма такого примерно содержания: а почему, собственно, вы постоянно поминаете Фрейда — Фрейд то, Фрейд — сё? И в то же время пишете о нём, что он и дегенерат, и, как следствие, гипнотизёр, и ранний импотент, да и жизнь его ушла на создание учения, которое, по его же собственному мнению — идиотизм.

Я отвечал на письма в том смысле, что диалектов русского языка много, надо говорить на каком-то одном. Самый предпочтительный диалект тот, с которым в данном пласте времени знакомы счастливые обладатели критического мышления. В то время, когда я работал над «Катарсисом», моя аудитория интересовалась психологией, а там вся терминология построена на фрейдизме.

Печальная чаша суверенитической нахлобучки не миновала и психологию — точно так же, как она не миновала историю, филологию, социологию и т.п. Психология — понятие, обобщающее все течения

мысли о причинах странных поступков людей — тоже стала инструментом одурачивания людей. Из всех направлений мысли государственной властью, «денежными мешками» и неформальными авторитетами поддерживаются те учения, которые имеют к действительности весьма слабое отношение — любая дурь цементирует стаю.

Редко кто из дипломированных психологов слышал, что Фрейд за восемнадцать лет до своей смерти отказался от фрейдизма и написал малоизвестную работу «Моисей». В ней Фрейд сообщает, что неадекватности в жизни человека невозможно объяснить событиями детства — а ведь на этом, собственно, и построен весь высокогонорарный процесс психоанализа. По новым воззрениям Фрейда, существует нечто вне детства и индивидуальной психики человека.

Фрейд смог заметить только то, что в третьем «Катарсисе» названо «родовой памятью» — отсюда и его концепция протоорды.

Если называть вещи своими именами, то наилучший еврейский учёный-психолог достиг баснословных гонораров и мировой известности на чуши и вранье. Потом покаялся — что в прессе стало чуть ли не военной тайной. Пик его познаний о человеке совпал с первой ступенью того направления мысли, который нас приучили называть гитлеризмом, нацизмом и т. п. Ведь язычество вообще, а немецкое в частности, прекрасно осведомлено, что мы не с полки упали, что у нас есть отец с матерью, в которых мы «пошли». А у родителей наших, в свою очередь, были родители, на которых они похожи.

Психоанализ в фрейдовском смысле этого слова — мероприятие весьма коммерческое: *народ это любит*. По всему миру этим промыслом занимаются

преимущественно евреи и носители той же психологии, хотя и с другими записями в документах. Занятие этим промыслом вовсе не означает наличие у евреев особо острого ума, как то приучают нас думать СМИ — а лишь наличие особо острой беспардонности.

Фрейд велик — и я называю его гением — потому, что он, в отличие от своих соплеменников, хоть в старости, но решился сказать правду. Сказать-то он её сказал — но никто об этом не знает: акцент наших и не наших СМИ известен.

К тому же Фрейд смог разработать верную классификацию людей, которой нет ни у кого, но которая позволяет познавать мир. Людей он поделил по уровню достигнутого развития, который проявляется и физиологически — последнее легко «засечь» даже при высокоартистичном кривлянии рассматриваемого объекта.

Деление это следующее:

— генитальный, полноценный тип, крайне редко встречается;

— анально-накопительский тип, дегенеративный, большинство населения, толпа — вся полностью;

— оральный, тип относительно редкий, часто переходящий в анально-накопительский.

Вот это действительно вклад в осмысление жизни. Хотя не исключаю, что и это Фрейд у кого-то спёр (не сослался). Фрейду — реклама, а тому исследователю — безвестность.

Это как с евреем Эйнштейном — точное повторение.

Таким образом, есть два основных источника неадекватностей общепринятой рыночной концепции человека:

— **голос крови**, особо значимый у людей, тяготеющих к Истине или, напротив, склонных к шизофренической обособленности;

— **голос стаи**, феномены которого описываются в *теории стаи*.

Эти два источника переплетаются — поэтому все мои книги можно считать изложением *теории стаи*.

Особенно о голосе крови в «Катарсисе-3» — «Понтий Пилат. Психоанализ не того убийства».

Глава шестая

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ ФРЕЙДА, ЗА КОТОРУЮ СТАЯ ВОЗВЕЛИЧИЛА ЕГО В САН СУМАСШЕДШЕГО И КОТОРУЮ ЗАБЫЛИ – СТАРАТЕЛЬНО. ТЕОРИЯ СТАИ КАК РАЗВИТИЕ ПОСЛЕДНЕЙ ИДЕИ ВЕЛИКОГО ПСИХОАНАЛИТИКА

По правде говоря, это — единственное объяснение, которым мы располагаем в данной психологии. И мы вполне можем считать его классическим.

Серж Московичи
о фрейдовской концепции психологии масс
(«Век толп», введение. М., 1997)

Люди, за исключением немногих, — суть отказавшиеся от собственной воли элементы стаи.

Отличаются индивиды друг от друга только набором наработанных предками комплексов, «благо»приобретенными невротами, а также назначением того

коллективного органа стаи вождя, к которому они относятся.

Но почему они не хотят *жить*?

Почему у них вообще есть вождь?

Почему столь сильные чувства связаны именно с вождем?

Какое преступление предков объясняет появление этих сколачивающих в стаю чувств?

* * *

Концепция протоорды Зигмунда Фрейда — лучшее, как полагают, на сегодняшний день достижение в области *психологии масс*...

Согласен: остальное — еще хуже.

Фрейд начинал свою деятельность психотерапевта откровенно — гипнотизером.

Наблюдая за погружающимися рядом с ним в транс, следя за их дальнейшей жизнью, Фрейд имел возможность поразиться, насколько любой человек бывает верен — даже до смерти — полученному при отключенном критическом мышлении внушению.

Как-то — может быть, независимо от предшествовавших мыслителей, но, скорее всего, повторяя их мысли — Фрейд догадался, что *вся* так называемая сознательная жизнь *исполнителей* (т. е. почти всего населения) определяется одними только внушениями — полученными, правда, не на эстраде и не в кабинете гипнотизера, а начиная с младенчества, от родителей и учителей — в свою очередь, тоже носителей внушений.

Изучать феномен цивилизации как комбинации внушений можно как по всей толпе в целом, так и по одному индивиду — доступному. Это серьезная оговорка, потому что сверхвожди (да и субвожди тоже)

прямому психоанализу противятся, а носителей информации о себе и знаний вообще стремятся уничтожить.

Но история к нам милостива: систематически сверженные хиреют и умирают, будучи не в состоянии прихватить с собой *всех* свидетелей. Тем более, свидетели — это не только те, которые видят плотскими глазами, — но всякий психоэнергетически зависимый от вождя элемент стаи. И о Гитлере, и о Наполеоне можно узнать многое даже после их физической смерти.

Фрейд, родившийся после смерти Наполеона, доступ к психике императора имел — свое «лечение» оплачивать была в состоянии принцесса Мари Бонапарт. Возможно, где-то в черновых записях Фрейда и сохранились описания особенностей ее психики, которые определялись пусть не происхождением от несуществовавших чресл Наполеона, а только общими с ним предками.

То, что прошлое предков воспроизводится в потомках, — наблюдая, скажем, какую-нибудь мать с дочкой, не заметить трудно. Да и сама толпа как целое — объект весьма рельефный для осознания того, что настоящее есть не более чем воспроизведенное прошлое. Порой на понятийном уровне забытое.

В сущности, политическая история человечества такова: элементы толпы без сопротивления подчиняются самому некрофильному из вождей, боготворят его, называют не иначе как Отцом; затем появляется новый вождь; все, обратившись, лижут галифе ему, а на прежнего, ослабевшего, гадят... В истории действует отнюдь не великое число индивидуальностей, внесенных в списки сборщиками налогов на нужды вож-

дя, но всего лишь сверхвождь, несколько конкурирующих субвождей и толпа. А если короче: есть вождь и толпа. (Состарившийся Фрейд в *этом* наблюдении оригинален не был — все авторы античности, а из них прежде всего военные историки, подчеркивали, что именно безмозглость [отсутствие напряженного интереса к Истине] и есть сущность толпы. Фрейд оригинален тем, что он, спускаясь по дереву неврозов, попытался найти его корень — изначальную психическую травму.)

Фрейд в старости, уже будучи известным создателем индивидуальной психологии, в рамках которой сумма неадекватностей поведения людей внутри семьи и вне ее объяснялась при помощи концепции детского комплекса Эдипа, понял, что комплекс Эдипа не объясняет слишком многого. К этому выводу Фрейда вынудила конкретная психотерапевтическая практика: далеко не все неврозы (неадекватности поведения), за излечение (или, во всяком случае, оплаченное обсуждение) которых он брался, сводимы к *детским* переживаниям, но наследуются из прошлого и просматриваются в поведении родителей и родителей их родителей.

Кроме того, Фрейд, всю жизнь проживший в достаточно мирной Австро-Венгрии, вдруг оказался в воюющей Европе — началась Первая мировая война. Первая мировая, в отличие от предыдущей (Наполеоновской) и последующей (Гитлеровской), была в значительной мере позиционной, не было ни стремительных прорывов, ни блистательных побед «великих полководцев» (таковых вообще не было), а только сидение в окопах и уродование с помощью пушечных снарядов и пулеметов миллионов мобилизованных и добровольцев. Толпы, столь откровенно проявившие себя

в ужасах Великой французской революции, активизировались с красными бантами на груди вновь — в далекой России, в соседней Германии и так далее. Однако романтические словеса вождей «революции» о свободе и светлом будущем вновь на поверку обернулись обычными кровавыми разборками конкурентов в вожди, и вновь, как и во Франции, отпетые революционеры превратились в послушных холуев диктаторов Муссолини, Гитлера, Сталина и т. п. Во всяком случае, так *видел* далеко обогнавший современников мыслитель, труполюб и гипнотизер Зигмунд Фрейд.

Фрейд оказался перед такими не только психопатологическими, но и политическими фактами, которые не объяснялись ни теориями общества, уже существовавшими, ни даже его собственной, основанной на комплексе Эдипа, философией психоанализа.

И Фрейд взялся за создание новой теории, которая могла бы объяснить все те ужасы повторяющегося поведения толпы, которые ему, как жителю Европы первой половины XX века, пришлось не только видеть, но и стать их жертвой (концлагерь, продажа в Англию за 100 000 фунтов стерлингов).

И он такую теорию создал.

Это и был истинный фрейдизм.

Созданная им концепция, соединяющая закономерности реальной жизни, для публики была еще более оскорбительна, чем комплекс Эдипа — за что Фрейда толпа и возвеличила *выжившим из ума стариком*, а саму теорию забыли — *старательно*. (Оно и понятно: если следовать психоанализу раннего Фрейда, то можно доить клиентов десятилетиями, а если признать позднего, то придется заняться менее оплачиваемым трудом, уступив место Богу.)

Да-да, к Фрейду то, что мы сейчас называем фрейдизмом, отношения не имеет. Речь вовсе не о том, что невежественная толпа приписывает Фрейду пансексуализм, который Великий Психоаналитик никогда не исповедовал. *За фрейдизм, вопреки истине, выдают нечто, от чего Фрейд в последние 18 лет своей жизни нашел в себе силы отказаться!*

Фрейд сформулировал концепцию протоорды.

Чтобы отчетливо понять какую-нибудь концепцию, необходимо прежде собрать воедино те явления (лучше сказать *странности*), которые данная теория пытается объяснить.

Итак, Фрейд позволял себе видеть, что:

— Политическое бытие создается силами толпы; толпа же есть *особое* психическое состояние людей — индивид растворяется и утрачивает даже то незначительное критическое мышление, которое у него наблюдается в состоянии «публика».

— Вожди, которым толпа и идеологи приписывают развитый интеллект, глубину мысли и особенную порядочность, на поверку *всегда* оказываются людьми не просто поверхностными, но и не обладающими критическим мышлением. Они — устроители железных иерархий, и не более того. Импотенция и гомосексуализм — вот это таким, как они, свойственно. (Фрейд, сам отчасти такой, эти отклонения объяснял невинно: сублимацией либидо на любых объектах, кроме лиц противоположного пола, т. е. просто чуть-чуть ошибались адресом; путаники, одним словом.) Вожди всегда одержимы моноидеями, причем *в большей степени, чем сама толпа* фанатиков.

— Вождей сначала боготворят, потом ненавидят — и нередко убивают. Сама же толпа.

— Фрейд, будучи жителем «христианской» (католической) страны (Австрии), видел, что отношение верующих в церковной иерархии к папе в точности то же, что и у наполеоновцев — к Наполеону, а у гитлеровцев — к Гитлеру.

— Главное событие в строго иерархичной общности католиков — питье крови (таинство причащения), достигающееся в конечном счете от патера-Отца; точно так же, брызги крови на лицах в сражениях — это верх того, что могли дать Гитлер и Наполеон. В потребности толпы в потреблении крови и в поклонении Отцу со всей очевидностью угадывалась глубинная психологическая травма, общая для всего народа, следовательно, полученная протоотцами.

— Толпа всеми силами отрещивается от свободы и раболепствует перед вождем, в этой энергии угадывается сила невроза.

Всю жизнь Фрейд зарабатывал на жизнь одним, в сущности, способом — пытался *отговорить* людей от непрактичных (невротических) поступков.

Невротический поступок — это если в детстве мамка дочурке затыкала ротик зеленым носком, чтобы дочурка не плакала от страха, когда во время отсутствия папки мамку наскоро посещал дядька-сосед; и вот девочка, превратившаяся в молодую женщину, начинает задыхаться и давиться, увидев всякий *зеленый* носок.

У этого конкретного невроза есть и обертон: затыкая ротик уже своей дочурке, она предпочитает *зеленый* носок.

Невроз — это когда присутствовавшая при убийстве, сопровождаемом фонтанами *красной* крови, женщина если не теряет зрение вовсе, то у *красных* предметов в лучшем случае видит лишь контуры, или

вообще перестает видеть *красный* цвет. (Что весьма опасно для жизни, скажем, во время перехода дороги под светофором — поэтому и надо лечиться.)

Невроз — это и более сложные поступки, целые их цепи (чтобы оправдать затыкание рта зеленым носком, надо заманить соседа, для чего можно и в любви ему объяснить). Естественно, богатый наблюдательский опыт Фрейда со всей очевидностью доказывал всю неодолимую силу и мощь невроза — никакие чисто словесные *призывы* поступать благоразумно не останавливают перед красным сигналом светофора и от выгибаний перед соседом — с зажатым в кулаке зеленым носком.

Лечение неврозов, по Фрейду, состояло в том, чтобы, вернувшись в ситуацию прошлого, когда была получена травма, ее *осмыслить* и через осмысление истинных причин своего поведения от «странностей» освободиться. (Это не работало — до тех пор, пока не делалось разрушающее психику внушение; но речь сейчас не об этом — в конце концов, никто не неволил клиентов расставаться с необходимыми Фрейду деньгами.)

Кретинизм состояния «толпа», сила чувства в желании быть «как все», желание «отключиться», всеобщность этого влечения со всей очевидностью, по Фрейду, указывали на древность травмы, случившейся с протоотцами. Следовательно, по Фрейдовской концепции, от этого идиотизма можно было освободиться через воспроизведение ситуации, в которой она была получена. Фрейд верил, во всяком случае демонстрировал веру в то, что если «расшифровать» эту древнюю травму, дать клиенту возможность ее осмыслить, то родится «адекватный человек», свободный от толпы.

Для более полного возвращения в эту древнюю ситуацию необходимо было выявить детали, воспроизводимые из поколения в поколение несообразности. Связаны они должны были быть с отцом или его заместителем — вождем; или с богом; Фрейд таких «несообразностей» выявил множество...

Итак, коротко подытожим те основные факты «неполезного» для биологического, психологического и умственного здоровья людей поведения, объясняя которые, Фрейд и стал классиком психологии масс:

— преданность толпы-братства вождям, безумное им поклонение;

— проклятья в адрес тех же вождей, их убийство;

— воспевание толпой своего состояния, воспринимаемого как *братство* («брат» — обращение не только в монастырях и тоталитарных сектах, но и в некоторых преступных группировках);

— вместо принятия во время причащения, по Евангелию, *символов* любви Бога-Отца, упорное желание братств пожирать *буквальную плоть* и пить *буквальную кровь* Бога;

— сохранившееся в Полинезии каннибальство, облеченное в религиозные формы;

— сила влечения, характерная только для неврозов;

— навязчивое повторение одной и той же ситуации, повсеместно, и во все обозримые времена;

— странная религиозность населения, которое вместо того, чтобы познавать Истину, ищет утраты даже следов индивидуальности и воспекает состояние зависимости;

— главная тема считающихся публикой гениальными произведений художественной литературы —

и это невозможно не заметить — *отцеубийство* (иногда в форме *богоубийства*).

Гениальный (сравнительно с людьми своего типа) Фрейд, хотя и был атеистом, но был человеком достаточно начитанным и мыслящим, чтобы понять, что человечество вопреки предсказаниям дарвинщины не только не развивается, но деградирует. Да и сама идея эволюции не для мыслящих. Разве не сохранились исторические записи за почти три тысячи лет: дегенератов рождается — море; улучшенные «образцы» — событие, в потомках почти не повторяющееся?

Следовательно, если даже и возможна мутация, выводящая рыбку в птички, то она не закрепляется и уж тем более не может носить *массового* характера. Отсюда, человек как *homo sapiens* в принципе мог зародиться только в одной точке планеты!

А раз так, то и первое сообщество было только одно — Фрейд называл его *ордой* (он веровал, что они были тупее его современников, гитлеровцев). Вот в ней-то, по мысли атеиста Фрейда, и произошло травмировавшее психику рядовых членов орды событие — *убийство отца-вождя*.

После убийства и возник невроз, который тысячами передаётся из поколения в поколение.

(Трудно не согласиться: в каждом срезе истории все одно и то же — толпы, толпы, толпы, вожди и снова вожди, идиотизм идей, которые вожди внушают стаду, кровь, убийства, штурм *великого города*, пылающие дома, а невдалеке — вмерзающие в лед трупы...)

Фрейд реконструировал случившееся в древности преступление против тела памяти потомков следующим образом.

Некогда люди, после появления размножившись, составили *протоорду*. Во главе ее стоял вождь, старейший член орды — *отец* всех мужчин (и женщин) в орде. Мужчины протоорды — его *кровные* сыновья. Отец-вождь — муж всех в стае женщин, включая и дочерей, и собственную мать (как это бывает, скажем, у оленей), и ни одна из женщин не имеет права отдаться сыновьям самого вождя (своим братьям). Сыновей за попытку совокупления с сестрами отец наказывает. Совокупляется с ними сам (отсюда, очевидно, по мысли Фрейда, комплекс Электры: дочь ищет отца). Монополия на женщин, естественно, вызывает раздражение у сыновей, которых обделяют в *этом*, как и при дележе пищи — лучшие куски им явно не достаются. Таким образом, сыновей и полувнуков (а как еще назвать детей, рожденных дочерьми от своего отца?), организовавшихся в *братство*, единых по положению и чувству обделенности, раздрают два противоположных чувства:

— с одной стороны, они ненавидят вожака, который лишает их всего самого ценного (самым ценным всегда было и есть нечто недоступное, но не вообще, а лишь то, что привлекает внимание вожака), и потому, чтобы получить ко всему этому доступ, им *хочется властителя гарема убить*;

— с другой стороны, они испытывают к нему сыновью привязанность, которая *не позволяет его убить*.

Однако ж, заговор составляется, братья сообща приканчивают любимого папашку и *его съедают*. Естественно, и *кровь* тоже идет в дело — ее *выпивают*.

Но так уж устроены люди, что наследуют они не только лучшие куски и женщин, но и полученный в

результате преступления невроз. Способ существования неврозов-травм — непроизвольное воспроизведение символического или буквального преступления. Воспроизведение же состоит в том, чтобы преклоняться в благоговении и послушании перед конкретным человеком, заменяющим отца (вождем), или вымышленным — богом-Отцом. А затем начинается пожирание его мяса и питье его крови.

Через поколения, а порой и в течение жизни одного поколения все негативные эмоции, связанные с вождем-богом, с *логического* уровня стираются, и начинается по вождю ностальгия — и «отец» становится Отцом и даже богом.

В одури невроза блаженное состояние покаяния о совершенном поступке без пожирания плоти и питья крови Отца-бога невозможно; для того, чтобы добыть крови, нужно прежде поклониться его величию, для того и выбирается очередной вождь из числа братьев, — и цикл повторяется, — включая и убийство брата.

Однако между правлением отца-диктатора (тоталитарный режим?) и правлением одного из сыновей (тоже диктатора) есть промежуток времени, когда братья пытаются договориться о равенстве прав и возможностей друг друга (демократия?). Именно на этом этапе, по Фрейду, и возникает так называемая нравственность — в виде запрета на обладание *всеми* женщинами (в конечном счете дается право на обладание только одной); инцест запрещают (мать хотят все — пусть же не достается никому); вводят запрет на присвоение имущества, которое прежде целиком и полностью принадлежало Отцу (скажем, земля), а теперь поделено по-братски.

Разумеется, это равновесие неустойчиво, и обожающие память об Отце женщины и дети выбирают одного из братьев в вожди. Цикл повторяется.

В такой реконструкции прошлого Фрейду, как ему казалось, удалось собрать воедино все выявленные им на протяжении его психоаналитической практики механизмы, явно противостоящие интересам выживания человека (дарвинщине).

Эта концепция протоорды примирила составившегося Фрейда с обнаруженными им странностями — ведь в эту концепцию умещается и комплекс Эдипа, и половое влечение к матери и сестре, и неестественный с точки зрения интересов размножения запрет на инцест (крысы, например, не разбирают, кто есть кто); умещается и «половая преданность» дочери отцу, и болезненное влечение к братствам, и убийство вожаков с тем только, чтобы тут же вознести над собой почти такого же, и цикличность форм власти в истории, и благоговейное пожирание мяса бога — буквальное (Полинезия) и «пресуществленное» после волхования священников (Полинезия после обращение в католичество, католическая Европа и окатоличивающиеся с XX века Соединенные Штаты).

Догадку Фрейда о стаинности толпы, о невротическом повторении ею прошлого, публика, мягко выражаясь, не поддержала. С Фрейдом перестали здороваться даже соплеменники.

Болезненное воспроизведение травм детства — пожалуйста, они теперь готовы воспринимать (хотя раньше оплевывали). Но *протоорда* — нет!

Своей новой идеей Фрейд лишал элементы стаи возможности для *самолюбования* даже неповторимо-

стью своего детства. Им приходилось признать, что они — ничто, более того, возникал вопрос о покаянии с последующим рождением свыше.

Закономерно, что Фрейд, как и Толстого, толпа с презрением обвинила в ничтожности их умственных способностей по сравнению с ее умственными способностями! Идею о наследуемом «неврозе протоорды» постарались забыть — старательно. Ее помнить просто не могли...

В воссоздании *теории стаи* Фрейд не мог быть до конца последовательным: в силу неслучайности ряда позорных пятен его биографии — гипнотизер, жесткий администратор в откровенно сектантском «Психоаналитическом обществе», и так далее.

А кроме того, гипнотизер Фрейд, считавший себя разве что не мессией, не мог не пытаться создать нечто противоположное уже опубликованной «Психологии масс» Ле Бона.

Если в концепции Фрейда вождь — ничто, игрушка, если не сказать жертва невротических потребностей элементов толпы (рассматривая чуть дальше обстоятельства бегства из России Великой армии, трудно согласиться с Фрейдом, даже при всем к нему почтении), то в гипнотической модели Ле Бона считалось, что вождь — это гипнотизер, повелитель, носитель воли, самовыражающаяся личность, а толпа — гипнабельное стадо. Все поступки толпы (публики), ее желания и мечты существовали лишь постольку поскольку эти желания и мечты ей внушал вождь-гипнотизер, свободная личность, творец (анализируя обстоятельства жизни Наполеона и «притягиваемые» к нему события, трудно согласиться, что тотальный раб неврозов есть, как учат идеологи на содержании стаи, носитель *свободной воли*).

Ле Бон считал, что внушаемость является первичным и ни к чему не сводимым явлением, основополагающим фактором психической жизни человека. Сообщество индивидов — не совокупность людей, а только стадо.

С такой концепцией толпы и вождя Фрейд не мог согласиться никак. Во-первых, потому, что он ясно видел, что взаимоотношение стада с вождем явно опутано стальными цепями невроза. Во-вторых, изучение истинного лица вождей должно было неминуемо привести его к выводу, что и он, *сам будучи вождем, — глубоко порочный человек.*

Фрейд, знакомый с типажамми тайн интимной жизни, сам вождь, знал о том, что вожди — порочные из порочных: мужчины — не мужчины, а женщины — не женщины. Признать, что люди способны внять внушениям некоего вождя, а следовательно, импотента, Фрейд, который начинал свою медицинскую карьеру с деятельности практикующего гипнотизера, не мог. Это гораздо хуже, чем порядочной женщине публично раздеться.

Да, действительно, Фрейд стал импотентом хоть и несколько позже императора Нерона (тот не *мог* уже к 30), но *до* своего 40-летия (если правда то, что раньше он *мог*; сомневаться же приходится потому, что только с его слов мы и знаем, что он и прежде *мог*, занимаясь до 28 лет онанизмом, — жениться, якобы, не доставало денег).

Да, действительно, по понятным хронологическим причинам Фрейд не мог быть знаком с трудами о некрофилии своего последней волны ученика Эриха Фромма, может быть потому Фрейд и *не стеснялся признаваться, что знает, что это такое — сильнейшее притяжение трупа.*

Тем более он не мог быть знаком с психокатарсисом и потому не разбирался в природе страстной любви, да и *не мог себе этого позволить*: в любителя трупов и импотента Фрейда страстно влюблялись все его пациентки.

Эти повальные влюбления Фрейд сначала объяснял тем, что он просто очень-очень красивый, и чтобы не отягощать процесса лечения невыгодными ему эмоциями, между собой и пациентками распорядился построить стенку, оставив для разговоров небольшое окошечко ниже уровня лиц. Но пациентки страстно влюбляться все равно продолжали.

Фрейд вынужден был отказаться от веры в свою неземную красоту и стал объяснять влюбленности тем, что страсть — это ответ трепетных женских душ на его профессиональное умение их выслушать, в его внимании к ним они получают возможность почувствовать свою исключительность, за что и одаривают его самым ценным — страстной любовью и преданностью Учителю.

Естественно, не желая, чтобы широкой публике стал известен секрет его импотенции (помните, к каким ухищрениям скрыть то же самое прибегал Гитлер?!), не желая, чтобы на него перенесли познание об особенностях жизни императоров и великих военачальников, Фрейд не одно десятилетие потратил на то, чтобы доказать, что все эти отцы-императоры владели волей толпы вовсе не из-за способности к гипнозу, а потому, что были игрушкой невротиков сбившихся в братства людей. (Характерно, что когда некоторые ученики позднего Фрейда вдруг открывали, что «лечение» Учитель проводит исключительно гипнотически, Фрейд падал на пол в припадке и немедленно отлучал догадливых от Психоаналитического общества.

Естественно, Фрейд не мог себе позволить признать того, что и копрофилия, над которой он тонко издевался, есть проявление, сопутствующее гипнотическим способностям.)

Подсознательное самооправдание Фрейдом себя, вождя-гипнотизера, его как исследователя погубило. Его интересовала не столько Истина, сколько защита себя как праведника и, возможно, будущего святого. Потому и не смог он снять внутренние противоречия в концепции протоорды — гениального шага за удушающие пределы существующих цивилизаций.

В концепции *протоорды* для гипнотического насилия и, как его противоположности, изначально существующей во Вселенной нравственности, места не оставалось. В описании психологии масс Фрейд позволил остаться только наследуемым неврозам (соответственно, для избавления от них — необходимости вмешательства хорошо оплачиваемого «специалиста»); в вожди же выбирался человек, который был не хуже толпы — *просто вел он себя особенно*. Словом, вождь-гипнотизер — ничто; а все — кредитоспособный пациент (тоже, кстати, не без гипнотических способностей). Торгашеский подход.

Добровольное искажение мировоззрения — очень серьезный момент в практической жизни каждого зарабатывающего медициной «специалиста»: необходимо позволить внушить себе такую концепцию человека, в соответствии с которой даже в заведомо безнадежном случае можно дать себе «добро» на проведение бесполезных, но хорошо оплачиваемых *сеансов*. Концепция *протоорды* это позволяла.

Желающий зарабатывать практикой не свободен в отражении действительности — при адекватном и

нравственном подходе можно остаться и без клиентов: *большие* деньги есть только у некрофилов (скажем, той же принцессы Мари Бонапарт), и чем они, некрофилы, ярче, чем денег у них больше, тем более крупные суммы они готовы платить психотерапевту за удовлетворяющие их мировоззренческие концепции. Но яркие некрофилы психокатарсису не поддаются, все же остальные вмешательства суть гипнотические внушения, кодировки и перекодировки. Потому психологи и психоаналитики в познании человека и топчутся на месте. Трудно, сообщив клиенту, что он — *дерьмо*, надеяться, что гонорары будут выплачиваться и дальше.

Одна из причин, по которой Фромм в осмыслении жизни зашел несколько дальше своего учителя, в том, что он, обеспечив себя, с некоторых пор почти не практиковал, а зарабатывал писанием книг — потому и *мог себе позволить* глубже, чем Фрейд, проникнуть в сущность человека. (Правда, Фромму приходилось оправдывать свое сидение в Америке — об этом дальше.)

Льву Николаевичу, не могшему жить вне России, приходилось оправдываться разве что в продолжении сожителства с Софьей Андреевной, хотя десятки лет он вполне осознавал, что выверты его жены — болезнь нравственного свойства. Но он не зарабатывал психотерапией и остался в России. Потому мысль о том, что вожди на поверку оказываются ничтожествами (во всех смыслах) для Льва Николаевича Толстого была вполне естественна. (Напомним, что Лев Толстой закончил «Войну и мир» *прежде*, чем Зигмунд Фрейд научился левую руку отличать от правой.) Лев Николаевич считал сверхвождя ничтожеством, напоминающим ребенка, который дергает

за веревочки, привязанные внутри кареты, и при этом воображает, что управляет каретой именно он. Превосходство сверхвождя над элементами толпы в том, что он *лучше чувствует, в какую сторону веет дух времени, и с большей готовностью вместе с ним и дрейфует! То есть является как бы исполнителем некоего сверхсверхвождя, возможно и не выставляющегося!*

Толстой хотя и жил прежде Фрейда и Ле Бона, но обогнал их обоих, потому что в такой концепции снимаются противоречия гипотез и Фрейда, и Ле Бона.

И Фрейд, и Ле Бон, и Толстой умом понимали стадность *исполнителей*, но в оценке вождей разошлись. Для Фрейда вождь — такой же, как и элементы братства, для Ле Бона он — личность, а для Толстого вождь — ничтожество. Что закономерно: Фрейд был гипнотизером, героем-любовником, в которого влюблялись даже через окошечко, а в Толстого страстно никто влюблен никогда не был, хотя он по всем параметрам — интеллект, физическая сила, порядочность — превосходил современных ему героев-любовников (см. «КАТАРСИС»).

Практика психокатарсиса, исцеляющий эффект от удаления мусора внушений, полученных от вождей, ощутим и не оставляет места для сомнений в гипнотических способностях ярких некрофилов, которые способны подавлять *исполнителей*, навязывать им тексты приказов *одним только своим желанием*, и, пожалуй, — *одним только своим существованием*.

С другой стороны, мусор внушений способен лечь только на уже замусоренное место, на нераскаянные ложные представления, унаследованные от предков,

некие самооправдания древних преступлений, на — и в этом с Фрейдом можно согласиться — некий корневой невроз, один из глубинных — оставшуюся со времен протоорды психическую травму.

* * *

Итак, *теория стаи* ни Ле Боном, ни Фрейдом, ни даже Толстым воссоздана не была.

Фрейд совершенно верно указал на невротичность поведения людей, показал, что жизнь людей — не более чем навязчивое повторение того, что уже было прежде, повторение травм, появившихся прежде детства, возможно, еще до возведения египетских пирамид.

По Фрейду, человеческое общество состоит *только из одного типа людей — братьев*. Отцами-вождями становятся в очередь, выйти же из орды — дело техники: надо лишь оплатить консультации специалистов Психоаналитического общества.

У Ле Бона есть не одни только братья, отличающиеся друг от друга заученной информацией, но — вожди (воплощение цивилизованности) и толпа.

У Толстого кроме *исполнителей* угадывается некий сверхсверхвождь, а воплощенный вождь — не более чем *исполнитель*. Сопrotивляющийся неправде — тоже исполнитель, только *появшийся*. О *принципиальном* отличии исполнителя и сопротивляющегося Толстой не говорит.

Теория стаи же оперирует четырьмя в определенном смысле не сводимыми друг к другу типами:

- вождь;
- исполнитель;

— *неугодник*;

— *курьер*.

Несмешиваемость этих типов — относительна. С одной стороны, *вождь* — *исполнитель* у *сверхвождя*, а рядовой *исполнитель* может быть *вождем* в своей семье; *неугодник* же — это недоформировавшийся *курьер*. С другой стороны, из *курьера* *вождь* не получится точно; *неугодник* же может стать или *исполнителем*, или *курьером*. *Исполнитель* — он и есть *исполнитель*, хотя и может пасть до уровня *вождя*. Или через покаяние дорастает до *неугодника*. *Курьером* же, минуя стадию *неугодника*, не стать.

В смысле различения духовных категорий людей в обществе Лев Николаевич Толстой зашел намного дальше, чем Фрейд. Если говорить о «Войне и мире», самой подсознательной его работе, то в первой молодости поклонявшийся Наполеону полунеугодник Пьер через ряд мытарств и самопостижений дорос если не до *курьера*, то до зрелого *неугодника* Петра Кирилловича, противопоставшего Наполеону — *сверхвождю*.

Глава седьмая

ТРЕХЦЕНТРОВЫЙ МИР

Толстой — не единственный *неугодник* на планете. Подобно тому, как и Наполеон — не единственный *сверхвождь* в истории человечества. Были *сверхвожди*, психологически ему подобные, но были и другого типа.

Все существующие курсы истории недостаточно глубоки потому, что в них вожди и сверхвожди психологически не различаются — а между тем они бывают двух основных типов: «*внешники*» и «*внутренники*». Соответственно, и иерархии, их обслуживающие, бывают или «*внешнические*», или «*внутреннические*». *Исполнители*, составляющие эти иерархии, тоже разные: одни, как и их предки, предпочитают служить «*внутренникам*» типа Наполеона, другие — «*внешникам*» типа Гитлера или Сталина.

Стаи, обслуживающие как вождей-«*внешников*», так и вождей-«*внутренников*», в основе основ идентичны — иерархичность, неспособность унять себя и свои ассоциативно-эстетические предпочтения — но во многом они и различны. Гитлер (Сталин и т.п.) не похож на Наполеона (Ганцибала и т.п.). Гитлер был бессребреником, Сталин и вовсе спартанец, а вот Наполеон млеял от вида золота и предметов роскоши. Гитлер был склонен к неприкрытому произволу (расстрел на месте без суда), при Наполеоне хотя тоже расстреливали, но тому предшествовало составление бумаги. Гитлер ценил бескорыстную преданность, Наполеон не скупился на миллионы золотых франков. Наполеон начал с Конституции и сводов законов, которые преграда для многих, но не для ярких жуликов (не в первом поколении), Гитлер жулье объявил вне закона — у него властвовал другой тип стайных индивидов.

Список можно было бы продолжить, но и без того понятно, что вожди-«*внешники*» отличаются от вождей-«*внутренников*» множеством предпочтений, черт и черточек, которые отнюдь не случайны, вовсе не хаотичны, но закономерны и взаимосвязаны.

Вожди познаются по своим последователям — но отнюдь не по философским убеждениям.

«Внешники» — это те, которые заставляют и которых заставляют — силой внешних органов, или принуждают хотя бы угрозой побоев и смерти. При сталинском социализме человека, пожелавшего жить на собственные, честно заработанные сбережения, не работая, ожидали репрессии *извне* — тюрьма и конфискация имущества, сопровождаемые избиениями. И люди шли и работали: «внешники» с одним чувством, а «внутренники» — с другим. «Внутренник» работал с отвращением, а вот «внешник» — со специфическим чувством удовольствия, подобно тому известному роду женщин, который, перефразируя известное изречение, «без кнута, как без пряника».

«Внутренники» не заставляют и не угрожают — они впиваются в нутро людей рекламой и *идеологией*, внушая, что жизнь тем полнокровнее, чем большим числом ненужных для души предметов они будут обладать. А иссушающая душу однообразная работа на конвейере (по принципу разделения труда, вместо разнообразной и потому творческой работы, скажем, на земле) и есть шанс жить полноценно. И человек идет и исполняет ненужную *ему* работу — со своеобразной радостью. Карьера, дающая увеличение дохода, но извращающая все остальные стороны жизни, обожествляется. Карьера же достигается только подхалимством, «успехами» в подсознательном отождествлении даже не с начальником, а со сверхвождем. «Внешнику» все эти «ценности» чужды, и он при вожде «внутреннике» несчастен.

Во «внешнике» эксплуатируется трусость и страх — следствие нарушения предками прежде всего заповеди «не убий».

Во «внутреннике» — жадность, следствие нарушения предками прежде всего заповедей «не пожелай» и «не кради».

Разумеется, большинство населения — «болото», они становятся «внешниками», если пришел вождь-«внешник», и «внутренниками», если вождь или сверхвождь — «внутренник». Принадлежность к «болоту», «внешникам» и «внутренникам» выявляется только при смене сверхвождей — «болото» из стана в стан (из невроза в невроз) переходит без надрыва. Их равнодоступность любого рода вождям объясняется не способностью приспособливаться, а *равнопреступностью*. О «болоте» для упрощения в этой книге упоминается мало — поскольку оба подробно рассмотренные исторические срез — 1812 и 1941 годы — взяты из эпох сверхвождей.

Вот и вся разница между исполнителями двух типов стай. Если не считать того, что *внутренническая стая в большей степени подразумевает угадывание воли вождя помимо словесных приказов субкомандиров*: жулик вообще более тонкий подхалим (психолог), чем солдафон. Если для «внешника» идеал — стройные ряды, то Наполеон уже выдвигал лозунг, чтобы его солдат, классика зомбированности, действовал якобы *самостоятельно* — и ассоциативно-эстетическое предпочтение Наполеона не случайно.

«Внешников» можно уподобить бандитам, а «внутренников» — мошенникам-торговцам. Мошенники, заморочив голову (*идеологи!*), обманом собирают сверхприбыли со многих, а бандиты грабят отдельных сборщиков. И то, и другое занятие — отнюдь не созидание; в нечестии мошенники и банди-

ты *едины*. Однако напиваются они только в своих компаниях — и не смешиваются; да и, в глубине души друг друга презирают. Даже в милиции бандитами и мошенниками занимаются разные отделы, что естественно: несовпадающая психология, *типажи* разные — отсюда и разные приемы следственной и розыскной работы.

Как это ни парадоксально с обыденной точки зрения (но совершенно закономерно с точки зрения *теории стаи*), но мошенники и бандиты, несмотря на взаимную ненависть, друг в друге *нуждаются*, поэтому, воюя друг против друга и нередко убивая, полностью противника не уничтожают.

Выгода мелких бандитов на поверхности — им нужны места, где денег можно взять сразу много; да и для носителей комплекса неполноценности нужен объект для презрения — есть, дескать, и похуже меня.

Однако *и мошенникам* бандиты нужны как воздух, и не только для того, чтобы нанять их устранить конкурентов или подвергающих сомнению нужность их товара. Какими бы мошенники ни были мастерами мороченья головы (*идеологами*), в страхе держать потребителей они не в состоянии. А страх необходим: напуганный *исполнитель* становится более гипнабелен, реагирует на рекламу и активизируется как *потребитель*. Он начинает скупать ненужные для души предметы, для чего с утра до ночи работает по дегенератизирующему душу принципу конвейерного разделения труда — со своеобразной радостью *от предвкушения*.

Бандитам крупным, взявшим власть в государстве, нужны *идеологи* (писатели, адвокаты, поэты,

кинорежиссеры и т. п.), назначение которых так заморочить головы подданным, чтобы они нисколько не сомневались в истинности внушения, что повинование вождям во всех и всяческих ситуациях (вплоть до эстетических предпочтений) — дело вселенской значимости.

Итак, мы обнаруживаем *существование* «внутренников» и «внешников», и даже *взаимозависимость* двух ныне наблюдаемых форм стайности. Таким образом, реальная *историческая* стая никогда не состоит только из «внешников» или только из «внутренников» — другое дело, что «внешническая» стая избыток «внутренников» уничтожает (вспомним Сталина); а «внутриническая» «внешников» stravливает, и они уничтожают друг друга сами.

Каждый народ вообще есть смесь «внутренников», «внешников», «болота», *неугодников*, курьеров — но в разных пропорциях. У некоторых народов доля «внешников» или «внутренников» настолько выше, чем у других народов, что этноним становится именем нарицательным. Яркие «внешнические» народы суть: спартанцы, римляне времен расцвета Империи, немцы до Второй мировой войны. Яркие «внутринические» — американцы, древние карфагеняне, современные евреи. *Неугоднические* — древний Израиль; после исхода из него *неугодников* эстафету последовательно приняли, как минимум, еще два народа, о них — в свое время.

«Внутренники» — понятие более корректное, чем «идеологи», «мошенники», «обманщики», «карфагеняне», «евреи» и «торгаши». Их нельзя назвать «торговцами» — ведь они выбирают и иные профессии, скажем, врачей, писателей, «ученых» или адвокатов. Их

нельзя назвать и «карфагенянами» — ведь минуло уже два тысячелетия, как торговый Карфаген был разрушен и жители его поголовно проданы в рабство, а освободившись в потомках, сменили этническое самоназвание. Нельзя назвать и евреями — понятие это многосмысловое, и требуется всякий раз уточнять о какой эпохе и территории идет речь: евреи Иудеи I века не похожи на современных, те и другие — на первоапостольские общины. «Идеологи» — тоже не адекватно: не всякий мошенник образован. «Внутренники» — это психологи, если угодно; в конце концов, не случайно, что профессиональные психологи сами стайны, друг на друга скандально похожи, работают над искоренением *индивидуальных* неврозов при оставлении родовых, потому и наука их строится на концепции суверенитизма элементов толпы.

Так же и «внешники» — понятие, наиболее корректное из всех возможных.

Единство «внешников» и «внутренников» *диалектично*. Как при страстной любви, они притягиваются, но между ними вибрирует поле великой ненависти. Вообще говоря, это поле присутствует в стае всегда, в том числе и среди представителей одного «братства». Если говорить о «внешниках», то подручные Гитлера ненавидели один другого (они избегали друг друга даже при прогулках в Нюрнбергской тюрьме), хотя их объединяла однотипная преданность фюреру. У «внутренников» это тоньше и называется «здоровая конкуренция».

Итак, **мир** (повсюду: начиная от любого населенного пункта и кончая всей планетой) — **трехцентровый**:

— мошенник-торговец-идеолог = «внутренник»,

- бандит-солдафон = «внешник»,
- созидатель-неугодник.

История человечества становится понятной только при рассмотрении противостояний этих трех несмешивающихся категорий — противостояние становится отчетливым только когда выявляются *планетарные центры* «внутренничества», «внешничества» и *неугодничества*.

Разумеется, не всякий крестьянин или зарабатывающий ремеслом — созидатель-неугодник; чаще это обыкновенный *исполнитель, жухлый некрофил, которому внушено умереть не сразу*. Естественно, границы между занятиями «внешников» и «внутренников» тоже размыты: «бандит» сызмальства может быть посажен в лавку обвешивать, от прирожденного мошенника он отличается тем, что будет поглядывать в окно лавки и думать, что *умные люди* днем спят, а ночью грабят. Конечно, он может вздыхать всю жизнь, если обезображен травмой, но если нет — то скоро он окажется или в банде, или в правительстве (если население «внешническое»). Также и промышляющие бандитизмом бывают разные: «внутренник» в душе, поднакопив, откроет лавочку.

Иными словами, все время идет эволюция занятий каждого индивида — в сторону своего центра. Чаще всего по принципу «сын наследует отцу».

Идет и территориальное расслоение: сначала Божьи люди собрались в еврейском народе в Иудее, потом из него вышли. Подобно и профессиональные дружинники древности — за смертью старого князя следовал переход в дружину, прежде враждебную.

Не профессии отличают людей — их меняют; не запись о национальной принадлежности — ха-

рактиер народа меняется при истреблении определенной его части или при активном валабиянстве самок стаи с соседними народами; не эпоха — время идет, а ничего не меняется, разве что месторасположение центров; а отличает людей принадлежность к «внутренникам», «внешникам» и *неугодникам*. Только идентифицируя социальную общность по этому принципу, можно разобраться в смысле исторического процесса, в который каждый из нас вовлечен.

Многие странности истории (как толкования событий) становятся естественны.

Не соображениями выгоды руководствуются индивиды в своих поступках, не логикой, а интересами сверхвождя стаи; общий враг «внешников» и «внутренников» — *неугодники*. *Неугодники* же — люди особенные. И постигаются они рельефней всего, как уже было сказано, через сверхвождя.

Глава Восьмая

НАПОЛЕОН КАК МАМЕНЬКИН СЫНОК (Психоаналитический подход)

Житие Наполеона — как «Апокалипсис» святого Иоанна: все чувствуют, что там скрывается что-то еще, но никто не знает, что именно.

Иоганн Вольфганг фон Гете

Прежде чем перейти к *подробному* психоанализу обстоятельств детства Наполеона, рассмотрим его жизнь в целом — в основных узловых ее событиях и

эмоциональных пристрастиях (эстетических предпочтениях).

Итак, Наполеон Бонапарт, первый император Франции, как известно:

— был предречен различными провидцами за сотни лет до своего рождения, а Нострадамусом прямо назван Антихристом последнего времени;

— был человеком, уродливым во многих отношениях:

а) был аномально (для мужчины) низкоросл — 151 см;

б) пенис его был аномально маленьким — даже для человека такого роста;

в) у него отсутствовали вторичные половые признаки, характерные для мужчин (отсутствовало оволосение тела, волосы на голове поражали шелковистостью, у него были женские пропорции тела: узкая грудь, широкий таз и т. д., что говорит о недостатке у него мужских гормонов);

— был уроженцем острова Корсики (территории, некогда подвластной античной торговой республике Карфаген, которая контролировала всю тогдашнюю ойкумену, а затем перешедшей под власть растущей Римской империи; в Новое время Корсика подчинена Франции), *ненавидел французов и Францию с детства*; перед тем, как послать толпы французов на смерть, говорил, что их *любит*;

— был со школьной скамьи обожаем женщинами (вплоть до того, например, что в годы учебы в военном училище для мальчиков, куда он был помещен по достижении 8 лет, его содержала одна помещица);

— был *духовным* властелином мира (его обожали многие даже в России и даже после 1812 года);

— был владельцем всей западной Европы, части Африки и Азии;

— был великим военачальником;

— любил ездить по полям сражений, усеянным трупами, и ими (трупами) любоваться;

— во время преисполненной «странностями» военной кампании в России всего за несколько месяцев потерял убитыми, замерзшими, плененными и съеденными собственными однополчанами величайшую из всех до того существовавших армий — около 615 тысяч человек разных национальностей;

— после бегства из России почти трехлетняя агония его власти сопровождалась потоками крови;

— проигрывая стратегически, оставался непобедим тактически — и после 1812 года насладился целым рядом блистательных побед над превосходящими силами коалиции европейских монархов;

— последние шесть лет жизни жил в ссылке на острове Святой Елены, в нескольких тысячах километров от Европы, под охраной целой армии, окруженный полусотней фанатов, добровольно последовавших за ним;

— скончался в страшных мучениях, длившихся несколько лет;

— кавалер высшей награды православной Российской империи — ордена Андрея Первозванного (1807), мусульманин (принял ислам во время похода в Египет — 1797); современный ему папа римский его одобрял.

Существующие многочисленные биографии Наполеона — а он даже в сухой научной литературе не только самой Франции, но и других стран (за исключением России) единодушно признан ярчайшей личностью не только своей эпохи, но и всего, как мини-

мум, XIX столетия — поражают обилием неразгаданных тайн и нелогичностью построенных авторами причинно-следственных связей окружавших Наполеона удивительнейших событий.

Несуразности и странности свидетельствуют только об одном: до сих пор не понят смысл происходившего.

А смысл есть.

Императоры (диктаторы, вожди) вообще постигаются один через другого.

Иными словами, они типичны.

Почему этот закон подобия незыблем, разберем чуть позже — в рамках общей *теории стаи*, но это, действительно, так.

Как и следует ожидать, при сравнении семей детства Гитлера (XX век) и Наполеона (XVIII–XIX века) практически все достойные внимания психоаналитика обстоятельства биологического рождения и особенности психологической атмосферы, в которой росли два наиболее обожаемые толпами диктатора, совпадают.

Обе матери были весьма и весьма набожны — естественно, только в государственном понимании религиозности (скажем, родовые схватки у матери Наполеона начались, когда она на коленях молилась в одном из католических храмов). Обе, как следствие, были авторитарны до жестокости.

Каждый человек постигается через судьбы окружающих его людей — супруга, детей, друзей, если о таковых можно найти достаточно подробные сведения. Хотя эти две «набожные» женщины говорили на разных языках, оба их супруга на свете не зажились и умерли достаточно быстро. Неидентичность

проявляется в том, что отец Наполеона скончался несколько раньше номинального отца Гитлера, всего в 39 лет, как до сих пор многие веруют, — от рака.

У матери Гитлера муж жил недолго, из пятерых детей умерло двое (т. е. 40%; двое других братьев Гитлера хоть и не умерли, но были клиническими идиотами; это, согласно психокатарсическому подходу, свидетельствует о сильной «любви» матери-некрофилки к своим детям). У матери Наполеона муж также умер рано, из тринадцати детей умерло пятеро (т. е. 39%; оставшиеся в живых братья Наполеона хотя и не были идиотами клиническими — мать их не «любила» так же сильно, как мать Гитлера — своих детей, — однако и они были не без заметных психических отклонений — впоследствии они стали или королями каких-либо государств или хотя бы герцогами, а сестры — герцогинями и королевами).

Как уже говорилось, любимец истеричных женщин Наполеон, естественно, обладал, как было вымерено при посмертном осмотре, аномально маленьким пенисом, у него отсутствовали и вторичные мужские половые признаки, что также свидетельствует о недостатке мужских гормонов: тело было женских пропорций, оволосение его отсутствовало, жировые отложения по типу женских, шелковистые волосы; но и рост его — 151 сантиметр — характерен, скорее, для женщины. Небезынтересно также и то, что все братья Наполеона были одного типа — *рохли*; все сестры тоже походили одна на другую — были, мягко выражаясь, авантюристками, распутницами (признак анальности), накопительны и предприимчивы. Наполеон — так мужчина он или женщина?! — *по характеру* на четверых своих братьев похож не был, но в точности повторял своих сестер.

Вот так. Как на подбор — все: и рост, и размер гениталий, и отсутствие вторичных половых признаков и даже тип психики. Но чтобы считаться полноценной женщиной, у Наполеона не хватало соответствующего органа, отсутствие которого все известные истории великие военачальники (Ганнибал, Александр Македонский, Сципион Младший, Гитлер и т.д.) компенсировали известным способом. Имитировал его наличие и Наполеон. Начал, как известно, еще в юном возрасте со старшим братом Иосифом.

Как и все в семье Бонапартов (не только сам Наполеон, но и его братья-рохли и сестры-авантюристки) целью своей жизни ставили *карьеру*, ради чего не гнушались поступаться любыми нравственными принципами, в частности, не останавливались перед совершением подлога — уголовно наказуемого преступления. Люсьен (впоследствии имперский принц) воспользовался метрическим свидетельством Наполеона для получения места в комиссариатском департаменте, а Иосиф (впоследствии король Испании) — другими бумагами Наполеона, дабы выдать себя за полковника национальной гвардии и получить хорошее место.

Вообще тотальная лживость была семейной чертой Бонапартов. Сам Наполеон и вовсе был лжив патологически. Это очень важное наблюдение — впрочем, известное — освобождает нас от традиционного пути многих и многих авторов, которые строили жизнеописания Бонапарта *преимущественно на основании высказываний и текстов самого Наполеона*; этот путь может завести только в одну сторону — противоположную от истины (подобно тому, как этот путь завел далеко от истины тех *идеологов*, что суди-

ли о нравственности Софьи Андреевны, жены Толстого, по ее самооценкам). Если слова Наполеона и могут быть как-то использованы, то только как доказательство его лживости, а еще — для выявления тем, для властелина эмоционально значимых.

О внутреннем же мире всякого любимца женщин можно судить по необычному поведению оказавшихся с ним рядом гипнотельных индивидов. О самоутоплении на Немане польских драгун на глазах у обожаемого ими Наполеона лучше всего почитать у Льва Николаевича; о «странностях» поведения колонии (стаи) заключенных на о. Св. Елены — идеальнейший объект для исследования! — расскажем чуть позже.

Матери диктаторов были вполне типичны, — иначе о них сохранилась бы память, — обыкновенные, что называется, матери почтенных семейств. Некоторое их различие можно вывести из несовпадения типов женщин, которых выбирали себе Гитлер и Наполеон. Наполеон предпочитал тот же тип, что и Сталин — шлюх (если говорить о Наполеоне, то в начале пути это была скандально известная Жозефина Богарне, а у смертного одра на о. Св. Елены — Альбина де Монтолон), то есть дам, которые своими половыми органами худо-бедно, но все-таки пользовались. О Жозефине Богарне, изменившей Наполеону в день его отправления в армию, известно, похоже, всем, а Альбина де Монтолон уже к тридцати годам была в третьем браке; и на о. Св. Елены, когда не ведающие о размерах половых органов Наполеона считали ее любовницей великого изгнанника, родила третьего ребенка. Не Ева, согласитесь, Браун, которая после гинекологической операции была, мягко выражаясь,

не женщиной. И не прочие любимицы Гитлера — патологические девственницы, трансвестистки и т. п.

Отец Гитлера (Алоис Гитлер-Шикльгрубер) и отец Наполеона (Шарль Бонапарте) так же однотипны: во-первых, выбрали себе таких жен, рядом с которыми не зажились; во-вторых, не нашли в себе сил сбежать. Оба отца вполне естественно для себя совмещались с чиновничьей иерархией — ни работу, ни саму иерархию не воспринимали с омерзением. Оба — и отец Гитлера, и отец Наполеона, по отзывам, были недалекими (читай, не обладали критическим мышлением), словом, — классические *исполнители*. Оба в семьях были пассивными. Оба пили.

Отец Наполеона, Шарль Бонапарте (Буонапарте), по ступеням карьеры забрался чуть выше отца Гитлера. Сначала карьеру делал на том, что был националистом и даже стал адъютантом самого генерала Паоли, лидера сепаратистов, а потом патрона предал и за то, что перешел на сторону Франции, был даже избран депутатом в Париж от верховного совета острова Корсики.

У сыновей есть свойство воспроизводить путь отцов несколько быстрее, — что Наполеон и сделал. Сначала он написал националистический труд об истории Корсики; после того, как был высмеян за мифологичность подхода, перешел на службу Франции.

Оба мерзавца-диктатора, Гитлер и Наполеон, были маменькиными сынками. То, что набожная мать Наполеона «любила» более других именно своего коротышку-сына со впалой грудью, торжественно сообщается всеми его биографами.

Да, любила она его страстно. Это проявлялось среди прочего в том, что часто Наполеон, спровоцировав драки (став императором, сам в этом признавался) со

своим старшим братом и наябедничав на него матери, успешно сваливал на него вину, за что Иосифа и наказывали — жестоко. Сомнительно, чтобы нашлась мать настолько тупая, что не могла бы разобраться, кто был зачинщиком драки, следовательно, набожная в государственном смысле мать Наполеона *наслаждалась извращением истины*.

После смерти отца главой семьи стал не старший Иосиф и не один из младших братьев, но Наполеон. Уже из одного этого очевидно, кто в семье был маменькиным сыночком.

И в юношеский период у Наполеона с Гитлером тоже было много общего.

Оба они были заводилами в детских играх.

Гитлер, рожденный на территории Австрии, был, как и Наполеон, националистом, то есть считал, что немцы — избраннейший народ, который перед ним, Гитлером, *виноват* — как он рационализировал — в аморфности, в результате которой, несмотря на личное участие рядового, а затем ефрейтора Гитлера, Первую мировую войну немцы проиграли. Гитлер немцев за это *ненавидел*, и в конце Второй мировой войны с утроенной энергией пытался уничтожить, уже не скрывая, что немцы существовать вообще недостойны.

Корсиканец Наполеон тоже ненавидел тех, кто его боготворил, ненавидел яростно, с восьми лет. В биографической литературе считается, что это происходило отчасти потому, что французы захватили его родину, а отчасти потому, что его соученики-французы дразнили его итальяшкой (путая его национальность, опять-таки унижали его родину) и всячески третировали, порой жестоко, как это бывает в военных школах для мальчиков.

Но есть и еще одно соображение. Если сообщения о гомосексуальных контактах Наполеона со старшим братом Иосифом (в которых, в силу старшинства Иосифа и анатомических особенностей Наполеона, Иосиф не мог играть никакой иной роли, кроме активной, а Наполеон, соответственно, — пассивной; также и половое созревание у Иосифа наступило раньше) верны, то у ребят из военной школы были основания над ним издеваться. И еще — они ходили мыться, видимо, вместе...

Сообщение о гомосексуальности достоверно не только физиологически, но прежде всего психологически. А еще и исторически: достаточно вспомнить некоторые странности его взаимоотношений с Альбиной де Монтолон (об этом коротко чуть позже).

Естественно, оба — и Гитлер, и Наполеон — увлекались восточной философией и вписывающейся в эту философию практикой: Гитлер — оккультизмом под руководством своего кузена, а впоследствии и самостоятельно, а Наполеон, чтобы пополнить свои познания в области оккультных наук, даже завоевал Египет.

Короче говоря, оба величайших вожака Европы, *считавших себя величайшими революционерами*, один XIX века, а другой — XX-го, были похожи, но не идентичны. Все-таки, не Гитлера предрекли антихристом, а Наполеона — и на то были серьезнейшие основания: Гитлер был «внешником», а Наполеон — «внутренником»; но об этом в свое время.

Похожии два вождя были, прежде всего, в том, что их обожали миллионы, десятки миллионов элементов публики, любили их даже до смерти. В особенности женщины. Формы, естественно, менялись: если Гитлеру вагонами присылали вышитые поду-

печки с недвусмысленными предложениями и бросались под колеса его автомобиля, чтобы при ранении привлечь интерес к своему покалеченному телу, то во времена Наполеона, когда автомобилей не было, женщины выстраивались в очередь в его приемной. Якобы к *мужчине*.

* * *

Естественно, и Наполеон, как и Гитлер оказывал влияние на эротическое поведение не только женщин, но и мужчин.

И вообще и Гитлер, и Наполеон считались и считаются личностями не просто наиболее полно самовыразившимися, но личностями свободными, независимыми ни от чего, подвластными только *своей свободной воле*. Якобы, именно из свободы воли и надчеловечности и следуют все их поступки.

Ошибались насчет мужественности (принадлежности к мужчинам), может ошибаются и насчет свободы воли?

Глава девятая

СВЕРХВОЖДЬ ГАННИБАЛ, «ПОЧЕМУ-ТО» ПРОИГРАВШИЙ ФАБИЮ. «КОМПЛЕКС ГАННИБАЛА» У НАПОЛЕОНА

Сравнивая жизнеописания Ганнибала и Наполеона, невозможно не прийти к выводу, что Наполеон *отождествлял* себя с Ганнибалом! Это, естественно, не было переселением души (хотя Наполеон в это веровал); и это не было его *осознанным* выбором. Происходило

отождествление *невольно*, подсознательно, невротически, что следует из того, что изведен Наполеон был в точности тем же самым способом, что и Ганнибал, *чего не произошло бы, обладай Наполеон свободой воли*.

Прийти к выводу о том, что Наполеон воспроизводил своей жизнью характерные детали жизни именно Ганнибала, и притом *невольно*, можно как минимум тремя различными путями.

Во-первых, можно систематизировать соответствующие высказывания Наполеона о самом Ганнибале. Путь для исследования трудный, потому что из речей патологического лгуна надо тщательно отбирать те немногие слова, что обращены были к следующим собеседникам:

- в мнении которых он не был заинтересован;
- кому в порыве самоуничтожения он мог соврать меньше прочих;
- от кого он в мазохистской фазе, как маменькин сынок, был зависим.

Таких людей немного. На острове Святой Елены таким человеком была, прежде всего, Альбина де Монтолон (о, о ней мы чуть позже еще расскажем!) — то, что сейчас называют *строгая*. И действительно, мы узнаем, что перед ней, демонстрирующей полное отсутствие интереса к войне вообще, а к стратегии и тактике военных действий в частности, перечисляя лучших полководцев всех времен и народов, Наполеон *первым* назвал именно Ганнибала. Сам себя он тоже считал первым, следовательно...

Другой метод — психологический. Он намного более надежен.

Все люди грешат тем, что примеряют к себе того ли иного персонажа всемирной истории. (Для отожд-

дествления — «могу ли и я быть столь же велик?» — достаточно немногого — совпадения имени, даты рождения, национальности или физиологической аномальности. Такой, скажем, как рост.) Примеряют многие, но не у всех подобная примерка приводит к полному разрушению личности.

С кем мог отождествить себя Наполеон, которого с восьми лет отдали в военную школу? И которому еще ребенком удавалось побеждать в противостояниях — подобно великим военачальникам? (Наполеон в драках использовал *любой* подвернувшийся под руку предмет — поэтому незнакомые с закономерностями психоэнергетического воздействия одного человека на другого ошибочно полагают, что именно этот беспредел и заставлял его соучеников сдаваться.)

Очевидно, что готовившийся по воле родителей к военной карьере мальчик не мог отождествлять себя ни с ученым, ни с поэтом, а только — совершенно верно! — с великим военачальником!

Только с которым?

Список величайших полководцев мировой истории, среди которых ярчайшие — (1) Александр Македонский, (2) Пирр, (3) Ганнибал, — составлен давным-давно, заостенел даже порядок расположения имен. Поскольку критическим мышлением Наполеон не обладал (даже ко времени написания им истории Корсики, над чем вдосталь поиздевались прочитавшие рукопись историки), то пересмотреть этот список Наполеону было попросту не по уму (скажем, добавить в этот список Фабия, победителя Ганнибала); отсюда очевидно: максимум на что Наполеон был способен, — это *расставить завоевателей в нетрадиционном порядке*, тем проявив свое эмоциональное

отношение — следовательно, и скрываемое отождествление.

Итак, кто? Александр Македонский? Пирр? Ганнибал?

Из признания Альбине де Монтолон мы знаем, что Наполеон выбрал Ганнибала — и к этому можно прийти еще и логическим путем!

Александр Македонский был, конечно, великий полководец, но он был, во-первых, «всего лишь» македонянин, почти что грек и вовсе не корсиканец, а во-вторых, *набирал свое войско среди соплеменников* — примеру его уроженец малолюдного острова, населения которого не доставало для мировых завоеваний, последовать не мог. И третье: хотя гомосексуальность Александра Македонского известна, но в этих парах он, в отличие от «девочки»-Наполеона, играл роль «мальчика».

Пирр — само собой, тоже традиционный «нетрадиционный» — опять-таки был грек, войско тоже набирал среди соплеменников.

А вот Ганнибал от Александра и Пирра отличался: был «девочкой» и воевал силами исключительно чужих народов, *войско набирал преимущественно из населения континента, который хотел завоевать*.

Итак, что должен был чувствовать Наполеон, который восьмилетним ребенком оказался среди ненавистного ему народа, ребенком, родиной которого была Корсика — остров, хотя и известный своими бандитами, но при арифметическом подходе к жизни для завоевания мира ничтожный?

Ни Пирром, ни Александром Наполеон быть *не мог*. Кроме того, склонным к бандитизму примитивным корсиканцам слава греков как образованнейше-

го в человеческой истории народа должна была претить и вызывать отторжение, хотя к тому времени от былой образованности у греков ничего уже не сохранилось. Даже цвет лица потемнел.

Таким образом, уже по одним только приведенным соображениям отпадали и Александр, и Пирр, а оставался один — Ганнибал.

Но и это еще не все!

Корсика в древности входила в состав Карфагенского государства, соответственно, если все население и не было карфагенянами (карфагеняне в Африке люди пришлые, сюда они бежали из знаменитого островного Тира, финикийского города, которому библейские пророки посылали обильные проклятия за царящие в нем алчность и непотребство — см. Ис. 23, Иез. 26:2–15, Ам. 1:9–10; карфагеняне, собственно, — *тиряне*), то во всяком случае потомки карфагенян составляли на острове расу господ. Чиновников продажного типа в том числе. Сын наследует отцу, в том числе наследует и род занятий, поэтому поскольку сам Наполеон был из семьи чиновника, то он невольно должен был заподозрить в себе карфагенскую кровь. Да, принадлежность к чиновничьему классу — это очень серьезный аргумент, но можно обойтись и без него. В конце концов, ведь причисляют же себя знакомые с историей русские поэты к иноязычным скифам, даже не славянам, в стародавние времена населявшим всего только южные окраины той территории, что потом стала Российской империей? Скифы — древнейший из известных на территории Российской империи народов; точно так же древнейший известный на Корсике народ — видимо, карфагеняне.

Таким образом, одного только места рождения и социального положения номинального отца Наполеона также достаточно, чтобы догадаться, что Наполеон отождествлял себя именно с Ганнибалом. Сознательно, правда, считая себя его реинкарнацией — потому что, хотя Наполеон и получал благодарности от римских пап за поддержку католицизма, хотя в период завоевания Египта и принял ислам (чего он там себе обрезал?), тем не менее был адептом восточных верований, которые основываются на вере в переселение душ (тиряне, Восток — все сходится). Гитлер, как вы помните, считал себя реинкарнацией императора-гомосексуалиста Тиберия, а чем Наполеон — такой же, как и Гитлер, вождь — хуже?

Карфагенянин, сын чиновника — но и это еще не все!

Ганнибал покинул родину девятилетним ребенком и приступил к военной службе на враждебной территории, на родину же вернулся нескоро — лишь спустя 36 лет. Но и Наполеон *тоже* покинул родину ребенком и примерно в том же возрасте *тоже* оказался на территории врагов — на том же континенте. Совпадения обстоятельств начала пути еще ничто по сравнению с теми потрясающими совпадениями, которые выявляются при ближайшем рассмотрении (начал военную карьеру, как и Ганнибал, в Испании, пересек Альпы по тому же ущелью, что и Ганнибал, идентичная динамика войн в Италии, и т.д., и т.п.). Для наших целей достаточно показать, что Наполеон, в обязательное образование которого входили труды Тита Ливия (а, возможно, и Корнелия Непота, Аппиана, Полибия — все они с упоением писали о Ганнибаловых войнах), просто не мог не удивиться столь мно-

гим совпадениям (Ганнибал тоже был маленького роста) обстоятельств начала собственной жизни с обстоятельствами жизни Ганнибала.

И наконец, третий путь, наиболее верный — «эротический». Наполеон из-за своего сантиметрового «достойства» и отсутствия мужских гормонов, при естественном для нормального человека стремлении к власти (со всеми следствиями — вплоть до интимных подробностей, — что это стремление сопровождают), отождествлять себя *не мог* ни с Пирром, ни с Александром, а только с Ганнибалом. Родственная душа узнается интуитивно, поэтому даже пропустив упоминание о возрасте, в котором Ганнибал оставил родину, или росте, и ничего не зная об истории своей Корсики, Наполеон должен был проникнуться к Ганнибалу симпатией, как к родственной душе.

Подобно тому, как все дороги ведут в Рим, так и всякое рассмотрение жизни Наполеона ведет к Ганнибалу. Остается только удивляться тому, что тысячи писавших о Наполеоне авторов этой его идентичности с Ганнибалом не заметили¹.

¹ К слову сказать, автор об этой идентичности догадался *всего лишь по одной, первой попавшейся ему детали: Наполеон, как и Ганнибал, набирал свою армию исключительно из инородцев, а отнюдь не из своих соплеменников*. Кроме того, трудно было не споткнуться о некоторые поразительнейшие странности в войне Наполеона против России в 1812 году. Деяния этой войны своей красотой потрясают и сами по себе, но когда осознаешь, что они есть улучшенное воспроизведение происшедшего в древности, и это улучшение есть свидетельство о приближении события, подготавливаемого тысячелетиями, о котором речь еще впереди, то душа попросту начинает петь.

...Я приступаю к описанию самой замечательной из войн всех времен — войны карфагенян под начальством Ганнибала с римским народом.

Тит Ливий, I в. н. э., спустя почти три века после завершения войны

Для более полного постижения Наполеона расскажем биографию Ганнибала — предельно коротко, совмещая ее со *странностями* течения войны — впрочем, с точки зрения *теории стаи*, вполне закономерных...

Евангелие от Матфея начинается, как написано, с «родословия Иисуса Христа... Сына Авраамова» (Мф. 1:1): «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его» (Мф. 1:2).

Родословие Ганнибала у Тита Ливия почти такое же — только наоборот! — и подчеркивает иного рода исключительность величайшего военачальника древности. Суть этого родословия такова: Гамилькар (отец Ганнибала) *имел* Газдрубала (зять Гамилькара и, соответственно, шурин Ганнибала); а Газдрубал *имел* Ганнибала. Так и хочется довести фразу до совершенства: Гамилькар *имел* Газдрубала, Газдрубал *имел* Ганнибала и братьев его.

Насчет младшего брата Ганнибала Газдрубала Барки есть некоторая неясность. В доступных источниках нет указаний на то, что Газдрубал-зять *имел* Газдрубала-брата, однако событие это достаточно вероятное; во-первых, потому, что Газдрубала-брата точно так же посвящали в таинства подчинения и унижения одного человека другим и показывали, как конкретно *исполнители* получают от подчинения удовольствие («*Что может быть счастливей национал-со-*

циалистического собрания?!» — А. Гитлер), а во-вторых, просто потому, что Газдрубал-брат к этой занятой семейке профессиональных властителей принадлежал по крови.

Ганнибал, античный символ раскованности (Наполеон — аналогичный символ, только нового времени), человек, которого не мог остановить ни карфагенский, ни римский сенат, человек, которого долгое время не могла победить ни одна армия, — как выясняется при внимательном чтении античных текстов, *в своих вкусах был не самостоятелен*. Один из слоев родовых эстетических предпочтений ему инициировали в раннем детстве при запоминающихся обстоятельствах: отец Ганнибала с него, еще девятилетнего, рядом с жертвенником во время госрелигиозного обряда взял клятву, что он, сын, никогда с римлянами не замирится и будет их ненавидеть (этому внушению Ганнибал остался предан до смерти, до идиотизма). Еще один слой — от юношества: было замечено, что *Ганнибал до мелочей подражал Газдрубалу-зятю*, как это и бывает обыкновенно среди страстно «влюбленных». Когда же Газдрубала, некогда любимца солдат, наконец, зарезали на глазах у войска за нечестие, то тут же единодушно вожаком был избран «почему-то» тоже полюбившийся солдатам Ганнибал.

Итак, жизненный путь Ганнибала: в девять лет он оставляет Карфаген и переправляется в Испанию, где после обучения таинствам власти из первых, если можно так выразиться, рук, после смерти любовника получает над войском власть и в кратчайшие сроки завершает завоевание Испании. Далее — поход к Италии, знаменитый переход через Альпы, когда половина доверившихся ему солдат погибла; затем четырнадцатилетнее безнаказанное хозяйнича-

ные в Италии. Рима он, к удивлению потомков, не взял, вернее, — не стал брать. Выгнать Ганнибала из Италии не получалось, поэтому через четырнадцать лет его из Италии выманили. Римляне переправились через Средиземное море, осадили Карфаген, справедливо рассудив, что Ганнибал ринется на защиту имущества своих родственников. Парадоксально, но на родине Ганнибал побеждать так же, как это ему удавалось на чужбине, не мог, и «великий полководец», впервые растеряв войско, бежал на Восток. Там он еще долго интриговал с врагами Рима, но одним из союзников был принужден под угрозой выдачи Риму принять яд.

Перечислять успешные битвы Ганнибала в Испании сейчас необходимости нет — об этом лучше почитать у античных историков (Тита Ливия, Полибия), — достаточно сказать, что побед было множество. Несколько хуже дела обстояли с осадами городов: если город не удавалось захватить и разграбить с налета, то через какое-то время защищающиеся жители освобождались от неясного дурмана и вполне сносно могли защищаться даже при рухнувших городских стенах (как это происходило, скажем, в Сагунде и Заканфе — своеобразных аналогах Бородина и Брестской крепости; кстати, аналогичная закономерность обнаруживается и в противостоянии гитлеровцев русским: немцы или побеждали с налета, или вообще не побеждали). При упорстве обороняющихся Ганнибал их просто давил массой тел аборигенов из близлежащих областей, в большом числе *добровольно* присоединившихся к его войскам.

Этот необъяснимый с точки зрения дарвинщины энтузиазм (аборигены гибли, ровным счетом ничего не приобретая ни для себя, ни для своего народа) ан-

тичные и современные историки объясняют глупейшим образом — к Ганнибалу присоединялись якобы по причине *великодушия* Ганнибала (описан, например, случай, когда он отпустил очень красивых пленников-молодоженов, дав им приданое: миллионную часть от награбленного в захваченном городе). Это «великодушие» — *на удивление античным историкам, но естественно для психоаналитиков* — совмещалось с болезненной жестокостью. (Нашему веку Сталин всей своей жизнью показал, что для того, чтобы покоренные народы обожали и боготворили своего палача, вовсе не обязательна милостыня, достаточно по отношению к ним одной жестокости. «Великодушием» Сталин, как и всякий садо-мазохист, тоже страдал, только «оттягивался» он в «великодушии» не на советских народах, а на зарубежных, щедрой рукой раздавая вождям коммунистических партий грандиозные суммы денег, вырученные от продаж произведений искусства.) Так что не в «великодушии» дело — достаточно того, что Ганнибал был жесток и *хотел (галлюцинировал)*, чтобы к нему шли *добровольцы*. Акты «великодушия» — лишь материал для деструктурирования сознания будущих жертв заснеженных ущелий Альп.

Испания через какое-то время стала для Ганнибала слишком тесна, и он, совершив за пятнадцать дней хрестоматийный переход через Альпы, спустился на равнины Италии.

Последовал ряд ураганных разгромов римских легионов, которые, казалось бы, должны были быть воодушевлены, защищая родные очаги. Все эти разгромы производились по одной и той же схеме (как и все последующие в течение всех 14 лет пребывания на территории древней Италии). Ганнибал с точ-

ностью заведенного раз и навсегда механизма действовал так:

— сначала имитировал отступление, провоцируя преследование; и римские войска — иной раз наперекор воле своего военачальника, но чаще с его одобрения — кидались в погоню;

— *вдруг* из кустов, оврагов или из-за единственного в данной местности холма показывался небольшой (!) засадный отряд;

— римлян охватывал ужас, они переставали соблаговещивать окончательно, и — все разом обнаружив в себе голос, подсказывающий, что надо, бросив оружие, бежать! бежать! бежать! — велению «сердца» противиться не могли, ряды расстраивались — и начиналась страшная резня.

После очередного разгрома римляне набирали новое войско, им Ганнибал подставлял отряд мародеров как солдат никчемных, легко заменяемых и потому не имеющих ценности, римляне, без труда его разогнав, начинали чувствовать в себе желание преследовать уже все войско Ганнибала, этому чувству не противились, но вдруг появлялся *небольшой* засадный отряд, все отдавались другому чувству — панике, — и опять под мечами ганнибаловцев оказывались незащищаемые спины и головы бегущих.

Такое истребление мужского населения Рима продолжалось до тех пор, пока не был назначен диктатором (понятие военное: так назывался единоличный правитель-консул вместо обычных *двух*, обязанных власть между собой делить) сроком на год непопулярный в толпе (публике) Квинт Фабий Максим или попросту Фабий.

И вот этот самый Фабий повел себя на поле боя *странно*.

Результатом этой странности было то, что Ганнибал — непобедимый Ганнибал! — Фабия зауважал и, пожалуй, испугался. А вот недорезанные жители Рима (отважные, как они о себе думали, что, по их понятиям, доказывалось тем, что они всегда были готовы броситься за отступающим врагом), Фабия запресирали еще больше.

Что же сделал Фабий *эдакого*?

Он со своими легионами подходил вплотную к лагерю Ганнибала, но не нападал, а разбивал лагерь, возводил насыпь, устраивал ворота — и так далее по уставу. В провоцируемые генеральные сражения не вступал — разве что давал своим легионерам размяться в ловле мародеров и, преодолев туман в голове, ощутить кровь врагов на своих мечах. Словом, *выжидал*, но не в удобном, казалось бы, положении, то есть вдалеке от Ганнибала, а *расположившись как можно ближе к лагерю оккупантов*. Просто ждал, — а победоносное войско Ганнибала почему-то хирело.

Только по выбору места для лагеря минимально мыслящий человек мог догадаться, что Фабий был отнюдь не трус, а его победа — результат если не логического знания *теории стаи*, то хотя бы *ощущения* истинных закономерностей жизни невозрожденных людей.

Но римский народ Фабия, естественно, не понял. На Фабия, не устраивавшего истерических передвижений войск, даже когда Ганнибал на его глазах демонстративно разорял поля союзников Рима, разозлились не только солдаты, которые рвались преследовать врага, но и сенат, и народ Рима, обзывая по сути победителя Ганнибала в худшем случае трусом, а в лучшем, презрительно, — *Кунктатором* (Медлителем). Собиравшаяся в толпы публика требовала от

Фабия того же, чего от него хотел и Ганнибал — генерального сражения.

Главным противником Фабия стал его начальник конницы, любимец толпы Марк Муниций. Тит Ливий пишет о нем так: «Был он [начальник конницы] человеком неистовым, скорым на решения, необузданным на язык; сначала в небольшом кругу, а потом открыто в толпе стал бранить Фабия, который будто бы не медлителен, а ленив, не осторожен, а трус; истолковывая доблести диктатора как пороки, он унижал высшего и превозносил себя — гнусное искусство, доставившее многим блестящий успех и потому процветающее» (*Тит Ливий*, XXII, 12:12). Впавшие в восторг воины, приближая свою бессмысленную гибель, помогли Марку Муницию добиться уравнивания власти с Фабием. Далее Муниций потребовал, чтобы командование было *посменным*, то есть в определенные дни власть над всеми легионами принадлежала только ему, Марку Муницию, и он был бы вправе начать генеральное сражение. Однако на это Фабий не согласился. В конце концов войска были разделены таким образом, что первый и четвертый легионы отошли под командование Муниция, а второй и третий — Фабия.

Стоит ли говорить, что Ганнибал, выведывавший обо всем, что происходило в римском лагере через лазутчиков и перебежчиков, радовался происходящему как ребенок!

И любимец толпы Муниций не обманул его ожиданий. Он, забрав подчиненную ему половину войска, оставил общий, защищенный рвом и валом лагерь, отвел подчиненные ему легионы на несколько стадий, организовал собственный лагерь (однако, в пределах видимости Фабия) и построил легионеров в бо-

ево́й порядок. Иными словами, не прошло и суток, как Муници́й подставил свои легионы под небывалое избиение.

Резня и преследование двух подчиненных Муницию легионов продолжалась до тех пор, пока из своего лагеря в полном порядке не выступил Фабий. И тут Ганнибал, у которого с арифметической точки зрения сил было более чем достаточно, чтобы добить и Фабиевы легионы, испугался и отступил.

То ли искренне, то ли заботясь о своем «лице», спасенный Фабием Муници́й в содеянном каялся рьяно, на коленях перед всеми превознося Фаби́я — и даже назвал его отцом.

Исчерпан был инцидент, но не искоренен принцип.

В Риме (почему-то не в войске) было множество муниципиев, и один из них — Варрон, сын мясника. Видимо на основании того, что он досконально разбирался в расчленении туш домашних животных, Варрон легко убедил римскую толпу, что может разгромить Ганнибала в один миг. Чернь его, как и Муници́я, боготворила, и во время перевыборов (Фабий в тот год, по истечении срока консульства, переизбран не был и, соответственно, лишился полномочий командующего) Варрон, несмотря на свое низкое происхождение, не позволявшее получить высокую должность консула (во время войны оба консула были военачальниками — над своим, в разных концах Римской республики, войском), должность эту все-таки получил. Добровольцы, настроенные, как они о себе думали, *патриотически*, бросились записываться в войско Варрона.

Вскоре Варрон вместе со вторым консулом Луцием Павлом в сопровождении вновь набранных легионов ринулся навстречу Ганнибалу. Варрон требо-

вал сражения — и немедленного; Павел же, во всем стараясь подражать Фабию — жаль, что лишь только подражать, — противился. Однако Павел был недостаточно последователен, *теорию стай* не понимал, и разделил не *легионы* (как Фабий), а *дни управления* всем войском.

Стоит ли говорить, что в первый же день, когда командование принял на себя Варрон, не прошло и шести часов, как римляне были перерезаны — и в невиданно большом числе?!

Ганнибал победил все тем же стандартно-штампованным приемом: подставил, отступил, фланговый удар, резня разбегающихся.

(Кстати сказать, хотя Варрон с поля боя бежал, но народом был награжден, а вот второй консул Павел стоял насмерть, был несколько раз ранен, но одобрения толпы не заслужил.)

Эта была та самая знаменитейшая битва (резня) при Каннах, которая в веках стала именем нарицательным, — когда говорят не просто о поражении, а о *разгроме*, то вспоминают Канны. Во время этой резни римляне потеряли такое количество убитыми и пленными, что не только оставшимся в живых легионерам, но и населению Рима показалось, что государство погибло, город на пороге разрушения, настал конец всему.

Битва при Каннах — величайшее из бедствий за всю многовековую историю римского государства. Фабия-Кунктатора вновь призывали к власти, а затем и тех, кто худо-бедно следовал его линии. Линии Фабия придерживались более десяти лет, во время которых стареющий Ганнибал с переменным успехом властвовал на юге Италии, пока не вышел из юношеского возраста известный своей жестокостью Сци-

пион Старший (который, напав на Карфаген, тем выманил Ганнибала из Италии в Африку, где его и разгромил)...

Таким образом, у нас уже вполне достаточно данных, чтобы осознать, что в стратегии (долговременном масштабном планировании), по большому счету, возможны только две линии поведения противников:

- линия Ганнибала,
- линия Фабия.

Понятия стратегии и тактики нередко путают, поэтому значение этих терминов уточним.

Тактика — это когда война или сражение *уже начались*, когда решают, который из участков обороны противника надо прорывать, который из легионов или танковых батальонов должен это делать, сколько манипул или минометных батарей оставляют в резерве; когда решают, на котором из флангов — правом или левом — нужно устроить отвлекающую и дезориентирующую противника демонстрацию военной активности.

Стратегия же есть решение гораздо более масштабных вопросов — это когда решают *стоит ли вообще* давать решительные сражения, не лучше ли отступить и измотать наступающих партизанской войной или вообще заключить в случае нападения какое-нибудь, пусть даже «похабное», мирное соглашение.

Итак, мы утверждаем, что **линий стратегического поведения всего лишь две — наступательная или оборонительная**. Как будет показано позднее, предельный случай ганнибаловской линии — это действия Наполеона в России, а фабиевской (кунктаторской) — ... Нет, о *такой красоте* так сразу говорить было бы опрометчиво.

Осваивать скрытые (и скрываемые) закономерности взаимоотношений людей выгодно в обстоятельствах, когда срываются многие маски, то есть через рассмотрение «странностей» великих — и именно великих! — войн. Начинать приходится со сражений древности — древние предпочтительнее современных, потому что только некоторым войнам повезло и они нашли своего Гомера, Полибия или Толстого — и *ожили*. Современные (XX века) войны хотя и происходили в действительности, в чем можно убедиться, обозревая обширнейшие пространства кладбищ, но как бы не существуют — для нас; в войне самое ценное — возможность ее *осмысления*, а тем самым и *самопознания*. Без этого снижается способность к высвобождению из-под управляющих нами галлюцинаций вожаков. Люди гуманитарно хорошо образованные вполне отчетливо высказываются, что, несмотря на книжное изобилие прошедших десятилетий (о Второй мировой войне написаны тысячи, если не десятки тысяч книг, отягощенных многими подробностями), настоящей *Книги* о Второй мировой войне еще не написано. Бытующие концепции не объясняют многих странностей и явно скудоумны. И это чувствуется.

При размышлении над картинами сражений, написанных пером великих писателей, обогащаешься самым главным — обобщением. Скажем, читая о ганнибаловских сражениях (Тит Ливий, Полибий), невозможно не заметить, что они всегда протекают по простейшим схемам, настолько простым, что для их *тактической* организации достаточно интеллектуальных способностей *любого* центуриона (майора). Такие центурионы есть в любом войске, следователь-

но, победа одного войска над другим определяется отнюдь не способностью к логическому мышлению. Действительно, одно и то же войско (численно, по составу, по вооружению) под предводительством одного военачальника побеждает (Фабий, молодой Ганнибал), а под командованием другого — проигрывает (Муниций, Варрон, состарившийся Ганнибал).

Иными словами, успех в *генеральном* (!) сражении великих (!) войн определяется личностью военачальника.

Что в великих военачальниках самое главное? Умение рубить мечом? Или навскидку стрелять из автоматической винтовки? Нет. Сила аналитического мышления? Нисколько. Более того, замечено, что нередко победоносные военачальники во время начавшегося сражения никаких *тактических* распоряжений и не отдают (Кутузов при Бородине молчал; вербальные распоряжения Наполеона безнадежно запаздывали). Великие сражения управляются *не словом*.

Когда встречаются *две равных* по силе некрополя стаи, — то здесь, действительно, значение имеет и опыт, и вооружение, и сумма выплачиваемого солдатам жалования, и их численность, и *тактические* расчеты военачальников — в такого типа войнах свои закономерности.

Но раз в столетие или даже реже приходит *великий военачальник — сверхвождь*.

И тогда вступают в силу закономерности *великих войн*. Любящие похвастаться вожди (типа Варрона, сына мясника) побеждают умы своего народа, и легко — некоторых противников, но стоит им ока-

заться перед сверхвождем... И вот они уже бегут, спотыкаясь о брошенное оружие, — лучшее, заметьте, оружие, чем у победителей. Бегут от численно меньшего противника — и как бегут!

Так было с врагами Александра Македонского и с врагами Пирра; так же было с врагами Ганнибала, Наполеона и Гитлера. Все *великие* военачальники побеждали отнюдь не числом, да и не умением тоже. Ганнибал побеждал численно превосходящего противника, Наполеон — тоже. Но стоило великому военачальнику оставить свое войско, как оно позорно проигрывало даже численно меньшему противнику. (Скажем, можно вспомнить ту же Итальянскую армию, оборванную и дезорганизованную до появления в ней Наполеона, при нем — абсолютно победоносную, а после отъезда Наполеона шутя разогнанную отрядом Суворова, ничтожным по сравнению с Итальянской армией.)

Итак, мы приходим к тому единственному внутренне непротиворечивому объяснению всех наблюдаемых во всех великих сражениях *странностей*. **Важнейший фактор великих войн — сила (и направленность) некрополя сверхвождя.**

Сверхвождь *хочет* — и вооруженная толпа бросается вперед; у противника же опускаются держащие оружие руки.

Сверхвождь *представляет* — и противоборствующему военачальнику как будто отшибает память вместе с военным опытом и всякое соображение, и он в третий раз подряд оказывается послушно пойман в однотипную ловушку.

Сверхвождь *галлюцинирует* — и противник толпами сдается в плен.

Хочет — и на, пожалуйста.

В стае все определяется не оружием и не типом замка ящика, в котором заперт банан, но тем, *чего* хочет вожак.

Но — великий парадокс существования великого некрофила (великого военачальника, сверхвождя): стоит ему только представить, что бежит *его* войско — и оно побежит!

Стоит ему только дрогнуть, испугаться, представить что-нибудь в кустах страшное, *эдакое*, и вот его собственное войско панически бежит, увлекая за собой плоть своего мечтателя.

Это тем более возможно, что *все сверхвожди одержимы* приступами паранойи — безосновательной манией преследования, им временами мерещится черт знает что за каждой шторой.

Иными словами, непобедимого сверхвождя победить можно — надо только знать как. Надо быть противоположного ему психического склада, нестойкого, *неугодливого*, быть независимым от некрополя.

Паранойя — самое слабое место сверхвождя.

Есть, разумеется, и физически уязвимые места (Пирру заехали черепицей по шее). Замечено, что если определяющий (и именно определяющий!) ход сражения военачальник *случайно* поражен (камнем, стрелой, пулей, черепицей) и теряет сознание, то картина сражения может резко измениться. Его побеждавшие было по всем пунктам войска обращаются в бегство (см. всемирную историю, примеров множество). Казалось бы, все на месте — клинков меньше не стало, расположение войск осталось выигрышным, вербального управления как не было, так и нет, и в этом отношении с гибелью сверхвождя мало что меняется — но всё бежит.

И наконец, еще один ослабляющий вождя фактор — биологическая старость. Начитанный в античных авторах Наполеон говорил, что «для побед есть свой возраст»; это было известно и в прежние века. С возрастом не все становятся глупее, а вот опыт увеличивается — способствующий, казалось бы, победам фактор. Но только в рамках стихийной дарвинщины. В рамках же *теории стаи* совершенно закономерно, что способность сверхвождя побеждать силой одного только воображения с возрастом сначала возрастает, проходит через максимум и затем падает, нередко обвально. Это можно было наблюдать в жизни всех сверхвождей, во всяком случае тех, кто не погибал насильственной смертью: Ганнибала, Наполеона, Гитлера. А вот Александру Македонскому горечь поражений испытать не пришлось — он умер с перепоею в 32 года. Есть основания полагать (уж больно сведущим был у него учитель — сам Аристотель!), что Александр свою смерть спровоцировал. Что, в самом деле, его как некрофила ожидало в будущем? Максимум вождизма пройден, впереди только унижительные и «необъяснимые» поражения...

Возвращаемся к двум типам стратегии и случаям их применения. Итак, народился очередной великий полководец, толпа в восторге, несопротивляющиеся легионы противника разбегаются, лишь только заметив собирающие в кустах хворост вспомогательные отряды завоевателя, и какая бы ни была концентрация войск, как бы обильны ни были жертвоприношения идолам — все одно: *вдруг* все охвачено паникой и желанием бежать — и все бежит, начинается страшная резня бегущих, пленные исчисляются десятками тысяч.

Стратегия побеждающего сверхвождя (труполоуба) может быть только одна — наступательное движение, *навязывание генерального сражения* (это важно: чем больше скопление людей, тем полнее отключается критическое мышление *у всех*, тем послушнее и свои, и чужие тем образам, которые в данный момент мерещатся сверхвождю).

Побеждающий некрофил не в силах стремиться ни к чему иному, как только к блицкригу («молниеносная война». — Нем.). Он торопится, — что понятно. Время приближает максимум военачальнической славы, и промедление чревато закатом карьеры. Время после прохождения максимума у нападающего работает на обороняющихся, поэтому чем дольше им удастся его протянуть, уклоняясь от многолюдного сражения, тем полнее подчинение собственному вождю (если он не *неугодник*, то есть вообще не вождь).

Тянуть время было в особенности важно в случае с Ганнибалом, который убыли войскам не знал (в отличие от Александра, Пирра, Наполеона и Гитлера) — к нему стекались гипнабельные добровольцы из покоренных народов. Победить такого, как Ганнибал, можно было только терпением, одним только терпением. Для достижения победы достаточно всего-навсего сохранять свое войско, тренировать его на психическую устойчивость, двигаться с противником параллельным курсом. Что и делал не понятый толпой и легионерами Фабий (а спустя две тысячи лет — Кутузов). А Ганнибал понял (скорее, почувствовал) — и испугался.

Что примечательно в *теории стаи* — одно только это параллельное движение непременно должно привести к рассеиванию войска сверхвождя! Во все времена (в особенности *до* русско-японской войны

1904 года) потери от болезней во время военных кампаний превышали потери от ран. А близость к сверхвождю, некрофилу, умножает болезни и отягощает их течение (см. в кн.: «КАТАРСИС»). На о. Св. Елены вокруг даже полуживого от ядов Наполеона люди болели не в пример больше, чем солдаты удаленной, не приближавшейся к бывшему императору английской охраны. Но если в столицах мира придворные имеют возможность уехать в загородный дом и там прийти в себя, то в военном лагере (и без того скопление дышащих убийством людей — место нездоровое) деться от сверхнекрофила некуда, отсюда и болезни, от которых войско истаивает.

Одной близости сверхвождя достаточно, чтобы со временем истаяло его собственное войско (в чужой стране, в виду лагеря противника, вождь из военного лагеря не отлучается). Но мало того! Мудрый Фабий задействовал и еще один фактор!

Он расположил свой лагерь как можно ближе к лагерю Ганнибала! Подробно парадоксальный механизм того, почему в результате такого маневра ускоряется уничтожение стаи завоевателей, будет рассмотрен в главе о крысах «Грызня элементов стаи крыс: единственная причина — присутствие чужого». А если коротко и упрощенно, то: *сила некрополя у его носителей возрастает при виде чужих, и это некрополе убивает прежде всего тех, кто ближе находится к его источнику.*

Таким образом, для обороняющихся от сверхвождя, для победы над ним, выгодно не только тянуть время, не только, не вступая в сражения, двигаться параллельным курсом, но и организовывать свой лагерь как можно ближе к захватчику. Что Фабий-Кунктатор и делал.

Итак, Ганнибалу противостояли два типа полководцев: одни подобные Варрону и начальнику конницы Марку Муницию, другие подобные Фабию и отчасти Луцию Павлу. От первых народ Рима тащился — а толпа никогда не ошибается где и с кем кайф больше! — спасителей же родины уничтожали и давали презрительные клички типа «Кунктатор». Ганнибал тоже не ошибался, только наоборот: он всякий раз радовался, когда узнавал, что во вражеское войско прибыл очередной любимец толпы. Последующее было делом техники: оставалось каким-либо простеньким приемом вовлечь любимца в восторг — и далее по расписанию...

О, Ганнибал был великим знатоком гипноза и понимал, что одурь восторга одурью и остается, как бы ее ни называли: восторгом победы, религиозным восторгом или как-нибудь еще. В частности, древние историки — а о Ганнибале писали, наверное, все — отмечают *странный случай*, который произошел немедленно после того, как Ганнибал перешел Альпы. Он собрал войско, приказал вывести плененных альпийских горцев, кинул им под ноги оружие и предложил между собой сразиться. Тому, кто зарубит своего единоплеменника, он обещал в подарок коня и, видимо, свободу. Горцы дружно, как один, ринулись к оружию, и началась взаимная резня. Естественно, во время такого рода состязаний зрители, даже если им неизвестны обе команды, все равно эмоционально оказываются вовлечены, — чаще всего на стороне побеждающего. Побеждающая сторона победила и в тот раз, перепачкавшись в крови своих братьев, — чем вызвала *восторг победы* у ганнибалова войска *исполнителей*. Ганнибал приказал прекратить резню и *немедленно* сделал своему войску очередное внушение об их

непобедимости, и напротив, ничтожности и трусости римлян. После чего послал получивших внушение в бой. Победа ганнибаловцев была полной: лучше вооруженные и хорошо отдохнувшие римляне позорно бежали, что неудивительно, поскольку о том, что римляне вот-вот побегут, галлюцинировал не только сам Ганнибал, но и каждый из его воинов.

Ту же операцию по гипнотическому введению в «восторг победы» Ганнибал проделывал не только со своими воинами, но и, в сущности, с «любимцами Рима», Варроном и Муницием, подставляя им для затравки мелкие отряды вспомогательных войск, которые римляне к своему полному восторгу и изрубали в лапшу. Чтобы потом изумиться тому, что они, столь победоносные, ни с того ни с сего тут же обратились в позорнейшее бегство.

В *великой войне* побеждает психолог масс. В тактическом смысле — *сверхвождь*, а в стратегическом, напротив, — *кунктатор*.

* * *

Приведенный случай с взаимной резней горцев интересен не только изоэцренностью психотехники самого Ганнибала, но и невежеством даже наиобразованнейшей части римской интеллигенции. В частности, многие историки не могли взять в толк, зачем это Ганнибал произносил речь, разве что не взобравшись на кучу трупов убивших друг друга альпийских горцев. Более того, многие античные историки считали, что эта театрализованная резня все равно что спектакль; актерство же (низкая профессия) полководца унижает, делает ничтожным. А поскольку столь великий народ как римляне, рассуждали римские исто-

рики, ничтожеством побежден быть не мог, то и самой резни — не было. *Не могло быть, потому что не могло быть никогда.*

Но она была. Поэтому многие и многие историки (в частности, Тит Ливий к возмущению его комментаторов) ее подредактировали в соответствии с постулатами стихийной дарвинщины (исходящей из того, что раз вождь *действует на благо*, то он — *хороший*) следующим образом: дескать, была резня, Ганнибал ее остановил, *а уж только потом, по времени, собрал сходку.*

К счастью, нашлись исследователи, которые обратили внимание на подлог, описали его, описали сеанс подготовки к гипнотическому внушению ганнибаловцев. И этим дали возможность нам, потомкам, нащупать пути к объяснению сегодняшних наших неурядиц...

Да, конечно, особенности начала поразительных завоеваний Ганнибала мы рассматривали не ради него самого, но в связи со сверхвождем Наполеоном и его разгромом в России (далее можно понять суть и современных нам событий).

Ведь, в сущности, в России в 1812 году все повторилось почти в точности: был свой начальник конницы Муниций, был свой Варрон, обожаемый народом и истеричными женщинами, был свой Фабий и свой Луций Павел, которых высмеивали в войске, в народе и при дворе, а самое главное, была все та же толпа и искажающие действительность недоумки-историки.

Именно то, что **Наполеон невротически воспроизводил Ганнибала**, в самый ответственный момент поступая неадекватно, во многом и определило ход кампании 1812 года.

Глава десятая
**ГРАФ РОСТОПЧИН — ДВЕ
ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ**

Во времена Фабия толпа обожала таких, как Варрон. Сверхвождь Ганнибал также радовался приезду в армию этого субвождя.

Изменилось ли что-нибудь ко времени Отечественной войны 1812-го — ведь с тех пор прошло две тысячи лет?

Исчезли одни цивилизации, появились новые, но забыты и они, многобожие сменилось единобожием, и толпа стала носителем новых внушений...

Изменилось ли хоть что-нибудь?

* * *

Наполеон был одержим стремлением к власти над миром и потому неплохо чувствовал скверных людей. Он и назвал графа Ростопчина, знаменитого московского градоначальника, «негодяем».

Сразу и не поймешь — похвала это или осуждение?

В самом деле, царствовавший над Россией Александр I Благословенный Ростопчина очень ценил: до 1801 года Ростопчин занимал пост министра иностранных дел (одно из первых лиц государства!), в мае 1812 года (то есть еще до начала нашествия Наполеона) был назначен генерал-губернатором Москвы. В этой должности Ростопчин продолжал оставаться *вплоть до 1814 года*, из чего следует, что царь Александр I сердцем чувствовал, что граф Ростопчин Фе-

дор Васильевич — *то, что надо, подходящий*. Простая публика Ростопчина не просто любила, но обожала. Словом, пока Ростопчин властвовать *мог*, все были — за.

Противоположного, то есть невысокого, вернее, самого низкого мнения о графе Ростопчине был Лев Николаевич Толстой — по нравственным соображениям.

Естественно, что графа Ростопчина ругали и другие, те же чиновники — но только после снятия с должности; вообще всех низложенных вождей ругают — в угоду новым, дабы этих новых, оттенив, возвысить; подхалимство называется.

Но как бы то ни было, в вину Ростопчину ставили только то, что он из доверенного ему в управление города не произвел эвакуацию ценностей, в частности, не вывезено было с Монетного двора золото и серебро в слитках, мешки с медными деньгами, — и деньги эти пошли на усиление боеспособности армии Наполеона. Не вывезен был также и арсенал, *одних только пушек оставлено было более 150*, то есть свой орудейный парк Наполеон, *благодаря Ростопчину, увеличил примерно на четверть!* Странно однако то, что об утраченных ценностях ныне нет-нет, да и вспоминают, а вот об оставленных 22,5 тысячах русских, раненных в Бородинском сражении и при пожаре Москвы большей частью сгоревших, — почти нет. А ведь, в сущности, вина за их смерть во многом лежит на Ростопчине, графе, любимце Александра I и толпы.

Лев Николаевич, раскрывая гнусность характера Ростопчина, описал его с той же точки зрения, что и Наполеона: *он показал сноровистость, с которой Ростопчин управлял толпой*. И делал это Ростоп-

чин столь же безнравственно, что и любимец европейских народов труполоуб Наполеон или отцеубийца и извращенец Александр I Благословенный.

События, столь гениально описанные Толстым в «Войне и мире», вкратце следующие.

С начала нашествия Наполеона русские войска, и по численности, и в подлости уступавшие нападавшим, ведут арьергардные бои, в которых Наполеон *всегда* убивает больше русских, чем те наполеоновцев. Генералы (преимущественно нерусские — это, как мы впоследствии увидим, важная деталь) требуют генерального сражения; Барклай де Толли, хоть и не русский, но поступает мудро и от генерального сражения уклоняется, тянет время, дает Наполеону увязнуть в просторах России, растянуть коммуникации, потерять часть войска большими, а также убитыми одиночными партизанами. Недовольны Барклаем де Толли царь, генералы-немцы и Ростопчин. Александр I смещает Барклая де Толли и с омерзением, но под ликование солдат-рекрутов (не путать с публикой! среди рекрутов был высок процент *неугодников!* — об этом ниже) назначает Кутузова. Кутузов продолжает политику Барклая — кунктаторствует достаточно грамотно. Так все докатывается до Бородин, где от войска Наполеона остается всего пятая часть, а у русских появляется даже некоторое — ничтожное — численное превосходство. Но — Бородинское поле остается за Наполеоном, потери русских опять-таки значительнее, чем у Наполеона, и Москва регулярными войсками оставляется.

Всегда ненавидевший Кутузова (по причине противоположности душ) граф Ростопчин, подобно Варрону, призывает население Москву не оставлять, а

всем миром в едином порыве выйти навстречу армии Наполеона и во славу Родины умереть — всем. Ростопчин учил, что безоружным горожанам, если они соберутся в большую-большую толпу, не составит труда «закидать шапками» супостата Наполеона, победившего все отборные войска всех государей Европы. Сам Ростопчин, пока Наполеон был далеко, обещал встать во главе ополчения и лично повести всех вперед и т.д. и т.п. ...Публика от восторга рыдала. Ростопчину верили и его боготворили. Многие из Москвы уезжали, но самые преданные Ростопчину (и принципу вождизма!) оставались. Кутузова, решившего не давать еще одного столь желаемого Наполеоном генерального сражения и ради спасения Родины решившего Москву оставить, поносили; а Ростопчина превозносили и призывали вести их на бой — на бой кровавый, святой и правый (ну чем не древний Рим?).

Однако, когда после Бородинского сражения остатки русских войск прошли мимо Москвы, а стоявшие в городе войска начали его покидать, Ростопчин сноровисто вывез близких ему лиц и попытался вывезти в карете и собственную драгоценную персону. Но оставшийся в Москве народ — все источники называют его *сбродом* — явился ко крыльцу графа с требованием исполнить свое клятвенное обещание и лично вести на бой за святую Русь и т. п. Стало ясно, что сплотившаяся толпа попытается силой воспрепятствовать Ростопчину спастись из сдаваемой столицы.

И тут Ростопчин приказывает привести Верещагина, купеческого сына (конкретное историческое лицо, Лев Толстой даже имени его в романе не изменил). Сброд вообще купцов не любит, но не из возвы-

шенных нравственных соображений, а потому что сами — другие, а еще *из зависти* к их богатствам.

Но Верещагин был гораздо «хуже», чем просто купеческий сын — он был образован и даже знал иностранные языки. В силу одних только этих двух возбуждающих зависть и злобу обстоятельств у Верещагина было достаточно оснований читать в глазах сгрудившегося сброда смертный себе приговор.

Но зависть — лишь *причина*; для кровавой же расправы над безоружным необходим *повод*. Его подал вождь — Ростопчин. Он прокричал в толпу, что перед ней стоит автор перевода наполеоновского памфлета о свободе, а следовательно, «изменник, из-за которого гибнет Москва и Россия». И призвал: «Бейте его!» Толпа все равно медлила, и тогда Ростопчин приказал охранявшему его особу драгуну рубить юношу палашом...

И толпа как с цепи сорвалась...

Еще агонизирующее тело Верещагина привязали за ноги к лошадиному хвосту, и духовно близкая Ростопчину толпа, глумясь и ругаясь, бежала за страшной волочащейся ношей по улицам. Вдоволь со смехом покуражившись, толпа, наконец, перекинула остатки того, что еще недавно было человеком, через ограду небольшой церкви (какие набожные!) позади Кузнецкого моста, где труп впоследствии и был захоронен.

Граф же уселся в экипаж, поданный к заднему крыльцу, и, выехав из города, присоединился к заблаговременно вывезенным из города близким.

Для Толстого в этом событии, видимо, было много познавательного, раскрывающего смысл происходящего во вселенной — и этим необходимым для осмысления жизни богатством он, не посчитавшись со вре-

менем, и поделился с близкими ему по духу. Действительно, в ритуале убийства Верещагина и предательском бегстве Ростопчина раскрывалась истинная сущность души государственного во всех смыслах человека на службе царствующего немецкого (подробнее о немцах — в свое время) дома Романовых. Одобряемый царем Ростопчин — как-никак один из первых в этой иерархии лиц.

Единство толпы и Ростопчина — для Толстого объект исследования психологии *исполнителей*, которые во главе с императором Александром I всей стаей противостояли Кутузову (линии Фабия; а в более широком смысле — *неугодничеству*). **Объективно Ростопчин способствовал победе Наполеона и поражению России. Городской сброд** (обыватели, купцы и т. п.) *в глазах Толстого народом не был, во всяком случае не сущностью русского народа* (для Толстого сущность всего — *неугодничество*; но об этом в главе о психологических особенностях рекрутов). Боготворивший Ростопчина сброд был лишь грязной пеной на теле русского народа.

(Это вполне согласуется с *теорией стаи*, хотя взгляды молодого Толстого грешили упрощениями. Он порой путал форму с содержанием — молодой Толстой полагал, что обыватели дрянь, *потому что городские* [возможно, в *те времена* именно так оно и было — в городах в основном жили представители власти и угодничающая перед ними прислуга]; крестьянский же люд, в представлении молодого Толстого, был, в противоположность правителям, беспорочен. На самом же деле, дрянью они были не потому, что *городские*, а потому, что в города собиралась всякая чернь, угодничавшая перед помещичье-чиновничьей иерархией во главе с немецким царем.

Но как *художник* Толстой почти безупречен. Его образы позволяют охватить феномены значительно более объемные, чем те, которые доступны логически-понятийному мышлению, ограниченному небеспредельным числом понятий.)

Граф Ростопчин бессознательно (но вполне закономерно — иначе быть успешным чиновником и любимцем толпы он не смог бы) *отстаивал ту стратегию войны, которая выигрышна только для великих полководцев*. Ростопчин требовал, чтобы Наполеону давались решительные генеральные сражения до последнего русского солдата (точнее — русского рекрута). Такая стратегия была губительна для России, ведь в противостоянии сверхвождю она неизбежно во все века вела к поражению. Объективно Ростопчин выполнял то, чего *желал* от него Наполеон — и это не ограничивалось требованиями генеральных сражений, но вело к выдаче 150 пушек, 40 тысяч ружей и гибели 22,5 тысяч раненых русских рекрутов (офицеры были в основном вывезены) и авторитаризации мышления мещан. Все эти действия были не рядом ошибок, но закономерным следствием того, что субвождь Ростопчин составлял со сверхвождем Наполеоном психоэнергетическое целое.

Таким образом, подобно Варрону, сыну мясника, граф, борясь за генеральные сражения и справляясь с толпой, вполне себя разоблачил как авторитарного министра (угодника), умеющего *угадывать желания* монарха-субвождя и исполнять их.

Преуспевший в иерархии чиновник («негодяй» — в терминологии Наполеона) обучился преуспевать, как ему казалось, *в жизни*, а на самом деле только в иерархии. Это дается только через психоэнергетическое

подчинение *желаниям* главного на данной территории вождя — *любого*.

Ростопчин потому и требовал генеральных сражений, что того желал главный вождь Европы, к тому же находившийся к нему ближе, чем государь император (Александр I, спасибо ему, отсиживался в Санкт-Петербурге).

В таком случае становится понятно, почему у Ростопчина были *такие* желания и почему он Верещагина обвинил именно в предательстве. Это естественно: **обвиняют очень часто в *собственных* преступлениях**. Как и всякий предатель Ростопчин подсознательно знал, что настоящий предатель — он сам. (Все они действуют по одной схеме — Сталин тоже спустя 130 лет часто приговаривал к смерти людей за преступления, которые совершали не приговоренные, а он сам, Сталин. — См. в кн.: «КАТАРСИС», гл. «Отец народов». Это доказано исторически.)

Чтобы окончательно удостовериться в том, что Ростопчин в подавляющем большинстве своих поступков был марионеткой *желаний* Наполеона, можно рассмотреть и другие «странные» действия Ростопчина при оставлении Москвы.

Он оставил золото и серебро — стратегический материал, вывезти который или хотя бы утопить в илистой Москве-реке больших усилий не требовалось. Это было так просто: лишить Наполеона того, с помощью чего он освобождал от последних сомнений вливавшихся в Великую армию *исполнителей*. Однако ж не утопил. Это не случайно, потому что известно из воспоминаний приспешников Наполеона — корсиканец представлял себе Москву как азиатскую столицу, просто переполненную золотом.

Более того, *Наполеон привык пополнять свой арсенал в любом побежденном им городе*, в особенности столицах, и, нисколько не сомневаясь, *видел* в Москве необходимое ему оружие. И оно ему было предоставлено — московский арсенал даже не подожгли, прекрасно зная, что такое бездействие достойно расстрела.

Последнее «деяние» Ростопчина, градоначальника до 1814 года, пожалуй, самое рельефное. Он, «забывая» сделать множество важнейших распоряжений, способствующих оборонной мощи России, *почему-то приказал разбить бочки с вином и водкой, и, как ни торопился сбежать, лично следил за тем, чтобы все было разлито по улицам города.*

Деталь потрясающая!

Ее одной достаточно, чтобы, на нее оперевшись, разобраться в скрытом смысле *странных* событий 1812 года!!

Спрашивается, *с какой целью* уничтожали *традиционно грандиозные* запасы русской водки? *Это же оружие, направленное против любого, кто ее выпьет?!*

В интересах уничтожения войск Наполеона, русские должны были стремиться, чтобы все эти запасы водки достались врагу. Началось бы обычное в таких случаях повальное пьянство, в результате которого спьяну начинается стрельба по живым мишеням, а в условиях оставленного населением города — французов по немцам (более четверти армии Наполеона составляли немцы), а немцев по французам, а тех и других по полякам. В домах, отапливаемых печами, пьяные часто сгорают или хотя бы угорают — насмерть. Пьяные теряют и портят оружие. Они легче заболевают — спать спьяну на осенней земле занятие не

очень полезное для здоровья. Чаще тонут (Москва-река с притоками к их услугам, рядом). Они иногда тонут и в бочках с вином. Они становятся более гипнабельны и ослабевают не только от химического разложения мозга, но и от увеличивающейся чувствительности к психоэнергетическим травмам от самого главного своего вождя и от прислуживающих ему некрофилов помельче.

И от всего этого наполеоновцев уберег не кто-нибудь, а Ростопчин, граф, экс-министр, генерал-губернатор, обладатель многих наград («за заслуги перед царем и Отечеством») и, как говорится во всех энциклопедиях, в деле защиты отечества сделавший много... и т. п.

Может быть, граф Ростопчин заботился о здоровье остающегося населения? Нет, разумеется. Во-первых, те гипнабельные, которые остались в Москве, увидев текущие по улицам водочные реки, падали на землю и пили, пили, пили...

Во-вторых, если бы бочки с вином и водкой не были разбиты, то для той ничтожной части оставшегося в Москве населения преимущественно преступников и имбецилов (ожидавший на Поклонной горе ключей от города Наполеон так назвал тех менее других сопротивлявшихся торгашей, которых к нему, собрав, пригнали-таки под видом депутации, в переводе с французского это — идиоты), вина вполне хватало в подвалах брошенных дворцов. Надо сказать, его досталось немало и французам, некоторое время наслаждавшимся отборными слабыми винами из графских и княжеских погребов. Но лучше бы (для русских *неудобников*) они, наполеоновцы, пили водку — ведрами. И наполеоновцев за месяц стояния в Москве погибло 30 тысяч, хотя могло бы погибнуть и больше.

(Для сравнения: на Бородинском поле французов погибло менее 40 тысяч.) Итак, для оставшихся обывателей отравы заведомо вполне хватало — следовательно, уничтожение московских грандиозных запасов водки *защищало* армию Наполеона! (Кстати сказать, Гитлер, который при вступлении советских войск в Германию, приказав взрывать все и вся, включая необходимый мирному населению водопровод, позаботился о том, чтобы в целостности и сохранности оставались спиртовые заводы и, соответственно, запасы алкоголя тоже.)

Наполеон был опытным полководцем, и знал, что главный враг биологическому существованию его многоязычного войска это он сам — и водка. Разумеется, Наполеон никакой депеши с просьбой уничтожить запасы казенной водки Ростопчину не посылал. Нет нужды — Наполеон был не так себе император, а великий сверхвождь. Просто, как в таких случаях бывает, Ростопчин вдруг стал *знать*, что уничтожить химическое оружие необходимо. Просто — *надо*. Почему — он мог не понимать, хотя рационализации могли быть любой степени сложности. Это для *стороннего* наблюдателя очевидно — потому что того *желал* Наполеон.

Осмысление *странностей* 1812 года с позиций *теории стаи* объясняет многое, если не все.

Становится понятным, почему на уничтожение золота времени не нашлось, почему не успели заклепать орудия, а вот на уничтожение водки — времени хватило. Становится понятно, почему именно Ростопчин и многие ему подобные требовали от Кутузова генерального сражения. Почему Ростопчин с Кутузовым не сходилась и прежде Бородина — противопо-

ложные они люди. Ростопчин просто *чувствовал*, что кунктатор Кутузов — гадина.

Угодник Ростопчин не стеснялся при свидетелях называть Кутузова, победителя Наполеона, «старой кривой бабой». И засыпал его письмами с требованиями генерального сражения, изложенными в совершенно хамской манере. Стоит ли удивляться, что Кутузов ему не отвечал? Он уже достаточно пожил на свете, чтобы не спорить с имбецилами. Бесполезно, и даже опасно. Кутузов не стал спорить с императором Александром I (Варроном) под Аустерлицем и по его приказанию начал бой, который невозможно было не проиграть — ведь впереди был величайший из гипнотизеров эпохи, пусть даже с войском, численно в полтора раза меньшим.

Хамил Кутузову и разгромленный под Аустерлицем Александр I — и всю жизнь за глаза обзывал Кутузова «комедиантом» и «плаксой».

Вообще говоря, фигуры на игральной доске обширных пространств России группировались совершенно отчетливым образом. С одной стороны — Кутузов и рекрутские солдаты, ненавистные двору, которые смеют не соглашаться даже со *своим* императором, не говоря уж о его холоуях типа графа Ростопчина и адмирала Чичагова (об «историческом» поступке последнего — в следующей главе); а с другой стороны — субвожди: сам император Александр I, граф Ростопчин, адмирал Чичагов и многие им подобные.

Всем троим Наполеон премного обязан. В сущности, если бы он был игроком достаточно честным, то за психоэнергетическое послушание и, как следствие, моря напрасно пролитой русской крови должен был бы выплатить солидные гонорары.

Александрю I Благословенному — за Аустерлиц, за множество напрасно убитых русских рекрутов, за слезы Кутузова.

Графу Ростопчину — за спасение части наполеоновской армии в Москве.

Адмиралу Чичагову — за спасение старой гвардии Наполеона на Березине.

Об этом «подвиге» адмирала следующая глава.

Глава одиннадцатая **«ЧУДО» НА БЕРЕЗИНЕ**

Чичагов вошел в историю по одной единственной причине — из-за своего откровенно *странного* поступка у переправ через реку Березину.

Почти полностью лишившийся армии Наполеон, впервые в своей жизни перешедший на бег, окруженный четырьмя сохранными Кутузовым русскими армиями, должен был при попытке переправиться через Березину быть захвачен в плен или уничтожен.

Но тому помешало «чудо».

Молдавская армия (название не по национальному составу, а по месту основной дислокации) под командованием адмирала Чичагова, захватившая и разрушившая мосты через Березину и тем отрезавшая путь к спасению Наполеона, «вдруг» по желанию своего командующего совершила *странное* действие. Армия Чичагова, способная по численности, по духу и по благоприятным внешним обстоятельствам не только остановить, но и самостоятельно уничтожить последние боеспособные части Наполеона, вдруг *по*

приказу Чичагова уходит с пути Наполеона в сторону, причем при отходе даже не поджигаются приготовленные к уничтожению десятки мостов через притоки Березины.

Оставленный крошечный арьергард с двумя легкими пушками был буквально сметен первым же слаженным орудийным залпом (артиллерия Наполеона поражала своей прямо-таки неземной слаженностью залпов, причем из сотен удаленных друг от друга стволов, — ну как тут не вспомнить слаженное мигание мириадом светлячков?!).

Наполеон, естественно, переправляется и, спасенный, продолжает бег.

Армия же Чичагова возвращается и, вступая в бой с задними рядами отступающих, уничтожает значительное число наполеоновцев.

История, в рамках суверенитизма, что и говорить, странная.

Или предательская. Всю свою последующую жизнь Чичагов, эмигрировавший к «внутренникам», пытался оправдаться, что он не трус и не предатель, а просто «ошибся».

Историки делятся на тех, кто Чичагова оправдывает, и тех, кто осуждает.

Те, кто осуждает, говорят, что Чичагов — придворный лизоблюд и, в сущности, дурак, а дурак он потому, что он — суверенная, так его и разэдак, личность — совершил ошибку в ситуации, с которой бы справился даже нижний чин.

Те же, кто Чичагова оправдывает, говорят, что-де адмирал Чичагов, суверенная личность, *просто ошибся*, хотел как лучше — но ошибся. С кем не бывает?!.. Ведь он же исправился! Ведь это факт, что именно Молдавская армия под командованием Чичагова в

операции при Березине убила наибольшее число наполеоновцев. Иными словами, ошибся — пропустил Наполеона, а исправился — поубивал свидетелей позорного бегства Наполеона.

Но с точки зрения *теории стаи* Чичагов как индивид отнюдь не суверенен, что следует хотя бы из того, что он, придворный лизоблюд, расшаркиваясь на балах и угадывая желания государя императора, смог стать адмиралом, — такие не ошибаются.

Чичагов у Березины вовсе не ошибался и не исправлялся, а в обоих случаях исполнил желания пространственно ближайшего к нему в тот момент императора, тем более, что ближайший был сверхвождем.

То, что Наполеон очень хотел вырваться из России — очевидно. В создавшейся у Березины ситуации спасти Наполеона могло только исчезновение с пути его отступления армии Чичагова (то, что Наполеон этим галлюцинировал, — доказательств предостаточно, в частности, сохранились воспоминания очевидцев «чуда») — Чичагов и отошел.

Остается доказать, что Наполеоном владело и другое желание — *он хотел смерти свидетелей, могущих уличить его в бездарности (неудачливости) в Русской кампании, в том числе и ненавистных с детства французов.*

Что ж, правду говорить легко и приятно.

* * *

Кунктатор Кутузов дело свое знал туго.

После Бородинского сражения он отлынивал от генеральных сражений, к которым его понуждали со всех сторон, и, внешне оставаясь спокойным и рассуждая о *скорой* победе, заготовливал, однако, зимнюю

одежду для своего войска и следил за действиями уроженца теплой Корсики.

Стояли последние дни осени. Не корсиканской. А русской. За которой начинаются такие морозы, которые на Корсике и не снились. Кутузов наблюдал и старательно тянул время — делая вид, что обдумывает предложения присылаемых Наполеоном в Тарутинский лагерь парламентаров, и не боясь за медлительность в «обдумывании» прослыть дураком или кунктатором.

В немногих уцелевших домах, преимущественно каменных дворцах сгоревшей Москвы, как всегда во всех подобных случаях, войско сверхвождя на его глазах пожирало само себя. С каждым днем оно слабело и численно убывало — не только из-за взаимных убийств во время дележа награбленного, не только от смертей с перепоя, но от одной только близости с национальным (на все времена!) героем Франции.

Сначала Наполеон надеялся, что русские капитулируют — немедленно; если им не достало Бородинского сражения, в котором они потеряли больше людей (пятьдесят тысяч против сорока только на самом поле сражения, да и из раненых выжили далеко не все), то для ускорения готов был преподать им еще одно генеральное. Но русские не капитулировали. И в сражение не втягивались.

Потом Наполеон стал предлагать подписать *не капитуляцию, а мир* — но на условиях, милостиво им предложенных.

Но дни шли, а делегаций не было. Тогда Наполеон сам стал одного за другим слать парламентаров к Кутузову. Парламентары, вернувшись рассказывали о трогательных разговорах, которые вел с ними Куту-

зов: о хорошей погоде, о женщинах — о, эти милые плутовки! — о туманных намеках, что скоро — да-да, скоро! — будет нужный результат в переговорах, бесконечные же проволочки объяснялись дальностью пути до Санкт-Петербурга, где находился государь император Александр Павлович. Время шло, но ничего определенного не произносилось.

Кутузов тянул время, видимо, с удовольствием; само небо, похоже, приняло сторону русских — стояли настолько теплые солнечные дни (ну, просто небывало приятные), что и французы, и немцы, и поляки с евреями (а в армии Наполеона было очень много евреев) во главе с императором умилялись и говорили, что, вопреки рассказам о холодах Московии, солнце здесь всегда яркое и теплое.

Наполеоновская армия таяла, хотя сражений не было. Наполеон невольно сравнивал богатую Москву с богатой Капуей (в которой истаяла одна из армий Ганнибала) и, раз зацепившись, наверняка вспоминал — не мог не вспоминать — и об изводившем победоносного Ганнибала Фабии, который, правда, свой лагерь устраивал не в трех переходах, как Тарутинский, а в виду у сверхважды. Но раз Наполеон оставался в Москве недвижим, значит, очевидно, подобные сравнения, предвещающие недвусмысленный конец, от себя гнал.

Историки исписывают многие страницы, пытаются объяснить причины столь убийственного для войска стояния в Москве. Эти историки, заученно величая Наполеона не «самонадеянным ничтожеством» (что следует хотя бы из этого московского стояния), но гением, не могут сообразить, что Наполеон гений только — выражаясь конкретно-научным языком Фрейда — в анально-накопительской систе-

ме ценностей. Устроитель идеальных иерархий, «внутренник», — в критическом мышлении он был все-таки слабоват.

Он просто не мог, *не мог* сообразить, что из Москвы пора убираться восвояси. Россия — не Европа, а некое особенное, отличное от остального мира место.

И когда Наполеон наконец решился, было уже поздно.

Погода испортилась — как по заказу — уже на следующий день после того, как войска оставили Москву. Но даже и в этой ситуации Наполеон действовал как придурок (если угодно, невротик) или как человек, решивший уничтожить преданных ему исполнителей. Несмотря на то, что солдаты были ему столь же рабски преданы, как и прежде, он, ощутив на физиономии дыхание осени, не приказал им бросить награбленные тяжести, которые добивали Великую армию тем, что замедляли ее отступление. Более того, ради груд награбленного золота и драгоценностей солдаты не запаслись съестными припасами.

Наполеон попытался было повести своих грабить Украину — это *логично*, — но русские солдаты Украину защитили, продемонстрировав наполеоновцам в сражении под Малоярославцем, что шутки кончились.

Наполеон это понял с полуслова, ответить на оплеуху под Малоярославцем даже не попытался и приказал пока еще великой армии возвращаться по той же дороге, по которой пришел, — разграбленной, почти без продовольствия. Наполеон не мог не понимать, что на этой дороге его армию ждет голод; но «гениальничать» — как он подозревал и раньше, а теперь воочию убедился — ему было позволительно только в цивилизованной Европе и в мусульманском мире.

И голод начался.

Описать, как выходила эта богатейшая (судя по стоимости содержимого их карманов и мешков) вооруженная толпа из пределов страны, которой, как они заявляли при начале вторжения, они несут свет просвещения и духовности, предоставим уцелевшим ее участникам¹.

Рассказывает Rene Bourgogne:

...Три человека возились около лошади; двое из них были на ногах и до того шатались, что казались пьяными. Третий, немец, лежал на дохлой лошади: бедняга, умирая с голоду и не будучи в состоянии что-либо отрезать, старался откусить кусочек, но так и умер на этих попытках...

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 76*)

Ему вторит Rene Bourgeois:

Ужасен был недостаток корма для лошадей; клоки полуистлевшей соломы, оставшейся кое-где от старых бивуаков, истоптанной, перемятой или сорванной с крыш немногих оставшихся изб — вот была вся их пища, и они гибли на бивуаках тысячами. Гололедка, покрывавшая дороги, окончательно доконала лошадей — в самое короткое время не стало помина кавалерии, и кавалеристы увеличили число пеших беглецов. Все полки перемешались, порядок и дисциплина пропали, сол-

¹ Все цитируемые ниже выдержки из воспоминаний участников наполеоновских войн приводятся по книге В.В. Верещагина «Наполеон I в России» (Тверь: Агентство «Созвездие», 1993), включающей в себя две работы: исследование «Наполеон I. 1812 год» и «Наполеон I в России в картинах В.В. Верещагина».

даты не признавали офицеров, офицеры не занимались солдатами; всякий брел, как и куда ему вздумается.

Вся эта беспорядочная толпа была одета в невероятные одежды, в меха и кожи различных животных, всех цветов женские юбки, большие шали, обрывки одеял, лошадиные попоны, прорезанные в середине и висевшие по бокам. Так как обуви не было, то ноги обертывали в лохмотья из тряпок, кусков войлока и бараньих шкур, подвязанных соломой... Поверх этих лохмотьев, полных паразитов, торчали исхудалые лица, совсем почерневшие от бивуачного дыма, покрытые всяческой грязью — лица, на которых были написаны отчаяние, страх, ужасы голода, холода и всяческих бед. Не было речи о центре и флангах: вся армия собралась в одну кучу, без кавалерии и артиллерии, двигалась вместе с обозом в общем невообразимом беспорядке...

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 78–79)

Говорит Fezensac:

Мы шли будто по непрерывному полю битвы, выдерживавшие холод умирали от голода...

Одни... валялись на снегу, другие засыпали и погибали в горевших деревьях. Я помню солдата моего полка, который походил на пьяного: он держался около нас, никого не узнавая, спрашивал, где его полк, называл свою роту, своих товарищей, но говорил с ними как с посторонними; он качался на ногах, и взгляд у него был мутный, потерянный...

Солдаты, ослепленные снежными вихрями, не могли даже различать дороги и часто падали

во рвы и канавы, служившие им могилами. Дурно обутые, плохо одетые, ничего не евшие, не пившие, жавшиеся и дрожавшие, они, едва будучи в состоянии двигаться, все-таки торопились вперед, во что бы то ни стало, не обращая никакого внимания на отстававших, падавших и умиравших около них. Какая была масса на дороге несчастных, которые, умирая от полного истощения сил, боролись еще с приступами смерти! Одни громко прощались с братьями и товарищами, другие, выпуская последний вздох, произносили имена своих матерей, мест своей родины: скоро холод сковывал их члены, проникал во внутренности. На дороге их можно было различать только по кучкам снега, горочками, как на кладбищах, покрывавшего тела, устилавшие путь.

Стаи ворон поднимались с долин и пролетали над ними, испуская зловещие крики. Масса собак еще из Москвы, питавшихся мертвечиной, выла кругом, ожидая свежих трупов».

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 71)

Segur:

Как же это случилось, что в Москве ни о чем не позаботились? Почему такая масса солдат, умерших с голода и холода, оказалась нагруженными золотом вместо нужных им одежды и провизии? Каким образом за тридцать три дня отдыха не успели заковать лошадей на острые шипы, которые дали бы им возможность лучше и быстрее двигаться? Почему, если не было на все приказа от самого Наполеона, предосторожности эти не были приняты другим начальством, гг. коро-

лями, князьями и маршалами? Разве не знали, что в России после осени наступает зима? Приученный к сметливости своих солдат, Наполеон уж не вздумал ли положиться на них самих?..

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 72–73)

Bourgogne:

Мой мешок оказался слишком тяжел, и я воспользовался первой остановкой, чтобы осмотреть свое добро и выкинуть, что было лишнего. Оказалось: несколько фунтов сахару, рису, немного сухарей, полбутылки ликера, китайский костюм из шелковой материи, шитый золотом и серебром (вероятно, сарафан); много разных вещиц из золота и серебра; между прочим, кусок с креста Ивана Великого, т. е. кусочек обшивки с него. Обшивка эта была серебряная, позолоченная. Еще была, кроме моей парадной формы, амазонка для езды верхом, еще два образа с выпуклыми серебряными ризами. Кроме того, были медали и ордена одного русского князя, украшенные бриллиантами. Все эти вещи назначались в подарок. Кроме того, у меня на рубашке был надет желтый шелковый жилет, прошитый ватой, который я сам сшил из женской юбки, и воротник на горностаевой подкладке. Сверх того, на широком серебряном галуне у меня висел мешочек с разными предметами, между которыми были золотой «Христос» и маленькая китайская фарфоровая вазочка... потом еще мое оружие и 60 патронов...

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 68)

Из главы «На большой дороге...»:

Сегодня какой-то несчастный чиновник военной администрации, которому колесами тяжелой повозки только что отдало обе ноги, валяясь в мучениях на снегу, закричал проходившему Наполеону: *«Чудовище, ты десять лет уже грызешь нас! Друзья мои, он — бешеный, он — людоед! Берегитесь его, он сожрет всех вас...»* Император молча прошел мимо, делая вид, что ничего не видит и не слышит, а бедняга, не обезоруженный этим молчанием, продолжал посылать ему вслед отборную, позорную брань...

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 248*)

Из главы «Великая армия»:

Один кирасир, громко стонавший от голода, бросился на труп ободранной лошади и, засунув голову в скелет, стал зубами вырывать внутренности. Голод был так велик, что русские находили французские трупы, наполовину объединенные своими товарищами...

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 74*)

Rene Bourgeois:

Оставленные умирать с голода (раненые и больные. — *А. М.*), принужденные сами заботиться о своем существовании, эти несчастные ползали по полям, вырывали корни, остатки капусты и других овощей. Валяясь на сгнивших соломе и траве, на тряпках и лохмотьях, они покрылись грязью и насекомыми, пропитались зловонием от умерших и уже разложившихся товарищей. На расстоянии целых восьмидесяти лье (350 кило-

метров. — А. М.) нужно было не идти, а, так сказать, прокладывать себе дорогу между всевозможными обломками и трупами. Во всех местах останков, на всех этапах встречались кладбища, называвшиеся госпиталями, которые издали давали о себе знать отвратительным зачумленным воздухом и кучами разлагавшихся тел и нечистот, составлявших невообразимые клоаки...

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 75*)

Но смрад исходил не только от умерших — как пишут очевидцы, смрад исходил и от живых: *люди справляли всякую нужду, не раздеваясь*. По прошествии многих лет выжившие элементы Великой армии объяснят подобное поведение морозом, невероятным холодом. Что ж, можно не сомневаться, что мемуаристы так и умерли, искренно веруя, что говорили правду, а отнюдь не рационализировали. Они вообще считали себя правдоносцами, не захватчиками и убийцами, а просветителями и цивилизаторами, а русских — своей противоположностью, темными и жестокими. Однако стоит вспомнить, что немки на национал-социалистических собраниях, внимая призывам Гитлера идти на Восток, тут же *уделялись*, не вставая со стульев, на которых сидели, и так, не вставая, блаженствовали и дальше — счастливые. А ведь они не брели по снегу, но, напротив, сидели в отапливаемых лучших залах Германии. Можно вспомнить, что и в Москве, в которой было не холодно, а скорее жарко (от пожаров, да и осень стояла теплая) французы и все те же немцы не удосуживались выйти на двор, а клали рядом с собой, своими нравами поражая оставшуюся в городе даже не лучшую часть москвичей. (Владельцы дворцов, в которых

квартировали «цивилизаторы», вернувшись и втянув ноздрями воздух, в них жить отказались и отдали их под богоугодные заведения — именно поэтому в Москве больницы для народа и при царизме располагались в бывших дворцах.) Вы думаете, выжившие наполеоновцы вспоминали месяцы, проведенные с Наполеоном с омерзением? Нисколько! Они были счастливы своими воспоминаниями! О чем сохранилась колоссальная литература (взять хотя бы того же Бальзака).

Таким образом, это уделывание на себя (основатель так называемой индивидуальной психологии Адлер объяснил бы это тем, что таким образом обезумевшие достигали состояния успокоения, имитировали детство) людей с отключенным логическим мышлением было выражением неких подсознательных желаний. Но своих ли? Или сверхвождя-гипнотизера, чьим желаниям они были всегда послушны?

В том, что Наполеон грязен, ничего удивительного нет — Гитлер был такой же; хотя и менял по несколько рубашек на день. **Они, сверхвожди, такие все.** Некрофилия Наполеона проявлялась в откровенных формах — по завершении боя он подолгу объезжал поля сражений и любовался расчлененными от взрыва снарядов телами с вывалившимися внутренностями. И этой своей страсти не скрывал — к чему? — критического мышления у его соратников не было, а труды по некрофилии еще не были написаны.

Однако копрофилию (любовь к испражнениям) вожди тщательно скрывали всегда. **Познание** же истины маски срывает. То, что солдаты Великой армии, окончательно отдавшиеся воле своего императора, мочились и дефектировали прямо на себя, есть разоблачение скрытых вождедений *самого Наполеона*.

Патологический врун Наполеон, а вслед за ним многие историки утверждают, что армию Наполеона погубил *мороз*.

Уже из одного только вышеприведенного отрывка из воспоминаний выжившего наполеоновца, удивлявшегося странной нераспорядительности прежде всегда предусмотрительного Наполеона, следует, что истребили Великую армию отнюдь не мороз, а бездарное руководство (*или злой умысел вожака?!*), в результате которого тепло одет и приятно сыт оказался только толстобрюхонький и женобедренький Наполеон (выходит, не *забыл*, что мороз в России случается!), а обожавшие его солдаты остались без одежды, без еды *и даже без того, что было в изобилии буквально в нескольких шагах — без дров*. Погибель нес не мороз — ведь плененные русскими партизанами французы, немцы и испанцы, если не были убиты оружием, то выжили — а сам Наполеон. Как тут не вспомнить слова прозревшего за несколько часов до смерти чиновника с перебитыми ногами: *«Чудовище, ты десять лет уже грызешь нас! Друзья мои, он — бешеный, он — людоед! Берегитесь его, он сожрет всех вас...»*

О якобы бездарных действиях побеждающих вожаков писал еще во II веке до н. э. самый мыслящий из историков — Полибий в своем главном труде о трех Пунических войнах, из которых 2-я была с Ганнибалом. Вот что пишет Полибий о побеждавших карфагенян в 1-й Пунической войне римлянах:

Римляне... подверглись таким злоключениям, которые превосходят всякое описание. Так, из трехсот шестидесяти четырех судов уцелело только восемьдесят; остальные или

поглощены были волнами, или отброшены прибоем волн и, разбившись о скалы и мысы, покрыли берег трупами и обломками. История не знает более тяжкого несчастья, разом обрушившегося на море; *причина его лежит не столько в судьбе, сколько в самих начальниках*. Дело в том, что кормчие долго и настойчиво убеждали не идти вдоль наружного берега Сицилии, обращенного к Ливийскому морю, так как море там глубоко, и высадка на берег трудна; они говорили также, что одно из двух зловещих созвездий еще не скрылось, а другое приближается; плавание их совершалось в промежутке между восходом Ориона и Пса. Всем этим консулы пренебрегли... <...> Действительно, на суше, где они имеют дело с людьми и с человеческими средствами борьбы, римляне большей частью успевают, потому что равные силы они одолевают натиском (силой некрополя. — А. М.)... Напротив, большие бедствия постигают их всякий раз, когда они вступают в борьбу с морем и небом... **Так случилось тогда и много раз случалось раньше, так будет и впредь...**

(Полибий, I, 37)

Трудно представить, чтобы военачальник был настолько одержим моноидеей, чтобы не знать, что на море случаются бури и притом в одно и то же время года. Интересно, что сам военачальник, подобно тепло одетому Наполеону, не погиб, из чего естественным образом возникает подозрение, что он *своих* подставил. Видимо, они в сражении были свидетелями его невротического поведения, которое расценили как

гнуּность или бездарность. Вожаки и более мелких банд подобных свидетелей убирают.

Вот и еще одна причина, по которой Наполеон не мог не желать смерти своего войска — свидетелей намерений, *прикрытых* «бездарностью». Он, Наполеон, **типичен** — а вовсе не революционер, тем более гениальный!!! О типичности претендующего на гениальность не должен был знать никто. Это снижало возможности набирать новые стаи. А сколько армий после Русского похода успел еще набрать и подставить под уничтожение ненавидящий французов Наполеон!

Об устранении свидетелей Наполеон, возможно, задумывался еще в Москве, но то, что он об этом *мечтал* во время кошмаров бегства, — очевидно. И об этом догадывались — способные мыслить. Если не соль соли нации — она осталась дома, — то соль армии, которую, казалось бы, как способных к разведке, стоило беречь более всего.

Но Наполеон беречь не хотел. (Потому, видимо, некоторые французы при исходе Наполеона из Москвы остались в ней добровольно — навсегда.)

Стоит ли говорить, что тот чиновник с перебитыми голеньями так и замерз в русском снегу? Но он все-таки — хоть мгновение! — был счастлив. Он испытал счастье говорить правду. Какая музыка, согласитесь! **«Друзья мои, он — бешеный, он — людоед!» «Друзья мои...»**

Но «друзья», зомбированные в «цивилизаторов», вместо того чтобы обратиться к русским, где было спасение, продолжали дурно пахнущей кучей валить вслед за ненавидящим их супервождем.

Если бы Наполеон на самом деле **захотел** помочь, его полубезумные сопровождающие, сами не понимая почему, гурьбой бросились бы к несчастному,

чтобы наложить ему на ноги шины, и, бросив награбленное золото, поднять своего боевого товарища.

Однако ж не бросились. Желания в них *не появились*. У них у всех было одно желание — точно такое же, как и у императора, — идти, не останавливаясь, и не замечать гибнущих товарищей по оружию, называющих их по старой памяти «друзьями».

Это еще одна причина — и ее одной вполне достаточно — слышавшие это обличение, а оно неминуемо передавалось из уст в уста, просто *должны*, обязаны погибнуть.

Да, свидетелей остаться было не должно. Но своей рукой ни зарезать, ни застрелить, ни даже перервать такому количеству людей глотки Наполеон не мог просто физически — как бы подсознательно ему того ни хотелось. («...Он — людоед! ...он сожрет всех вас...» — это не просто художественная фантазия человека, который мог бы жить, но волею императора был обречен замерзнуть. И это не просто психокатарсический образ. Каннибализм среди наполеоновцев был не редкостью. **Вожак вообще всегда распознается по поведению своих последователей** [в общем случае также и по *демонстративно* инверсированному поведению].) На то, что русские рекруты перебьют наполеоновцев, у Наполеона, успевшего познакомиться с поразительной добротой рекрутских солдат, надежды было мало. К тому же кунктаторствующий Кутузов берег рекрутских солдат, и в бессмысленные для России сражения его втянуть не удавалось. Зверства же прежде угодливых крепостных пресекались. Наполеону оставалось сделать так, чтобы наполеоновцы уничтожили себя сами.

Уничтожение 615 из 645 тысяч произошло вовсе не по «ошибке», небрежности (попробуйте найти ту

корсиканскую бабу, которая бы не сообразила, что после осени наступает зима, а зимой холоднее, чем летом!) — это было следствием намерений сверхвождя.

Вообще, мучительная смерть — закономерная судьба всякого *исполнителя*. Причина — любовь к смерти, *некрофилия* — порождает закономерное и потому предсказуемое следствие.

* * *

Итак, *теория стаи* включает в себя познание и об общей для всех стай судьбе не только вожака (взлет, максимум, паранойяльные приступы при невозможности сломить *неугодников*, падение), но главное, вариантах судеб элементов его стаи — они агонизируют от восторга, и затем, на свою беду став свидетелями падения кумира, наказываются гибелью, и цивилизаторы, веровавшие, что вели их к светлым идеалам, устилают дороги своими трупами. А выжившие, при отсутствии нового сверхвождя, вспоминают прошлое с восторженным благоговением. (Так было во времена и Ганнибала, и Наполеона, и Гитлера, и Ленина, и других — известных и не известных нам — сверхвождей.)

Наполеон, как и Ганнибал, новую стаю набирал легко, поэтому ему свидетели несостоявшегося триумфа были не нужны. Вся прежняя разноплеменная стая — и испанцы, и поляки, и немцы, и ненавистные с детства французы, — все должны были погибнуть самым простым способом — от голода на морозе.

Впрочем, старая гвардия — люди, преданные Наполеону со страстью классических зомби, умевшие не рассуждать и, не сомневаясь, прославлявшие Наполе-

она за гениальность в любой ситуации, — должны были выжить. И — на удивление! — старая гвардия, в тех же погодных условиях, что и другие части Наполеона, на том же морозе, почти при том же качестве довольствия, — оружия не бросила (то есть они были в еще худших условиях, чем отступавшие из других частей, те хоть побросали оружие, и идти им было легче: штуцер тех времен весил как пять (!) и более современных автоматов, на тяжесть которого жалуются нынешние солдаты), и тем не менее во Францию вернулась. Но такую судьбу Наполеон избрал лишь для менее чем десяти тысяч из более чем 640-тысячной армии.

Насладившись в полной мере в течение многих и многих дней любимым зрелищем — пространством, заполненным мертвыми и умирающими, сытый и тепло одетый Наполеон бежал в Польшу, где был восторженно встречен, восхитил поляков рассказом о том, что за ним идет его целехонькое великолепное и победоносное войско, а затем бросился во Францию...

Те, кого уставшие убивать подчиненные Чичагова упустили, отступали одни, но уже по дороге не разоренной, вдоль которой стояли еще не разграбленные дочиста деревеньки...

Солдаты сплошь и рядом зажигали целые дома, чтобы погреться в продолжение нескольких минут. Жар привлекал несчастных, сделавшихся от холода и лишений какими-то полоумными: со скрежетом зубов и адским смехом они бросались в костры и погибали там. Товарищи смотрели на них хладнокровно, без удивления. Некоторые даже подтаскивали к себе обезображенные,

сжарившиеся трупы и — надобно сознаться, как это ни ужасно — ели.

(Segur)

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 80)

...Дорога была до такой степени покрыта мертвыми и умиравшими, что надобно было употреблять большое старание для прохода между ними. Идя густою толпой, приходилось наступать или шагать через несчастных умиравших...

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 80)

В придорожных сараях происходили чистые ужасы. Те из нас, которые спасались там на ночь, находили утром своих товарищей, замерзших целыми кучами около потухших костров. Чтобы выйти из этих катакомб, нужно было с большими усилиями перелезть через горы несчастных, из которых многие еще дышали...

Нужен был колосс, чтобы поддерживать все это, но колосс покинул нас...

(Segur)

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 81)

Своеволие и беспорядок достигли крайних пределов; всякая мысль о команде и послушании стала невозможностью, исчезла разность в чинах и положениях — мы представляли шайку обрюзглого, извратившегося люда. Когда несчастный, после долгой борьбы, падал, наконец, подавленный всеми бедами, — все кругом него, уверенные в том, что это конец и ему уже не подняться, прежде чем он испускал последний вздох, бросались на несчастного как на настоящий труп, срывали об-

рывки одежды, — и он, в несколько секунд оказавшись голым, оставался в таком виде умирать медленной смертью. Часто, бывало, идут около вас подобия каких-то привидений, покушающиеся дотянуться до привала: они стараются изо всех сил выдвигать ногу за ногой, потом вдруг начинают чувствовать, что силы их покидают; глубокий вздох выходит из груди, глаза наполняются слезами, ноги подгибаются; в продолжение нескольких минут они качаются и, наконец, падают, чтобы уже более не подняться. Если тело несчастного упало поперек дороги, товарищи бесцеремонно шагают через, как ни в чем не бывало.

(Bourgeois)

(Верецагин В. В. Указ. соч. С. 80)

* * *

Итак, вся эта армия наполеоновцев, в сущности, Кутузовым даже не преследуемая (Кутузов намеренно отставал на два перехода, чтобы не убивать рекрутских солдат пространственной близостью с Наполеоном), безоружная, голодная, оборванная, побросавшая награбленную добычу, перемазанная испражнениями, а потому зловонная, верующая в свою цивилизаторскую миссию, докатилась до Березины.

Наполеон, о котором перемазанные в дерьме французы упорно думали как о колоссе, все еще был при армии. Это сулило успех при переправе, хотя с точки зрения наблюдателя, одержимого стихийной дарвинщиной, положение было безысходным.

В самом деле, мост через Березину был уничтожен. Прежде на берегу была хорошая крепостица, в которой для охраны моста Наполеон оставил

польский полк. Но пришел адмирал Чичагов с Молдавской армией (состоявшей из русских, квартировавшихся в Молдавии, и выигравшей русско-турецкую войну) — и полегли чуждые русскому духу поляки-наполеоновцы, не стало и переправ через Березину.

— Вы лжете, вы лжете, это неправда!.. — забормотал Наполеон при известии о том, что переправы захвачены.

Видя, что Бонапарт стал шевелить своей палкой, я подумал, что он хочет ударить ею полковника (прибывшего с донесением. — *А. М.*); но в эту минуту он, с широко расставленными ногами, откинулся назад и, опираясь левою рукою о палку, со скрежетом зубов, кинул к небу свирепый взгляд и поднял кулак! Настоящий крик бешенства вырвался из его груди, он повторил свой жест угрозы и прибавил короткое и выразительное слово... само по себе составляющее богохульство. Уверяю вас, что в жизнь мою я не видел более ужасного выражения лица и всей фигуры!.. Мы... были до такой степени поражены виденным, что опомнились только, когда он приказал продолжать путь.

(Верецагин В. В. Указ. соч. С. 168)

Положение было, действительно, чрезвычайное: боеспособного войска немного — гвардия и офицеры, собранные в Священный эскадрон, — всего около десяти тысяч. Еще присоединилась совершенно свежая, сытая и одетая, отдохавшая всю русскую кампанию в ожидании выхода Великой армии небольшая армия маршала Виктора.

Если подходить арифметически, то живой силы у Чичагова было значительно больше, артиллерии — тем более, кроме того, переправляться через ледяную Березину надо было именно наполеоновцам, а не русским. Как назло, именно в это время после ужасающих тридцатиградусных морозов ударила оттепель, — именно тогда, когда она была желаемым выбраться во Францию не нужна, ведь в результате река вскрылась, и переправиться по льду, как еще день назад, стало невозможно. Да и времени было немного — на пятки наседали сразу две русские армии, одна под командованием Кутузова, другая — Витгейнштейна, достаточно умело действовавшая и до войны 1812 года. Как показали дальнейшие события, они опоздали к переправе всего лишь на сутки.

Наполеон послал небольшой отряд в 300 человек в сопровождении безоружной, деморализованной и вонючей толпы на 25 верст вниз по течению с издевательским (слишком мало сил) приказом строить там мост. Сам же остался на месте и приказал не скрываясь (да это было бы и бессмысленно) строить сразу два моста — рядом. Попытка строить мосты, учитывая обилие артиллерии у Чичагова, была бы бессмысленна — если бы Наполеон не знал, что дегенераты есть не только в его армии.

И, действительно, происходит «чудо»!

Русские по приказу Чичагова снимаются и уходят!

По построенным мостам переправляется сам Наполеон и его гвардия.

С наступлением сумерек и произошло то, что историки всех народов называют *трагической ошибкой*. Непереправившиеся цивилизаторы *переправу*

прекращают (!!!) и устраиваются на ночлег — мосты же всю ночь пустуют. Им всем захотелось оттаять!

Утром переправа как бы нехотя возобновилась — и тут вдруг полетели ядра, и в рядах наполеоновцев стала рваться картечь. (Кстати, пришедший еще позже Кутузов был против этой бойни.)

Да, избиение было страшным. Брошенные вождем наполеоновцы и не думали сопротивляться, — мешая друг другу, они бросились на выстроенные мосты. Русские артиллеристы, перед глазами которых стояли картины надругательств над русской землей и людьми, выкатывали на близлежащие пригорки все новые и новые батареи, споро их устанавливали и открывали огонь. Промаяхнуться было невозможно: цивилизаторы стояли настолько плотно, что каждый снаряд производил поистине ужасающие опустошения. Суета, толкотня, беспорядок, драки и убийства, происходившие при переходе через Березину *еще до подхода русских*, по словам всех очевидцев, не поддаются описанию. А теперь к непрерывному вою прибавились еще непрерывный свист ядер, взрывы снарядов, удары по повозкам, каретам и ящикам, которые разбивались, разлетались, осколками увеличивая число жертв.

А потом один из мостов разорвался посередине...

Побоище *между самими французами* переросло в правильное сражение: дивизия Жерара оружием прокладывала себе путь сквозь живую еще плоть — и переправиться ей удалось.

После этого жерардисты подожгли и второй мост, оставляя своих товарищей на погибель. Многие из оставшихся и просто одуревших от отчаяния еще пытались проскочить по пылавшему мосту, но сгорали или,

пытаясь унять боль от ожогов, бросались в воду, где и тонули...

Эта участь должна была постигнуть всю армию Наполеона, да и самого Наполеона лично, если бы адмирал Чичагов выполнил свой долг гражданина, долг, который заключается в том, чтобы сберечь как можно больше жизней вообще, и своих сограждан в частности. Если бы этот любимец русского царя, успешный его придворный прихлебай это сделал, то не было бы последующих кампаний 1813, 1814 и 1815 годов, не было бы Ватерлоо, унесшего жизни сотен тысяч людей разных национальностей, не было бы десятков других сражений, в которых женоподобный супермен Наполеон одержал над различными армиями, включая и русские (Кутузов к тому времени умер), блистательные по обилию крови победы.

Однако адмирал Чичагов, подобно генерал-губернатору Ростопчину и Александру I Благословенному, Наполеону помог...

И заключительный штрих к портрету Чичагова.

Казалось бы, вину следует искупать. России после разорения, которое нанес ей Наполеон, требовались и хорошие руки, и умные головы, а главное — благородные и честные сердца. Казалось бы, Чичагову, несмотря на заслуженный позор то ли предателя, то ли дурака, надо было засучить рукава и работать...

Но Чичагов так, *естественно*, не поступил.

Он уехал за границу, переезжал из страны в страну, пользуясь уважением на правах вельможи страны, победившей непобедимого Наполеона, тратил деньги, собранные с русских крестьян, и писал мемуары, язвительно в них оправдываясь о том, какой он *хороший-хороший*, а вовсе не обыкновенный предатель.

Глава двенадцатая

А БЫЛ ЛИ АЛЕКСАНДР I, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, — ПЕРВЫМ?

Что и говорить, *тяжело сражаться за свою жизнь и независимость против напавшего сверхвождя, если высшие должностные лица своего же государства а также командующие подсознательно сверхвождю пособничают.*

Предательская деятельность субвождей из *своих* правительств тем более опасна, что никаких документальных договоров или расписок в получении денег — тех бумаг, которые принято считать *уликами*, уличающими предателей как *платных* агентов и дающими повод их обезвредить, — существовать не может. Отсутствие этих документов в архивах приводит в добросовестное заблуждение историков, не только находящихся на содержании какого-нибудь вождишки, но и психологически с ним совместимых.

Расследования случаев субвождизма можно провести, опираясь вовсе не на документы, которые или фабрикуются верхушкой иерархий, или ею заказываются, но, прежде всего, по воспоминаниям очевидцев-*неугодников*, рассказывающих о том, что *видели*.

Естественен вопрос: если в войне 1812 года психоэнергетически предательствовали вторые после государя лица, такие как градоначальник граф Ростопчин и адмирал Чичагов, то не следует ли ожидать аналогичных поступков и от самого государя-императора?

Услуживал ли Александр I Наполеону *после его вторжения в Россию*? В каких формах и когда в жизни Александра I это проявлялось особенно заметно?

Историки разных стран мира, пытаясь разобраться в закономерностях происходивших в ту яркую эпоху событий, спорят между собой, *кто в начале XIX века был в Европе первым, вокруг кого на самом деле вращалась вся европейская политика — вокруг Наполеона или вокруг Александра I?*

Те многие и многие историки, кому Наполеон подсознательно нравится (у них есть достаточные основания с ним отождествляться, физиологические или психологические), пытаются доказать, что Наполеон был *хороший-хороший*, демократ, а во всей той резне, которую он устроил в Европе, Азии и Африке, на самом деле виноват Александр I, мечтавший о мировом господстве, — виноват потому, что он *русский*.

Доказательством считают то, что европейские войны в конечном счете закончились территориально якобы *в пользу* России, то есть Александра I (русского, как они считают, а не немца). Ведь именно Александр I занял в Европе освободившееся место Наполеона. Именно Александр разгуливал по Парижу, принимал ухаживания пришедших в страшное возбуждение парижанок. Именно Александр кормил лебедей, которых прежде нравилось кормить Наполеону, — и отнять это право у русского императора никто не мог, хотя и пытались. (Это пытались сделать немцы с англичанами, они составили коалицию с целью начать совместную войну против России — захваченный документ позднее был подарен Александру вернувшимся с Эльбы Наполеоном — да помешали события Ста дней.) Как мог Наполеон в 1805 году быть главным, если его, бедного, в 1815-м все-таки победил Александр I (а, следовательно, он, якобы, и изначально был более «крутым»). Как мог На-

полеон, если бы он на самом деле был сильнее, оказаться на далеком острове св. Елены, где и скончался в страшных мучениях, охраняемый на деньги опять-таки не России, а Англии. Всех, дескать, перехитрила Россия. Она — империя зла. Следовательно, беднягу Наполеона спровоцировал на кровопролития в европейских междоусобицах Александр I, русские.

Этому психологическому типу историков нравится верить в то, что Наполеон благороден (всем свойственно защищать *своих*), и в качестве доказательств приводят противоречащие одно другому высказывания патологического лгуна Наполеона.

Цитировать все эти многочисленные труды нет ни малейшего смысла, они бессмысленны в принципе, хотя бы уже потому, что, как уже сказано, истину надо искать не в бумагах дипломатов, не в хвалебных самооценках диктаторов, а в «странностях» их жизни, в «странностях» событий, вокруг них концентрирующихся, *в единоборствах этих двоих* (Наполеона и Александра I), результат которых зависел от сравнительной силы их некрополей (обладатель наиболее подавляющего и есть сверхвождь).

Итак, кто же был *император* Александр I?

Он был, естественно, та еще сволочь.

Мало того, что его биологические родители были коронованными особами, но и воспитанием его ведала мужеподобная шлюха Екатерина Великая. Та самая, которая ради обретения единоличной власти над всей страной убила своего мужа Петра III. Про станок для совокупления с конем, который был изготовлен по приказу Екатерины Великой, распространяться не будем. Так вот, эта дама, доводившая силой своего некрополя людей до состояния полного восторга и преданности, своему внуку *Александрю* с детства вну-

шала, что он — на самом деле не он, а *Александр Македонский* и *Александр Невский* в одном лице.

В какой мере это внушение дополнительно исказило психику мальчика, и без того росшего под абсолютной властью такой женщины, — неизвестно, но **определяющей чертой характера Александра I была именно страсть быть не самим собой** — он всегда принимал облик того, кого ожидал перед собой видеть любой «крутой» собеседник. Своей угодливой многоликостью он поражал многих, что и было отражено в мемуарах.

Это качество в Александре проявилось и тогда, когда он принял участие в убийстве собственного отца Павла I. Нет, Александр не крутил мошонку своему папаше (предварительно избитого Павла I пытались задушить шарфом, но получилось это не сразу, потому что он просунул под шарф руку, которую убийцам, чтобы она не мешала, выдернуть не удавалось; тогда один из заговорщиков и цапнул российского самодержца за самое чувствительное место — и тот, защищаясь, руку непроизвольно и выдернул). Александр I отца убивал не своими руками, но сделал то, что от него и ожидали горевшие жаждой убийства вторые лица, — покорился их воле и изъявил согласие не мешать. Впрочем, на убийство была воля Екатерины Великой — бабушки, к тому времени уже покойной. Она сама хотела устранить сына ради любимого по причине *послушания* угодливого внука — да при жизни совершить еще одно убийство помешал разбивший ее инсульт.)

Александр I был не только отцеубийцей, но был замешан и в инцесте. Свою сестру Екатерину Павловну он любил «нежнее», чем просто «любовью брата». Сохранились его письма к ней. Вот одно из них от 25 апреля 1811 года:

Я люблю вас до сумасшествия, до безумия, как маньяк! <...> Надеюсь насладиться отдыхом в ваших объятиях... <...> Увы, я уже не могу воспользоваться моими прежними (до недавнего замужества Екатерины Павловны. — А. М.) правами (речь идет о ваших ножках, Вы понимаете?) и покрыть вас нежнейшими поцелуями в Вашей спальне в Твери...

Екатерину Павловну любили многие заблуждавшиеся насчет своей полноценности мужчины и притом любили страстно. Что естественно — она, как отмечают все, для женщины была излишне мужественна, «смесь Петра I (Великого) с Екатериной II (Великой) и Александром I (Благословенным)». Очевидно, был зависим от нее и ее брат-любовник Александр I.

Александр I был зависим от кого-нибудь — *всегда*. Достаточно вспомнить одного на нем «наездника» — тупого и невежественного министра Аракчеева. Аракчеев был патологическим садистом и запомнился тем, что солдатам, у которых не получалось составлять геометрически симметричный строй, с мясом вырывал усы, а еще тем, что, ругая одного из таких солдат, министр *откусил* ему ухо.

В последний период своей жизни Александр I занялся тем, что историки, — увы, многие, — называют «богоискательством». Делал он это под водительством разных лиц, впрочем психологически однотипных. Историки считают пристойным упоминать Фотия — сначала игумена, а затем архимандрита, о котором знакомым с феноменом некрофилии достаточно сказать, что ему *нравилось спать в гробу*. Остальные обстоятельства его жизни, естественно, тоже вполне

вписываются в феномен яркой некрофилии — самоистязания, обожание его набожными графинями, эпиграммы и частушки про его половую (ковровую?) невоздержанность. Словом, тот же Распутин, попытки канонизировать которого когда-нибудь увенчаются не частичным, как сейчас, а полным успехом, был не первым, путь ему прокладывали другие — и нет им числа. Только Фотий удовлетворялся всего лишь *игуменством* и *архимандритством*.

Таким образом, во все периоды своей жизни — от младенчества до последних дней — Александр I был кем-нибудь водим, причем, как пишут ему в похвалу, — без различения национальности, пола и образования авторитета (в терминологии «КАТАРСИ-СА» — «наездника»).

Контакты у Александра I были и с Наполеоном.

Достаточно вспомнить сражение под Аустерлицем 1805 года, известное многим по мастерскому описанию Толстого, впрочем не до конца внятному. Может быть, потому дрогнула рука у художника, что уж больно постыдна эта внятность: при полуторном перевесе в войсках и артиллерии, Александру, взявшему на себя руководство сражением (временно отстранил Кутузова), это сражение удалось не просто проиграть, но послушно выполняя *желания* Наполеона, подобно Варрону, привести свои войска к *полному разгрому*. (Александр скомандовал наступление с Працельских высот в точности как и в свое время Варрон; появление засадного отряда Наполеона обратило всех в бегство.)

Итак, из обстоятельств Аустерлицкого разгрома следует, что уже в 1805 году Александр был пешкой, движимой *желаниями* Наполеона.

Александр и позднее, уже *после кампании 1812 года*, в заграничном походе пытался на поле боя противостать Наполеону как полководец — буквально, и даже *лично* ходил с кавалеристами в атаку (под Фер-Шампенуазом) — но и тогда вновь немедленно выяснилось, что как *наступающий полководец* он и в подметки не годится *великому военачальнику*, атака получилась, мягко выражаясь, неудачной.

Зафиксированы моменты, когда Александр являл себя как бы носителем души (не духа, а души!) Наполеона. В этом нет никакой метафизики. Принадлежность индивида к той или иной стае проявляется в его эстетических предпочтениях — в том, *что* им воспринимается как *красивое*. Эстетические предпочтения есть целиком или почти целиком *чувство*, редко кем *осмысливаемое*. Приглядитесь к любому срезу истории: *«вдруг»* населению *начинает нравиться* то, что нравится новому *вожаку*.

Так и с Александром — достаточно вспомнить, как он томно с рук кормил наполеоновских лебедей в пруду Фонтенбло. А еще Александра тянуло посещать места, связанные с жизнью Наполеона (несмотря на то, что при дворе Романовых Наполеона называли *выскачкой!*). А еще Александр пытался в Европе занять место Наполеона.

Копирование Наполеона началось отнюдь не после кампании 1812 года. Еще в 1806 году *угодник Александр I* приказал переодеть русские войска на французский (читай, наполеоновский) лад. Тогда же были введены эполеты, породившие значительную своим глубоким смыслом шутку: «Теперь Наполеон сидит на плечах всех русских офицеров».

Но самое страшное — русскую армию стали *переучивать на наступательный* (по французскому об-

разцу) лад. Всю глубину этого преступления против России мы рассмотрим позже. Сейчас лишь достаточно напомнить, что **необученные** на французский лад русские рекрутские солдаты **действовали успешнее обученных**. Под Смоленском дивизия Неверовского, *сплошь состоявшая из новобранцев*, в течение нескольких часов отразила 40 (!!!) атак многократно превосходившего по численности противника, и не только устояла, но и вышла победительницей.

Множить аргументы зависимости Александра от Наполеона смысла нет: и так понятно, что **именно Наполеон, а не кто иной, определял все происходившее в Европе с угодниками (носителями авторитарного мышления)**. Иными словами, все невозрожденное население представляло собой более или менее сформировавшуюся стаю — и поступало постольку поскольку того хотел или не хотел Наполеон.

Возникает вопрос: если Ростопчин и Чичагов оказывали столь неоценимые услуги Наполеону, то Александр и вовсе должен был выйти к *великому военачальнику* с белым флагом?! Почему же не вышел?

Действительно, основной опасностью в начавшейся войне многие современники считали возможную капитуляцию Александра — они-то уж знали своего императора. Опасность усиливалась от того, что практически все окружение Александра умоляло его подписать мир на угодных Наполеону условиях, а грозный (для своих) Аракчеев, умоляя, разве что не ползал на коленях. Нажимала сдаться и мать — императрица Мария Федоровна.

Однако России повезло — ее *неугодникам* не пришлось противостоять в бою отечественному императору. Два человека — и это из всего-то двора! — все-

таки пересилили и добились невмешательства Александра в дела Кутузова. Это была супруга Александра I Елизавета Алексеевна (по примеру мужа увеселявшаяся с любовником и даже рожавшая от него детей) и упомянутая любовница-сестра Екатерина Павловна.

Особенно трогателен патриотизм Елизаветы Алексеевны, урожденной принцессы Баден-Баденской Луизы, выданной замуж, когда ей было 14 лет, за 15-летнего наследника престола Александра. Уже после победы над Наполеоном, когда она заболела чахоткой, и врачи сказали, что якобы единственная для нее надежда выздороветь — покинуть пределы России, она полюбившуюся Россию покинуть отказалась. Впрочем, что тут удивительного — уже в свои 14 лет она поражала окружающих умом.

Но нашедший все-таки в себе силы устранился от командования войсками Александр сумел в полной мере оценить некогда оставленную жену только в последний год жизни — и отдал всю имевшуюся у него нежность умирающей Елизавете Алексеевне...

Но это было в последний год жизни супругов, а тогда, в 1812 году, Александру приходилось выбирать — сдаваться или не сдаваться, подписывать позорный мир или не подписывать. И еще: если подпишет капитуляцию, сможет ли он прожить без благоволения двух самых влекущих его женщин?

Женщин особенных, потому что только они две, в отличие от всего двора, не только не пользовались властью в иерархии, но ее и не добивались. (Власть не просто порок, это средство разрушения собственной воли!) Так что не удивительно, что только они отстаивали право быть от планетарного сверхвождя независимыми.

Кто знает, кто из этих двух женщин оказал большее влияние на русского императора, чтобы он отказался от верховного главнокомандования и как овца на заклание не вел русские войска по примеру французских в наступление, а поставил во главе русских войск Кутузова — кунктатора.

Глава тринадцатая

БОРОДИНО КАННАМИ, ОДНАКО Ж, НЕ СТАЛО

На следующий день, чуть рассвело, карфагеняне вышли на поле боя собрать добычу; даже врагу жутко было смотреть на груды трупов; по всему полю лежали римляне — тысячи пехотинцев и конников, — как кого с кем соединил случай, или бой, или бегство. Из груды тел порой поднимались окровавленные солдаты, очнувшись от боли, в ранах, стянутых утренним холодом, — таких пунийцы¹ приканчивали... Взгляды всех привлек один нумидиец², вытщенный еще живым из-под мертвого римлянина; нос и уши у него были истерзаны, руки не могли владеть оружием, обезумев от ярости, он рвал зубами тело врага — так и скончался.

Тит Ливий, XXII, 51:5-9

¹Синоним карфагенянина, и то и другое в данном случае указывает не на национальность — собственно карфагенян в войне было мало и чем дальше, тем менее оставалось, — а просто на принадлежность войску Ганнибала.

²Казалось бы, всего лишь *наемник* Ганнибала.

Ганнибал после блестящей победы под Каннами погрузился в заботы, приличные скорее победителю в войне, чем тому, кто еще воюет.

Тит Ливий, XXII, 58:1

Все уверены в том, что однодневное промедление [Ганнибала] спасло и город [Рим], и всю державу.

Тит Ливий, XXII, 51:4

Я должен был умереть в Москве! Тогда я имел бы высочайшую репутацию, какая только возможна.

Наполеон на о. Св. Елены

Кроме субвождей в руках сверхвождя пассивными марионетками являются также *жухлые исполнители*, но даже и они события вокруг себя формируют — все или почти все в их жизни не случайно. Это характерно для всех невротиков вообще, прежде всего, естественно, для одержимых моноидеями сверхвождей.

Невозможно при сравнительном жизнеописании Наполеона и Ганнибала не обратить внимание на то, что удивительно большое число узловых моментов судьбы Ганнибала загадочным — но лишь на первый взгляд — образом в точности воспроизвелись в судьбе Наполеона: особенности телосложения, переход через Альпы тем же ущельем, обстоятельства смерти, утраты власти и т.п. Эти и некоторые другие удивительные «совпадения» мы еще в дальнейшем рассмотрим.

В соответствии с *теорией стаи* вождь в большей мере, чем послушные воле вождя *исполнители (жухлые некрофилы)* вокруг себя события формирует — но тоже отнюдь не по своей *свободной* воле.

Человек обладает родовой памятью в том положительном смысле, что способен воспользоваться опытом всех своих предков, критически его осмысливая, — жаль только, что счастьем критического мышления себя одаривают лишь немногие. Удел остальных — отрицательная сторона родовой памяти, проваливание в неврозы, приобретенные не только на протяжении собственно *своей* жизни, но и унаследованные от предков; как следствие воспроизводятся уже некогда пережитые бедственные ситуации. И чем больше некий предок авторитарен (чем больше подонок), тем цепче когтит унаследованный от него невроз. А что может быть гнуснее сверхвождя (Ганнибала)?! У каждого человека двое родителей, соответственно четверо дедов, восемь прадедов, и так далее. Число предков и предков их предков хотя и ограничено, но почти необозримо, — все средиземноморье.

И малорослый корсиканец *поддался*. В чем можно убедиться, сравнивая судьбы Ганнибала и Наполеона.

Но почему каждый конкретный невротик оказывается «в шкуре» неврозов данного великого военачальника, а не, скажем, земледельца? Выбор не случаен — он есть следствие многих факторов, плод диалектического единства внешних обстоятельств и нравственных решений, плод того, что принято называть душой.

Итак, что же могло повлиять на формирующегося Бонапарта, что он выбрал быть (не подражать! не казаться! а — *быть!*) Ганнибалом (или их, возможно, общим, историей забытым, предком)?

Какие особенности его пространственного, физического, физиологического и, как следствие, психичес-

кого бытия определили или подтолкнули именно к этому «неврозу Ганнибала»? Некоторые из них уже были названы:

1. Наполеон себя осмысливал (с подачи окружающих) *мужчиной*, но жизнь внутри этого осмысления ему осложнял слишком малый рост — 151 сантиметр. Психопатологи вновь и вновь убеждаются, что одинаковые физиологические отклонения *одинаковым образом* определяют отклонения и в психике (*или, может, наоборот: отклонения психики уже во внутриутробном развитии проявляются во внешности?*), в частности низкорослые страстно желают стать в глазах других колоссами (помните, как Наполеона называли в бегущей Великой армии? — да-да, колоссом). Эту свою *порочную* потребность в сверхкомпенсации обычно реализуют в *порочных* же видах деятельности: заставляют собой восхищаться как гениальным актером, финансовым властителем, военачальником или императором — примеров множество. Но аномально маленький рост кроме определенных форм комплекса неполноценности и патологической ненависти к рослым людям (после правления Наполеона средний рост французской нации понизился на 2,5 сантиметра, — самые рослые в первую очередь шли в армию и, естественно, большая их часть гибла) требует также и некой идеологии, легенды, из которой следует, что особо маленький рост есть вовсе не проявление дегенеративности, следствие грехов предков, но, напротив, есть признак избранности — желательна судьбой и небесами.

Известно, что средний рост римлян (подчинивших, на удивление всем, всего за 53 года войн, включавших и три победоносные войны с Карфагеном, практически весь известный в те времена мир) был

менее 160 сантиметров. Заальпийские кельты славились своим могучим ростом — но римляне их «мочили» без особого труда. Обратитесь за подробностями завоевания ойкумены Римом к какому-нибудь нынешнему студенту-историку — *низкорослому и слабосильному* — и он с *величайшим удовольствием* расскажет, как низкорослые римляне рубили крупных и мускулистых варваров (кельты дрались обнаженными по пояс — пугать врага должна была рельефность мускулатуры, объект зависти худосочных). Наполеон был, если угодно, таким же студентом, и у него были и эмоции, присущие этому типу студентов — только удешевленные. Следовательно, болезненно воспринимавший свой дегенеративный рост Наполеон Буонапарте в выборе между римлянами и кельтами должен был подсознательно предпочесть римлян. Не потому, что они *римляне*, а потому что *низкорослые*.

Но, скажите, если бы объявился народ еще более низкорослый, но при этом как завоеватель не менее славный, пренебрег ли бы Буонапарте высокими (160 см) римлянами или нет? Пренебрег бы.

А были ли такие?

Были.

Вот что пишет грек Полибий:

Вообще все италийцы превосходят финикиян [карфагенян] и ливийцев прирожденными телесной силой и душевной отвагой.

(Полибий, VI, 52:10)

В сущности, в образном восприятии человека ущербного (например, такого, как Наполеон) слабый — все равно, что более мелкий; карфагеняне, конечно,

могли быть высокими, но слабыми, дистрофичными, — другое дело, что слабый и низкорослый все равно отождествлял себя с ними.

Психологическая достоверность — все; действительность же часто, в ущерб здравому смыслу, — ничто.

Итак, слабенький и женобедренный Наполеон должен был быть не на стороне высоких и мужественных римлян, а на стороне слабеньких (но покрывших весь мир!) карфагенян!

2. Наполеон, страдавший от своей уродливой низкорослости, просто не мог, защищая свое унаследованное от матери болезненное самолюбие, не уходить в мечту о собственной колоссальности, причем в форме, определенной для него уже его отцом: как воспитанник военной школы он *понимал* только величайших полководцев. Согласно античным авторам, ему как уроженцу Корсики, где в населении циркулировала и римская, и карфагенская кровь, выбирать приходилось между римлянами и карфагенянами. Здесь тоже Ганнибал просматривается как идол; всякий же идол паразитирует на пороке — и притом цепко.

3. Людям вообще свойственно отождествлять себя с тотемом (символом, идолом) своего племени (местности). А Ганнибал и был одним из таких тотемов: один из величайших, если вообще не величайший, полководец античности. Следовательно, для *воспитанника военной школы* Ганнибал, вообще говоря, олицетворял собой не только образец состоявшейся карьеры, но и символ древности рода (Франция — сословное государство, принадлежность к определенному сословию — неперемное условие карьеры). Как тут не вспомнить свое карфагенское прошлое?!

4. Ганнибал из Карфагена в девятилетнем возрасте был вывезен отцом на европейский материк — военное обучение предвляло вступление в должность главнокомандующего. Наполеон *тоже* был вывезен отцом, и *тоже* на материк, и *тоже* в почти том же (восьмилетнем) возрасте, и *тоже* для военного обучения.

5. Ганнибала еще в детстве отец перед жертвенником заставил дать клятву ненавидеть Рим (недемократов; в Карфагене свирепствовала рабовладельческая демократия); логическое завершение подобной ненависти — невротическое желание захватить *Рим* и его уничтожить. И, это очевидно из всей жизни Ганнибала, к *Риму* у него было отнюдь не рациональное отношение, а эмоциональное (если угодно, ненависть была подсознательной; к тому же сливалась с неврозом *великого города* — об этом неврозе ниже). Многие современные исследователи Наполеона позволяют себе обратить внимание, что отношение Бонапарта к России тоже было отнюдь не рассудочным и диктовалось отнюдь не интересами Франции. Это пытаются объяснить разными причинами, как то:

а) полковнику корсиканской повстанческой армии и лейтенанту армии французской Бонапарту отказали в свое время в просьбе принять его на военную службу в российскую армию, поскольку притязания Бонапарта на майорский чин показались начальству чрезмерными;

б) Александр I отказался отдать *за уже коронованного императора* Франции Наполеона свою сестру Анну, но тут же выдал ее за незначительного немецкого князька, чем Наполеона оскорбил;

в) коротышка и пузан Наполеон не мог не завидовать недемократу Александру I — высокому, стройному и голубоглазому — и его по этой причине ненавидеть.

Все эти обстоятельства представляются *причинами* на том основании, что правителей интересуют только находящиеся на одной с ними ступени иерархии. (Скажем, в фашистской Германии впоследствии в Нюрнберге осужденные как военные преступники Гиммлер, Геринг, Борман, Шпеер и так далее, хотя были непосредственными сподвижниками Гитлера, друг с другом враждовали, друг против друга интриговали и один другого подсиживали. Они были одинаково преданы фюреру, но друг друга ненавидели — даже в стенах Нюрнбергской тюрьмы друг друга избегали. Делаящий карьеру грабитель тоже, «разобравшись» внутри своей группировки и став в ней вожаком, начинает бороться за власть с соседними бандами.) Ужас перед неугодниками, ненависть по горизонтали, презрительное равнодушие к нижестоящим, раболепство перед вышестоящими — классические чувства элемента всякой иерархии. В ныне царящей суверенитической цивилизации постулируется, что главное чувство элемента иерархии — ненависть к сопернику. Отсюда и трактовка мотивов Наполеона: его ненависть к России есть плод недоуважения со стороны царя и его чиновников.

Но всей совокупности происходившего между Наполеоном и окружающим его миром одна только эмоция оскорбленности Наполеона не объясняет.

Кроме всего прочего отчетливо просматривается комплекс Ганнибала и подстилающие его более ранние комплексы и неврозы.

Итак, Наполеон был Ганнибалом, Ганнибал же страстно ненавидел Рим, следовательно, Наполеон не мог не искать города, духовно ему, сверхвоздью, противоположного, и в страстной к нему ненависти совершать нелогичные (хотя и строго закономерные) поступки. Римом же XIX века была Москва—Санкт-Петербург! (Более корректно: Москва — пусть отдаленный, но символ русского неугодничества — в одном смысле, а Питер — немецкое начало, аналог «железного» Рима, «внешничество» — в другом; и то, и другое — некая противоположность Наполеона — «внутренника».)

Рассмотрим проблему в упрощенных формах.

Очевидно, что у наполеоноганнибала сильные чувства должен был вызывать не обязательно буквальный Рим, который послушно лег к его ногам и откуда его хвалили папы, но метафизический, *нечто ему, Наполеону, сопротивляющееся.* (Гипотеза, что Москва есть Третий Рим, не имеет ровно ничего общего с высказываемыми соображениями, хотя не исключено, что если эти взгляды Наполеону пересказали, то само заключенное в ней слово «Рим» могло вызвать дополнительную бессознательную волну ненависти — так, скорее всего, и было. Но это только *дополнительная волна.*) Для подсознательного распознавания противоположности много не надо — *человек живет в энергоинформационном поле всей планеты,* и понятийное изложение гипотез не обязательно.

Таким образом, противостояние Ганнибала, *великого вождя,* и Рима, *великого города,* есть некая единая, не меняющаяся во времени константа, наполненная эмоциональным напряжением. Время от времени она, посредством пробуждающейся родовой памяти, со всей силой, присущей неврозу отрицания дей-

ствительности, воплощается одержимостью конкретных людей, которые и становятся вождями, что, в частности, проявляется в желании захватить любой ценой *великий город*, который, однако, почему-то не захватывают. Опытный Ганнибал *странно* медлил после победы под Каннами, в чем угадывается *страх* перед *великим городом*, и так его и не захватил никогда, победа Наполеона над улетучившейся на его глазах Москвой тоже весьма условна.

Но как бы то ни было:

— и у Ганнибала, и у Наполеона равно просматривался «невроз *великого города*»;

— и Ганнибал, и Наполеон утратили свое несущее им победы психоэнергетическое первенство и лишились власти примерно в одном и том же возрасте — в 45 лет;

— прежде этого возраста и Ганнибал, и Наполеон побывали вблизи *великого города*, что расценивали как пик своей карьеры («*Я должен был умереть в Москве! Тогда я имел бы высочайшую репутацию, какая только возможна*». — Наполеон на о. Св. Елены);

— и Наполеон, и Ганнибал закончили свою жизнь от яда;

— и Ганнибал, и Наполеон чаще всего воевали руками и кровью людей чуждых им национальностей, что отличает их от великого множества других полководцев.

Было и множество других странных повторений судеб, интересующиеся могут найти их, сличая подробные биографии этих исторических фигур. К сожалению, о частной жизни Ганнибала осталось в истории немного — только самое ключевое (с точки зрения психоаналитика).

Итак, Наполеон был *как бы* новым воплощением Ганнибала, видимо, с достаточно молодого возраста. Если такое отождествление было движимо со всей неодолимой и испепеляющей силой невроза, то от Наполеона в России следовало ожидать *странных поступков; очень, очень странных.*

Например, Наполеон должен был страстно жаждать захвата «Рима» и перед единственной в своей жизни возможностью *должен* был дать величайшее в жизни «римлян» генеральное сражение — Каннское.

Если открыть любую энциклопедию (даже не военную), то выясняется, что Ганнибал вошел в историю среди прочего и тем, что во время битвы при Каннах *впервые в истории войн и военного искусства* применил маневр, в результате которого римляне были разгромлены не просто наголову, но их потери составили 10:1!!

Маневр был прост: ганнибаловцы начали фронтальное сражение, раззадорив римлян тем, что наскочивший ганнибаловский легкий передовой отряд поставился под истребление, остатки его начали отступление, римляне бросились в погоню и когда они оказались за линией засад, по ним *разом* ударили *и по левому флангу, и по правому.*

Именно эта одновременность и была новаторством (или особенностью — если история просто не сохранила предыдущую реализацию этого невроза).

Вообще говоря, удар *сразу по двум* флангам, действительно, есть некоторая оригинальность, поскольку в двух ударах практической (военной) надобности нет. Назначение всех и всяких засадных отрядов в

генеральных сражениях заключается в том, чтобы *одним только своим внезапным появлением* тем более в таком месте, где военачальник противника вообще ничего встретить не рассчитывал, *вызвать страх*. У страха, как говорится, глаза велики, неизвестное пугает многократно сильнее известного, поэтому подвергшийся нападению из засады военачальник начинает представлять *невесть что*. А от громадного, *до неба*, «невесть чего» надо бежа-а-ать! И подчиненные субвождю воины без вербального приказа во все века послушно оставляли строй и бежали. Если военачальник успевал быстро справиться с галлюцинацией, то войско его, покачнувшись, оставалось на месте и, перестроившись, вступало в бой с очередным отрядом противника. Однако, «девочка» Ганнибал был гипнотизером такого масштаба, что обыкновенный субвождь типа сына мясника Варрона справиться с возникшей галлюцинацией не успевал и, повинувшись пришедшей, казалось бы, ниоткуда страсти, под видом бегства ради спасения жизни подставлял врагу для смертельного удара незащищенную спину...

Наблюдаемый при битвах феномен паники и повольного бегства при *неожиданном* появлении даже ничтожного по силам засадного отряда противника можно объяснить как с использованием иных терминов, так и на примерах иных эпох. Известно, что современные солдаты, часто классически безалаберные, после первой же крови своих товарищей (бомбежка) и, вследствие новизны происходящего, — *испуга*, тут же становятся послушными воле своего командира (дисциплинированными). Если бы все это происходило в окопах в виду врага, то послушание можно было бы объяснить дарвиновской целесообразностью —

ради выживания под руководством обученного в военном училище командира. Однако в точности та же картина спонтанного построения строгой иерархии наблюдается и в глубоком тылу — при бомбежках. На передовой, когда пространственно близки вожди противника (а уж тем более, если приблизился *великий полководец*), той же силы бомбежка может вызвать повальное бегство, как о том и мечтают нападающие.

Нет ничего более непрактичного, чем паническое бегство из окопов! Если солдат сидит в окопе, где он защищен от пуль и осколков слоем земли со всех сторон и тремя накатами блиндажа сверху — у него есть существеннейшая возможность пережить не только этот день, но и многие последующие. Если же он из окопов выберется и побежит — то его почти неминуемо ждет смерть.

Скажем, линию Маннергейма в Финляндии советские войска штурмовали в 1940 году три месяца, а в 44-м то же расстояние, и даже существенно более укрепленное, прошли всего за 10 дней. Укрепления к 1944 году стали для штурмующих и вовсе бесперспективны: толщина стальных бронеколпаков была такова, что их не могли пробить даже несколько попадающих снарядов артиллерии большой мощности. Но после одной из артподготовок советские солдаты, не встречая никакого сопротивления, пошли на стальные ДОТы в полный рост. И удивились: все пространство за ДОТами было усеяно телами мертвых финнов. Оказалось, что психика финнов, в 1940 году подпитываемая энергетикой их союзника Гитлера (американцы им тоже помогали), в 44-м не выдержала, они повыскакивали из безопасных для себя многоэтажных подземных укреплений и бросились бежать. И в этот

момент получилось так, что советская артиллерия перенесла огонь на большую глубину...

Очень поучительно для освобождения от пут идиотической теории о суверенности воли *исполнителей* и для постижения *теории стаи* просматривать кадры кинохроники Великой Отечественной войны, во всяком случае те из них, на которых запечатлено бегство «комсомольцев»-сталинцев из окопов. Особенность сохраненного кинопленкой эпизода в том, что позади передовой линии окопов — на 500 метров — отрывались окопы так называемых заградительных отрядов, цель которых была заграждать путь вовсе не врагу, а расстреливать бегущих комсомольцев. Побег комсомольца-*исполнителя* в такой ситуации становится втрое непрактичным: выбравшись из окопа, он попадал не только под пули гитлеровцев, но и под пулеметные очереди — в упор — заградительных отрядов. Возможности выжить практически не оставалось, — они и гибли. А вот негипнабельные солдаты от окопа к окопу прошли до самого Берлина.

Но тем не менее кадры кинохроники свидетельствуют: комсомолец вопреки интересам выживания в массе своей выскакивал из окопов и бежал на захлебывающиеся очередями пулеметы «Максим». Полезнейшие кадры для освобождения от пут «суверенитизма»: и если кому не хватит одного просмотра, пусть смотрит второй, третий раз... сотый — и так до тех пор, пока не зародится *мысль*...

Таким образом, для того чтобы обороняющийся стал послушным воле нападающего, его надо *напугать*. В этом случае он, утративший критическое мышление, начинает искать успокаивающее забытие в волнах некрополя «авторитетного» вождя. А по-

сколько сверхвождь нередко на стороне противника, то трус может быть принят в войско врага, а может и не быть. Вспомните грандиозные лагеря военнопленных 41-го года, штабеля умерших от голода военных и штатских. (И наоборот: отсутствие критического мышления есть состояние трусости; *исполнитель*, вообще говоря, трус, даже когда ордой идет против одного. Именно так описывают у нас поведение азиатов, которые нападают толпой на одного, но встретив малейший отпор — бегут. Но это качество не исключительно азиатское, — все толпы таковы, да и публика в сущности та же.)

В точности по тому же механизму подчинения воле сверхвождя гибли и римляне под Каннами. На 10 убитых обученных римлян приходился только 1 (!) убитый ганнибаловец. Никакими изъяснами военной выучки такого соотношения погибших не объяснить (в 1812 году русские рекрутские солдаты [*неугодники*], только что призванные, не успевшие освоить навыки владения оружием, выдерживали по сорок атак наполеоновцев — в дивизии Неверовского). Как объяснить, почему в первый период войны между Гитлером и Сталиным плохо вооруженным 3,2 миллионам гитлеровцев сдались более 3,8 миллиона советских военнослужащих? Находящихся в обороне, лучше обученных и лучше вооруженных!! Если среднее соотношение погибших в Великой Отечественной — на одного убитого гитлеровца шесть советских солдат, — то каково это соотношение было в 41-м?!

Таким образом, для того, чтобы появились милые сердцу великих некрофилов горы расчлененных трупов, достаточно создать *непонятную*, непредусмотренную, а потому деструктурирующую защитное критическое мышление ситуацию. Для этого достаточно од-

ной пугающей неизвестностью черной точки на горизонте, одной засады, — *но не двух*. При одной засаде есть куда бежать, а при двух создается ощущение окружения, — а противник лучше напуганный, чем затравленный, приготовившийся продать напоследок свою жизнь подороже.

Словом, две засады, с точки зрения психологии, — это деградация, шаг назад в военном искусстве. Невроз.

Визитная карточка прошлого своих предков. И Ганнибал ее предъявил.

И вот спустя два тысячелетия наполеонганнибал встал под *великим городом*, рядом с деревней, называемой Бородино (расстояние в 120 километров отсюда до Москвы, хотя и ничтожное по российским масштабам, почти равно расстоянию между Каннами и Римом).

И вот *здесь Наполеон совершает «странный» тактический поступок*: вместо предложенного сразу несколькими наполеоновскими маршалами очевидного маневра, который должен был привести к разгрому русских — а об этом очевидном варианте пишут не только французские историки и исследователи, но и русские — он совершает такой маневр, который привел к тому, что Бородинское сражение превратилось просто в грандиозную бойню с приблизительно равными потерями (Наполеон потерял 40 тыс., а русские — 50 тыс.).

Гибельным, по всеобщему мнению, для России маневром был план, предложенный начальником кавалерии маршалом Даву, одним из немногих относительно самостоятельных маршалов Наполеона. Даву предлагал под Бородиным бой за смоленскую дорогу лишь имитировать. В это время он, Даву, с 35 тыс.

своих людей и 5 тыс. поляков (и евреев) по старой Смоленской дороге *ночью* обойдет русских с тыла, и, как всегда в таких случаях бывало по всей Европе, посеяв панику, обратит в бегство русских и их пере-режет. Такой разгром обошелся бы наполеоновцам практически без потерь. Даву брался к 7 часам утра завершить этот выигрышный (для французов) маневр.

Однако Наполеон этого очевидного плана не принял — *почему-то*.

Какими только глупостями не объясняли столь странный поступок Наполеона. Дошли до того, что веруют в *jaloisie de metier* (профессиональная ревность. — *Фр.*) непобедимого доселе императора к обреченному на забвение подчиненному!

Наполеон, действительно, принял странное и невыгодное решение — удар по обоим флангам, как под Каннами, — но *странно* вести себя он *начал задолго до него*.

Во-первых, он не спал ночь. Кроме того, у него была лихорадка, вызванная или усугубленная простудой. А еще у него резко обострились трудности с мочеиспусканием. Наконец, с ним произошло то, что пишущие о Наполеоне психиатры называют припадком эпилепсии. Во время этих припадков у *калосса* отключалось логическое мышление, вплоть до потери памяти. Иными словами, в таком состоянии решение принимается исключительно по механизму невроза.

Неврозы значимы всегда, но одни значимы более, чем другие. Включение простое — значимые внешние обстоятельства, такие, как войско впереди и близость *великого города*. Если самыми значимыми для индивида неврозами были юнговские неврозы, то

есть невроты родовой памяти, а его предок был при Каннах среди ганнибаловцев или римлян, то он может «провалиться» в Канны. И их воспроизвести. (Вариант — общий предок.)

У победы при Каннах была визитная карточка, которую при Бородине и предъявил больной Наполеон!

Русские рекрутские солдаты, однако ж, не было всеобщей воинской повинности (русские полками стали бегать только с 1904 года, *после* введения всеобщей воинской повинности) — и Бородино Каннами не стало.

Разгромить русских фланговыми ударами не получилось. Какие-то *неправильные* оказались эти рекруты.

Русские *неугодники*, защищаемые от Александра I, чичаговых и ростопчиных кунктатором Кутузовым, довершив совершенную еще до Бородина психологическую победу над сверхвождем, прошли через Москву якобы на рязанскую дорогу, потом обманном движением ушли на калужскую — причем настолько скрытно, что наполеоновская разведка потеряла их из виду, что не могло не спровоцировать у параноика Наполеона дополнительных приступов ужаса.

Великий город был перед Наполеоном. Он был оставлен с ним наедине. Бери, казалось бы, и владей.

Но не расчетами выгоды движимы люди и события.

Желанная столица, по самоназванию *Третий Рим*, явившаяся в сиянии — виданное ли дело! — *золотых* куполов, уже через несколько часов подоженная с десяти концов, начала растворяться в огне грандиознейшего пожара, раздуваемого невиданной в этих местах бурей... В сущности, и Наполеоном, как в свое время Ганнибалом, *великий город* взят не был... Как

увидим в дальнейшем, во многом из-за их *настоящих желаний*.

После битвы под Каннами-Бородино (вне зависимости от того, что Бородино Каннами не стало), Наполеон просто *не мог* взять город, в который не захотел войти Ганнибал.

Потому он столько часов и стоял на Поклонной горе, без всякого разумного объяснения не двигаясь с места.

Он пошел, когда Москва стала возноситься — то есть, на пустое место.

«Москву сжег я», — сказал Наполеон на скалистом острове Святой Елены. И это было правдой.

* * *

В мире толп культивируется сплошное *наоборот*. Это отключает остатки унаследованного критического мышления элементов стаи — тем ее сплачивая. Именно за такие *наоборот* вожди и содержат так называемых ученых (*идеологов*).

Софья Андреевна представляется всем идеальной женщиной, а Лев Николаевич — сумасшедшим.

Ромео и Джульетта становятся всемирным символом возвышенной любви между мужчиной и женщиной; а описавший их классические некрофилические взаимоотношения педераст Шекспир становится, соответственно, — главным экспертом по межполовым взаимоотношениям.

Импотент Гитлер становится для миллионов женщин цивилизованной Европы образцом *настоящего мужчины*.

А невротик Наполеон, который, похоже, как суверенная личность вообще никогда не жил, а со школьной скамьи лишь ненавидел действительность, став-

ший Ганнибалом и им и умерший, почитается разве что не во всем мире (кроме *неугодников* России) образцом человека, разорвавшего ограничения этого мира, возвысившийся беспредельно и *реализовавшийся как свободная личность!*

И вел веровавшую в него толпу *исполнителей* к их якобы мечте — к *свободе!*

Ехидство истории пределов не знает.

Глава четырнадцатая

«МОСКВУ СЖЕГ Я!»

Москву сжег я!

*Наполеон — 14-летней Бэтси Балкомб
на о. Св. Елены*

Но еще должно было пройти много времени, пока историография признала, что ее предназначение — в неукоснительной правдивости.

Зигмунд Фрейд

Единственный в своем роде взгляд на него (Наполеона. — *А. М.*) как на «самонадеянное ничтожество» — взгляд Льва Толстого — воспринимается сегодня как нонсенс, зубокальство одного гения по адресу другого, хотя именно этому нонсенсу следовали большей частью советские (русские. — *А. М.*) историки и писатели.

*Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон.
(М: Высшая школа, 1994)*

Зимний лагерь карфагенян был целиком выстроен из дерева... <Римлянами> подожжены были ближайшие строения, сначала во

многих местах вспыхнули отдельные огни, затем они слились в один огненный поток, поглотивший все.

Тит Ливий, XXX, 3:8 и 6:5

О причинах начала в Москве пожаров 1812 года, в результате которых от *великого города*, подожженного с разных концов, мало что осталось, *бытует лишь три версии*: две принадлежат историкам и одна — Льву Толстому.

Одна версия, навязанная нам всем еще со школьной скамьи, — та, что Москву подожгли французы своими руками, *вопреки воле Наполеона* — якобы для того, чтобы привести русских в трепет, — настолько никому не доставляет ни малейшего эстетического удовольствия, что, естественно, упоминается скорее как курьез в истории мысли. При этом старательно закрывают глаза на тот факт, что Москва запылала с разных концов, когда французы только начали втягиваться в город.

Казалось бы, Великой армии логически нецелесообразно жечь собственные зимние квартиры, тем более что они разве что не ломались от золота, серебра, произведений искусства, мехов и съестного — то есть, того, что было якобы целью похода в Россию. Но с другой стороны, в событиях человеческой истории первичен не расчет, а отклонения психики, поэтому наполеоновцы, привыкшие тащиться от разрушения как такового, могли уничтожить город ради самого уничтожения. В конце-концов, наполеоновцы немецкой крови в сохранившихся после пожара дворцах гадили в тех же комнатах, где и спали; в поисках драгоценностей не стеснялись разрывать могилы; поджечь что-нибудь по сравнению с этим — просто пустяк.

Вторая версия, поддерживаемая преимущественно нерусскими историками, *находящимися на содержании правительств* своих стран, — что Москву сожгли сами русские. Французы, немцы и прочие народы, чьи порождения составляли Великую армию, в таком объяснении событий видят подтверждение веры в природную жестокость русских, защищаясь от которой, французские захватчики и вынуждены были не только в Россию вторгнуться, но и творить на ее территории все те зверства, которые и были совершенны. В концепции поджога Москвы самими русскими трудно не распознать дух гитлеровско-геббельсовской концепции Второй мировой войны — в бескрайние просторы России надо идти грабить и убивать, единственно защищаясь от особенной жестокости этих самых русских. Гады, одним словом, эти русские, гады и есть, самые главные на планете мерзавцы, даже собственную столицу спалить — вместе с немимоверными в ней богатствами! — им нипочем. И при этом своих раненых защитников в количестве 22,5 тысяч тоже!..

Поджог Москвы русскими патриотами — во главе с героем войны Ростопчиным — доказывают также тем, что, хотя золото и серебро на монетном дворе московские власти оставили, оставили даже 156 пушек и 75 тысяч ружей, которые все почему-то достались французам в целостности и сохранности, а вот ***весь пожарный инструмент вывезли.***

Эту концепцию поддерживают, стыдно сказать, и часть историков, видимо, в выгодных ситуациях причисляющие себя к русским — порой и фамилии у них тоже вполне русские. По их мнению, сожжение Москвы есть свидетельство величия русской души, дескать, святое чувство мщенья и любви к собствен-

ной земле настолько возвысило души русских чудо-богатырей, что они оставили все меркантильные соображения и, обливаясь слезами от жалости к прекрасному, с десяти концов подпалили по большей части построенную из дерева столицу. О двадцати двух с половиной тысячах сгоревших при этом русских раненых солдат (лежали разве что не в каждом доме, и поджигатели не могли об этом не знать), разумеется, каким-то образом чудо-богатыри забыли.

Третья и последняя из ныне вспоминаемых версий, принадлежащая Льву Толстому, известному в своей семье и среди власть предержащих сумасшедшему, — **статистически-вероятностная**. Действительно, всегда есть рассчитываемая математически вероятность того, что скопившаяся в любой печной трубе сажа вспыхнет именно сегодня, а не вчера, и тем, по невниманию хозяев, вызовет в доме пожар. При этом, разумеется, не имеет ровно никакого значения, кто положил в печь дрова — русский, немец, француз или китаец. Просто — *вероятность*. По Толстому, Москва «не могла не сгореть». Русские, существенно более добродушные, чем европейцы, в рамках этой концепции переставали быть патологическими разрушителями...

Автор очень уважает теорию вероятности, в особенности с тех времен, когда в одном из академических институтов занимался вопросами химической физики с применением математического аппарата вероятностных процессов; уважает настолько, что сам иной раз при разрешении бытовых вопросов вспоминает о своих познаниях, — поэтому опровергнуть Льва Николаевича, казалось бы, просто не имеет никакого *математического* права. Однако, гипотеза Льва Николаевича, которая вполне достоверно объяс-

нила бы сожжение Москвы от пожара, начавшегося в *одном* месте, никак не может объяснить, почему пожар начался *в десятке* мест и притом *сразу, в тот день, а точнее час, когда в ней появился Наполеон*.

К достоинствам образа мышления Льва Николаевича можно отнести то, что он смог вырваться из-под нажима концепции «русские как устроители империи зла», удовлетворяющей иерархически мыслящих функционеров любой национальности. Лев Николаевич, интуитивно чувствуя психологическую недостоверность концепции «*русской империи зла*», попытался переобъяснить «*странности*» в поведении Наполеона в России: странную его бездеятельность в Москве, его депрессию и странные вокруг него в этот период события. Одно это проявление неугодничества уже есть серьезнейший шаг к Истине.

Лев Николаевич и чувствовал, и понимал, что за событиями в Москве, в России, в мире и вообще во вселенной стоит нечто мощное, превосходящее человеческое разумение; происходит некое противостояние всепобеждающему началу, и происходящее в каждой точке пространства определяется именно этим противостоянием, а отнюдь не отсутствием в Москве «заливных труб» — пожарного инструмента.

Кстати, и этот аргумент «заливных труб» тех, кому нравится думать, что суть русского народа — вандализм, легко опровергается. Пожарное депо, очевидно, *единственная военизированная служба в городе, в которой количество лошадей превышало необходимое их число* для того, чтобы *за один раз* погрузить в штатные повозки *весь* числящийся под ответственностью брандмейстера инвентарь. Иными слова-

ми, у начальника над пожарными доставало лошадей не только вывезти (на всякий случай) казенное имущество, ему вверенное, но и личное тоже, а также имущество своих подчиненных. Подобных возможностей ни у монетного двора, ни у арсенала нет не только в наше время — не было и тогда — их имущество вывозили только сторонним, специально нанятым транспортом. Не удивительно, что в неразберихе бегства из Москвы начальникам золото и серебро не было на чем вывезти — даже для себя лично!

Из всех трех вышеприведенных гипотез (учитывая дух планеты, на которой Льва Николаевича причисляют к сумасшедшим, а жену его Софью Андреевну считают за идеал жены), естественно, не может не воцариться предположение о поджоге полной ранеными Москвы некими якобы русскими духовно-нравственными чудо-богатырями.

Да-да, во-первых, *русскими*, во-вторых, из них лучшими из лучших.

Однако, при ознакомлении с источниками (мемуарами) о пожаре Москвы невозможно не споткнуться о некоторые странности систематического характера — противоречащие гипотезе о нравственно озверевших русских. Прежде всего, никто при вступлении Наполеона не заметил русских *чудо-богатырей*. Обыкновенные русские (остались, например в Воспитательном доме, с маленькими детьми, старших пешком из города вывели) повально были заняты тушением пожаров, с чем им справиться не удалось, поскольку в тот день разыгралась такая буря, какой старожилы не помнили — и все это без капли дождя. Напротив, *все те несколько поджигателей, которых захватили с поличным, находились в после-*

дней степени опьянения. (Кстати, в войска Гитлера из десятков тысяч английских военнопленных перешли только человек тридцать — все сплошь опустившиеся алкаши.) Иначе говоря, поджигатели находились в особогипнабельном состоянии, то есть не могли не выполнять разрушительных *пожеланий* самого сильного в тот момент в Москве гипнотизера!!

Среди поджигателей был также отмечен и один *выживший из ума (!) слепой (!) старик (!)*. Как известно, этот тип, наравне с теми, кто находится в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, намного лучше зрячих и не утративших от интоксикаций разного рода критического мышления *чувствует, чего от него ожидает яркий некрофил — и исполняет ожидаемое.* (Кстати, подхалим и субвождь Ростопчин, подобно алкашам, должен был действительно *вдруг* захотеть сжечь город.)

«Странности» во все времена разрешались одним единственным способом — выявлением скрытого стержня происходящего — достоверным объяснением, иногда с привлечением прежде замалчиваемого материала.

В данном случае — достаточно вспомнить о событии известном, том самом, за которое корсиканца высмеивали и высмеивают на Руси так, что «самонадеянное ничтожество» в гробу, наверное, не просто переворачивается, но крутится волчком.

Разумеется, это — четырехчасовое ожидание Наполеона на Поклонной горе депутации бояр с ключами от города.

Наполеон так и говорил: «бояр».

Когда стало ясно, что делегации бояр не будет, наполеоновцы решили русским помочь и — благо от

тогдашней Москвы до Поклонной горы было рукой подать — сели на коней и отправились отлавливать лучших русских людей.

Выбирали будто по списку некрофилических профессий из «КАТАРСИСА». Депутацию составляли двенадцать «лучших русских людей» — купчики, чиновники, неясных занятий мещане и один утверждавший, что он дворянин, — все *пьяные*.

Наполеону, которому уже довелось убедиться, что русские умирают, но не сдаются, достаточно было одного взгляда на «лучших людей», чтобы вынести им диагноз.

«*Имбеци-илы*», — брезгливо сказал страждущий ключей от *великого города* — и отвернулся, чтобы ни разу более не посмотреть в их сторону.

«Имбецил» — это французское слово. Означает оно — «идиот». Диагноз неизлечимой болезни.

Наполеон знал, что *это* — не *русские*.

Он жаждал победы над *русскими*, а привели *своих*. («Вы все нуждаетесь в наркотике», — презрительно сказал Наполеон *своим* на о. Св. Елены.)

Итак, и изъявившие желание поклониться Наполеону, и те, которых задерживали при попытке поджечь Москву, и те, которые остались преданы вождю Наполеону вплоть до ссылки на остров, принадлежали к *одному психологическому типу! Это была пьянь!*

Таким свойственно выполнять пожелания вождя!

Но и те, и другие, и третьи менее всего были Наполеону интересны — одними лениво пользовался, к другим на Поклонной горе даже не подошел, а вот поджигателей приказал расстрелять.

(Расстрел или какой иной способ умерщвления вождем *наиболее преданных ему соратников* — сюжет в мировой истории весьма и весьма распространенный. Дело, разумеется, не в какой-то особенной глупости вождей. Просто сверхвожди — параноики и удержаться от панических мыслей о якобы готовящемся на них покушении не в состоянии; стоит же подобным мыслям появиться, как появляются и исполнители — парадоксально, но это наиболее преданные подхалимы. Так что, их уничтожение — способ продления вождем своего биологического существования. А в Москве — способ сохранить крышу над головой.)

Итак, огонь к деревянным строениям Москвы подносили, действительно, русские — по языку, в каком-то смысле по крови, но не по духу. Это была пьянь, подхалимы, торговцы, сволочь гипнабельная, наполеоновцы. И желание, *вдруг и одновременно* в них возникшее, было *не их* желанием!

Москва сторела потому, что всякий сверхвождь — раб собственного извращенного влияния на людей...

А узнать *свои* тайные мысли и подсознательные влечения он может лишь наблюдая за *вдруг* возникшими *одновременными* желаниями тех, кто его окружает.

Все это звенья одной цепи, цепи единого металла, сковывающей «странности» той эпохи воедино. Странности поведения адмирала Чичагова, странные приказы графа Ростопчина, странности поведения Александра I, систематические победы Наполеона в сражениях с превосходящим по численности противником, странные обстоятельства его смерти от множества ядов, когда исполнителями казни стали *свои*, и так далее... Точно так же и Москва была подожжена все

теми же *своими* — послушными тем галлюцинациям, которые властвовали над законченным невротиком Наполеоном.

Наполеон не мог войти в Москву, даже не защищаемую, — это да, но почему Наполеон, скучавший в ожидании бояр на Поклонной горе, *не мог не думать о том, что Москва непременно загорится — и притом с десяти концов?*

А вот почему.

Еще в 1805 году Наполеон во всеуслышанье заявил, что у полководцев есть свой возраст для завоеваний, что-де еще лет шесть, и его карьера полководца закончится.

Шестилетний срок истекал в 1811 году, соответственно, в кампании *1812 года*, наблюдая, как многократно уступающие по численности русские армии из сражения в сражение ускользали от разгрома — причем даже новобранцы (а Наполеон, замечая, что его старая гвардия лучше остальных его гостей *наступает*, видимо, веровал, что профессионалы лучше и *защищаются*), — Наполеон не мог не вообразить, что карьера его кончена. А раз кончена, то впереди только гибель и, возможно, плен и даже издевательства в виде показа в клетке — *с обнаженными-то сантиметровыми гениталиями!* (Не случайно впервые в жизни после боя под Малоярославцем Наполеон приказал доставить ему яд!) Параноику не мог не пригрезиться конец!

Обстоятельства его смерти легко предсказываются.

Поскольку Наполеон прекрасно осознавал, что его жизнь странным образом воспроизводит жизнь Ганнибала, — причем воспроизводит во всех подробностях и мельчайших деталях, — то, естественно, и за-

вершение карьеры должно было проходить в близких формах. А форма была та, что враги Ганнибала перед окончательным его разгромом лагерь карфагенян *сожгли* — вместе с войском. Немногих пытавшихся бежать прирезали. С Поклонной горы, разумеется, не видно, что Москва *выстроена из дерева*, но об этом Наполеон не мог не знать из описаний до безумия желанного им *великого города*.

Итак, надвигалась зима, и взору Наполеона открывались зимние квартиры его войска... Вот войска его входят...

Зимний лагерь карфагенян был целиком *выстроен из дерева*... <Римлянами> подожжены были ближайшие строения, сначала во многих местах вспыхнули отдельные огни, затем они слились в один огненный поток, поглотивший все.

(Тит Ливий, XXX, 3:8 и 6:5)

Охваченный ужасающей галлюцинацией Наполеон (его великолепную образную память отмечали все знавшие его) также не мог не вспомнить и идущее из средних веков о себе предсказание, в котором до сих пор исполнялось все. В этом предсказании среди прочего было сказано, что «враги сожгут огнем *великий город*» — и после этого начнется полный разгром и агония подвластной ему армии.

И Наполеон, въезжая в Москву, *очень ярко представлял себе*, как пьяные, похожие на свиней, русские имбецилы, образцы которых ему только что показали, сейчас повсюду высекают кресалом огонь у стен домов этого красивейшего города мира...

И Москва загорелась. Во многих местах... *Одновременно*... В тот момент, когда Наполеон к ней приблизился.

Это был тот самый случай, когда пророчество исполнилось в точности. Действительно, сожгли Москву *враги* Наполеона, — ведь отнюдь не руками французов подносился огонь к деревянным стенам оставленных хозяевами домов города. Это были враги — ведь Наполеон их за деньги не нанимал, а потом приказал расстрелять или повесить. Ведь нельзя же в пророчестве называть друзьями тех, кого расстреливаешь...

Наполеон, естественно, знал о себе больше, чем вещал перед сборищем обожавших его лакеев. Он мог и проговориться — но только перед человеком нейтральным. И он был прав, когда в пароксизме искренности он перед 14-летней девочкой на о. Св. Елены произнес те слова, которые если и приводят в биографиях Наполеона, то никак не комментируют:

— *Москву сжег я!*

Да, разумеется, патологический лгун Наполеон, продолжая на зрителях играть роль благодетеля человечества, говорил, что именно эти звери русские, сговорившись (а как иначе объяснить одновременность начала пожаров?), Москву и сожгли, и потому оправданы были все его, французского императора, злодеяния на территории России — не только расстрелы не сопротивлявшихся ему штатских, но и приказ о взрыве Кремля.

Убедительный голос самонадеянного ничтожества, трактующий и причины его в России поражения, и причины пожара, отдается эхом и двести лет спустя — но только среди тех, кто со стадом не порывает...

Москва, оказавшись накрытой некрополем Наполеона, не могла не сгореть — и этот *великий город*, о

котором так мечтал Наполеон, приоткрывшись на несколько часов во всей своей красоте, ускользнул, вознеся к небу вместе с дымом от горящих богатств...

А ведь знакомый, согласитесь, образ!

Этот образ выступает временами из забвения на всем протяжении человеческой истории...

Страниц человеческой истории, достойных поминовения, много.

Вспоминается Нерон, по приказу которого сразу с множества сторон был подожжен Рим. Прославившийся своим женоподобием омерзительный толстяк, любимец толпы, с башни дворца созерцал вознесение столицы прахом в небо — без этого уничтожения *великого города* жизнь Нерону казалась лишенной вкуса. А потом он, получив повод, под одобрительные вопли толпы казнил первохристиан и тоже наслаждался. Очевидно, оба поступка составляли единое целое некоего очень мощного невроза, настолько мощного, что его можно назвать *состоянием души*...

Вспоминается Ганнибал, целью всей жизни которого тоже было покорение *великого города*, он его безуспешно пытался уничтожить, странно вокруг него топчась и не решаясь подойти...

Сожжением *великого города* Карфагена любовался «дама» Сципион Младший и, изображая грусть, зная, что его слова войдут в историю (рядом стоял историк, бывший одновременно и одним из любовников), томно произнес:

— *Sic transit gloria mundi* («Так проходит земная слава...»).

Сципион тоже грустил, наблюдая вознесение *великого города*.

Зная психику людей, можно утверждать, что в боли наслаждались они все не столько происходя-

щим с буквальными городами, но неким одним... *великим городом*, который всплывал из невротического их подсознания...

И Нерон, и Наполеон, и Сципион Младший, и Пирр, и Ганнибал и многие другие *элементы* иерархий, умеющие утонченно подчиняться и подчинять, и даже писатели — популярные *в толпе!* — в произведениях которых лирический герой отправляется завоевывать своими силами некую столицу, *великий город*, который и оказывался в итоге попраным под его ногами... Мечта...

Это — мощь и сила невроза.

Назовем это условно «*неврозом великого города*».

Невроз этот из тех, которые приобретаются отнюдь не в несчастиях *собственной* жизни.

...не из прошлого, а — из будущего...

И это истинно так, ведь время, в определенном смысле, закольцовано — порукой тому видения *пророков*.

Во вселенной, в которой время таково, конец известен от начала.

А смерть и ее обстоятельства навевают и грусть, и злобу, и стремление избежать неминуемого.

Но не иссушить им огнем пожаров захлестывающие их души волны ужаса...

Перед Великим Городом, с которым они связывают свою гибель.

Кто перечитывает «Апокалипсис», уже догадался, о чем идет речь.

Глава пятнадцатая

СУДЬБА «ЖЕНЩИН» В НАПОЛЕОНОВСКОЙ ОРДЕ

Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить.

Мф. 10:28

Сверхвождю Наполеону помогали не только высшие чиновники российского государства и пьяницы. Активными пособниками *на первом этапе войны* 1812 года были *исполнители* наиболее массового образа жизни — крепостные крестьяне (отторгшие из своей среды *неугодников* в рекруты).

Исполнители на первом этапе войны с энтузиазмом брали в плен помещиков и охраняли имущество барских домов, чтобы оно в целостности и сохранности досталось наполеоновским мародерам, и даже встречали их хлебом-солью. Факт известный, хотя и не афишируемый.

Но это в селах и деревнях. А что происходило в городах?

Какие категории населения с наибольшей готовностью проявили свою стадную сущность при явлении сверхвождя?

В Москве из 247 тысяч тогдашнего населения осталось, по разным оценкам, от шести до пятнадцати тысяч (не считая 22,5 тысяч оставленных после Бородина раненых).

Это были:

— французы: модистки, актрисы-проститутки, гувернантки и гувернеры;

— немцы;

— евреи;

— купцы (как нам сообщают в освященных иерархией учебниках, якобы свято верившие Росточину и *потому* не вывезшие свой товар, и оставшиеся якобы *потому*, что решили этот свой товар сохранить);

— вырвавшиеся из тюрем преступники (и, видимо, их избежавшие заключения подельники);

— проститутки;

— разного звания пьянь;

— монашки.

Описание «проделок» этих отчетливо авторитарных категорий населения начнем с проституток. Если, как нам объясняют, купцы остались встречать французов *потому*, что вывезти товар заблаговременно *не догадались*, а полное отсутствие транспорта непосредственно перед вступлением наполеоновцев не давало возможности уйти в последний момент, то у проституток, как известно, «орудие производства» особых транспортных средств не требует. Они уйти могли.

Следовательно, причина, по которой проститутки остались в городе, психологического свойства. Их остаться *тянуло*. Это — первое.

Оплачиваемыми проститутками мечтают стать многие женщины, но далеко не у всякой получается довести «производительность труда» конвейера до уровня, обеспечивающего ей сытое существование. Конкуренция во все времена была огромна, и побеждали, разумеется, те, к которым активнее шла гипнабельная клиентура.

Далеко не всякому клиенту приятно предварительно *многословно объяснять*, когда она должна разыграть из себя «строгую» и «неприступную» герцо-

гиню, и уж только потом приступать к мероприятию с элементами биологического взаимоотношения полов; *гораздо увлекательней получать все это без предварительных вербальных наставлений.* Таким образом, профессиональное преимущество есть у тех категорий проституток, которые более чувствительны к диктующему некрополю заказчика (экстрасенсы); тех, которые при всей своей жестокости послушны; и тех, кто обладает достаточными гипнотическими способностями, чтобы заставить клиента расплатиться.

Рай для проститутки — это нашествие гипнабельных мужчин.

Лучше сразу целой армии! Великой армии! Армии под руководством великого вождя, рядом с которым гипнабельность обостряется неимоверно. Это — второе.

Вспоминая отступление этой Великой армии, то, как они справляли свои естественные надобности не раздеваясь (и может быть, ради цивилизованного оправдания этого и присоединились к сверхвождю?), лишний раз убеждаешься в справедливости фрейдовской классификации индивидов: именно такие и значимы для живущих по законам стаи валабиянок вообще и профессиональных проституток в особенности.

Стоит ли удивляться, что городские проститутки в покинутой населением Москве остались?

Но каков бы ни был механизм принятого ими решения, очевидно, что поступки уличных проституток в большей мере, чем валабиянок, определяются даже не приказами, а лишь пространственными перемещениями и просто желаниями вождя, а тем более сверхвождя.

При появлении наполеоновцев проститутки и близкие к ним по психологии «энтузиастки» были активны. И — счастливы. По-своему.

Они были активны и когда наполеоновцы Москву оставляли. Они уходили вслед за Наполеоном.

Уцелевшие очевидцы писали, что у каждого остававшегося Москву наполеоновского офицера была карета, в которой непременно сидела женщина. Нет, не пленница, а добровольная попутчица, «подруга сердца» (см. в кн.: *Верещагин В. В. Наполеон I в России*. Тверь: Агентство «Созвездие», 1993. С. 154). Из того, что уйти вместе с Кутузовым при хорошей погоде у них не было сил, а для ухода вслед за Наполеоном при испортившейся эти силы появились, следует, что поступки их диктовались вовсе не внешними обстоятельствами.

Женщины были не только у офицеров, но и у военных подразделений. Не отдельных солдат, а именно подразделений.

Подобно тому как во второй половине XIX века в Питере ценились проститутки преимущественно немецкого и прибалтийского происхождения, так в начале века ценились француженки. (Пьер на первом этапе своего развития, лет за несколько до 1812 года, помнится, ездил спать к француженкам, так называемым актрисам — они, действительно, кроме *основного своего занятия* еще и на сцене *представляли*.)

Естественно, что во время бегства и гибели Великой армии, из всех проституток страдания именно француженок вызывали особенно сильные эмоции у французских мемуаристов.

Эти мемуаристы поголовно исходили из той концепции (ложной), что эти, умеющие «представить» что угодно дамы, были... жертвами, а не счастливыми Великой армии добровольцами. Эта концепция, искажающая происходившее, несколько обесценивает мемуары, однако кое-что можно вычитать и между строк.

Невыразимо было жалко француженок, ушедших... из Москвы, рассчитывавших на полную безопасность среди нас. Большая часть [шла] пешком, в летних башмаках, одетые в легкие шелковые и люстриновые платья, в обрывки шуб или солдатских шинелей, снятых с трупов. Положение их должно было вызвать слезы у самого загорелого человека, если бы обстоятельства не задушили всех чувств.

(Labaume)

(*Верещагин В. В. Наполеон I в России. С. 77*)

Дешевая жалость есть одно из тех чувств, посредством которых некрофилы-«внутренники» ставят в зависимость исполнителей более низкого, чем они, ранга (подробнее об этом см. в кн. «КАТАРСИС»). Virtuозно владеют нанизыванием на крючок жалости не только профессиональные нищие, но и проститутки, — как не вспомнить их стандартные исповеди клиенту о том, как проклятая жизнь их, бедняжек, вынудила заниматься именно *этим*. То, что цитируемый Labaume в своих мемуарах столь дешево жалостлив к «несчастливым падшим» созданиям, показывает, что в Великой армии грабителей и убийц он оказался отнюдь не случайно.

Послушаем, что Labaume (одержимый культивируемым комплексом неполноценности, который позволял беспрестанно и безосновательно чувствовать вину перед *величественной Женщиной*, и, будучи некрофилом, романтизирующий и Наполеона, и самого себя, и всех своих движимых теми же чувствами попутчиков) говорит дальше про тех, кто такие вокруг себя события соорганизовывал целенаправленными усилиями:

Несчастливая П. все еще тащилась за нами и как рабыня разделяла наши беды и лишения.

История этой особы стоит того, чтобы рассказать о ней: заблудилась ли она или, по своей романтической натуре, напросилась на приключение, но ее нашли спрятавшуюся в подземелье Архангельского собора. Девушку привели к элегантному французскому генералу, который сначала взял ее под свое покровительство, а потом, прикинувшись влюбленным и обещавши жениться на ней, сделал ее своею любовницей. Она переносила все беды, лишения с истинным мужеством добродетели. Неся в себе уже залог любви, которую она считала естественною и законною, она гордилась тем, что будет матерью, и тем, что следует за своим мужем. Но тот, который всего наобещал ей, узнавши, что мы не остановимся в Смоленске, решился порвать связь, на которую никогда и не смотрел иначе, как на забаву. С черною душой, недоступным жалости сердцем, он объявил этому невинному существу под каким-то благовидным предлогом, что им необходимо расстаться. Бедняжка вскрикнула от отчаяния и

объявила, что, пожертвовавши семьей и именем тому, кого считала уже своим мужем, считала своим долгом идти за ним всюду, и что ни усталость, ни опасности не отвратят ее от решения следовать за любимым человеком.

Генерал, нимало не тронутый такою привязанностью, сухо объявил еще раз, что необходимо расстаться, так как, во-первых, по обстоятельствам оказывается невозможным держать женщин, во-вторых, он женат, почему ей лучше всего возвратиться в Москву, к жениху, который, вероятно, ее ожидает. При этих словах несчастное существо просто окаменело: бледная, еще более помертвелая, чем тогда, когда ее нашли между гробницами кремлевского собора, она долго не могла открыть рта; потом плакала, стонала и, подавленная горем, впала в беспамятство, которым предатель воспользовался не для того, чтобы избегнуть трогательного расставания, а просто для того, чтобы убежать от русских, крики которых уже доносились...

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 77–78)

Что и говорить, до «Ромео и Джульетты» нетрадиционно сексуально ориентированного Шекспира не хватает только мудрого монаха — атмосфера кладбища с узнаванием в живых уже мертвых вполне сформировалась. Впрочем, к обитателям монастырей мы еще обратимся...

В этом ужасном походе с каждым новым днем я говорила себе, что наверное не доживу до конца его, только не знала, какую смертью умру...

Когда останавливались на бивуаке, чтобы согреться и поесть, то садились обыкновенно на тела замерзших, на которых располагались так же удобно и бесцеремонно, как на софе...

Целый день было слышно: ах, Боже мой! У меня украли портмоне, у других — мешок, хлеб, лошадь, и это у всех — от генерала до солдата...

(г-жа Fusil)

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 76*)

Да, так уходила очередная волна цивилизаторов России, на поверку оказавшихся простыми ворами — знакомая картина! На разоренной старой смоленской дороге цивилизовывать (грабить) было некого — кроме своих...

Итак, среди женщин в пособничестве сверхжудю, причем пособничестве *бескорытном*, замечены были прежде всего проститутки и их *инверсированные аналоги* (о монашках чуть позже). А среди мужчин?

Среди горожан-мужчин резко повышенной в этом отношении активностью отличились купцы. Причем не только мелкие торгаши, но представители всех трех гильдий. Купцы первой гильдии, как известно, — это финансовые воротилы и притом весьма крупные: вступительный в гильдию ценз определялся суммой выплачиваемых ими одних только налогов — для первой гильдии он составлял сто тысяч рублей серебром в год — сумма (ремесленник, зарабатывавший в день один рубль, считался человеком обеспеченным) просто чудовищная...

Но к какой бы гильдии торговец ни относился, *психологическая* схема продаж на всех уровнях одна и та же.

Предположим, вам нужно спилить дерево, что, вообще говоря, проще всего сделать пилой — с соответствующим размером заточенных зубьев. Однако, вы, покупатель, инструментами не интересовались никогда, а у торговца, к которому вы пришли, пилы нет. Зато у него есть серп и молот. Если вам приглянулся, скажем, по эстетическим соображениям молот, то торгош никогда не скажет, что молот от дерева будет отскакивать, и валить дерево придется со многими усилиями, что серп хотя бы *режет*. Нет, он вам сообщит, что ваш выбор молота совершенно верен, прямо-таки гениален, что и он сам, когда нужно свалить дерево, всегда использует молот...

Когда с той же проблемой свалить дерево подойдет другой покупатель, и ему понравится серп, то и он услышит эмоциональную, со всей искренностью исполненную тираду о правильности выбора и о гениальности всякого, кто выбирает серпы.

Таким образом, профессиональные торговцы всегда пытаются сначала спровоцировать покупателя на высказывание, а затем *под него подстраиваются и седлают*, при этом врут — да не просто так, а с перевоплощением, иначе игра будет разгадана... А такие, пусть даже хорошо оплачиваемые действия даром для собственной психики не проходят. Засорение души ложью зримо при психокатарсисе (если еще не утрачена к нему способность), как следствие замусоренности наступает обессиливание, увеличивается гипнабельность — тут недалеко стать в Великой армии не рядовым, а офицером. Замусоренность, навык в перевоплощения под покупателя (а это — отказ от себя как потенциально суверенной личности) и формируют известную психику купца-проститутки. По-

сколько успешно раствориться можно только в клиенте-вожде, то для купца со временем носители некрофического начала становятся еще более значимы, чем прежде. Итак, у торговца, так же, как и у проститутки, некое иное психическое состояние души, чем у создателя-ремесленника или земледельца. Естественно, что в дни нашествия сверхваждя купцы оказываются при нем, обслуживая ряды Великой армии наряду с проститутками. Корыстные интересы здесь вторичны.

Торговать с несумевшими победить при Бородине и вошедшими в сожженную Москву наполеоновцами — французами, немцами, поляками и евреями — подмосковные крестьяне не желали. Выделились в этом отношении только *исполнители* села Останкино. Сразу на тридцати подводах их представители повезли наполеоновцам овес и муку. Нагруженные вином, сахаром, золотом и серебром благодетели человечества ощущали недостаток в продовольствии, простом и для здоровья полезном — поэтому все у останкинцев было немедленно куплено и обильно оплачено (благо еще в Париже цивилизатор Наполеон распорядился напечатать много фальшивых русских сторублевых ассигнаций). Расторопных сельских барышников (были такие села — торговые) отпустили назад и наказали непременно приезжать еще. Но едва подводы выехали за город, как на них напали наполеоновцы из других воинских частей, избили, ограбили, отняли даже лошадей, а самих крестьян возвратили в Москву и заставили работать. (Название выделившейся деревни — Останкино — упомянуто не случайно. Читатель! Запомни его, поскольку не только национальный характер есть некая насле-

дуемая данность, которая если и меняется, то медленно; то же самое касается и деревень — и это очень хорошо помнили наши предки! Запомнить же название села Останкино нужно для понимания некоторых странностей, случившихся полтора с лишним века спустя.)

Итак, купцы и проститутки — две категории людей особо авторитарного мышления, поэтому их поведение очень напоминало поведение высших должностных лиц государства при приближении к ним сверхвождя, и не важно, что враждебного государства. Этот результат, легко выводимый из *теории стаи*, подтверждается на материале событий в оставленной Москве и не только в ней. И на других оккупированных территориях России, и на других материках, и в рамках других цивилизаций получался похожий результат. Примеров — множество...

Профессии, которые всегда оказываются заняты яркими некрофилами (более других преданные принципу вождизма, или, что то же, — стайны) в «КАТАРСИСЕ» уже были перечислены. Это не только проститутки, уголовники, высшие администраторы (типа Ростопчина), профессиональные военные (типа Чичагова), но и жрецы национальных государственных религий — а они все равно зиждутся на принципе авторитаризма.

Мы встретили еврея, который рвал на себе бороду и пейсы при виде горевшей синагоги, которой он был раввином. Так как он болтал немного по-немецки, то мы поняли, что вместе со многими другими своими одноверцами он снес в храм все, что имел наиболее ценного. Не могу

себе представить, что <этот> бедный еврей, среди таких бедствий, не утерпел, чтобы не спросить нас, нет ли у нас чего-нибудь для продажи или промена... Он принужден был, несмотря на все отвращение, поест с нами окорока... Стрелки, набравшие на монетном дворе слитков серебра, обещали ему променять их.

Когда мы вошли в самый еврейский квартал, оказалось, что в нем все выгорело дотла — приятель наш, при виде этого, вскрикнул и упал без чувств. Через минуту он открыл, однако, глаза, и мы, давши ему оправиться, стали спрашивать, чего он так испугался: он дал понять, что дом его сгорел, а с ним, вероятно, и вся семья...

(Bourgogne)

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 40–41*)

Еврейские национал-священники от других не отличались. О лютеранских священнослужителях говорить не будем, потому что их поведение можно объяснить тем, что четверть войска Наполеона были недавние союзники русских — немцы. Поговорим о русских.

Православный (а следовательно, наиболее благожелательно расположенный к единоверцам) художник В. В. Верещагин, многие годы отдавший изучению событий 1812 года, так описывает чувства и поведение монахинь:

Скромное имущество монахинь Алексеевского монастыря, спрятанное в кладовую, было разграблено; солдаты нарядились в монашеские ряски... Несколько человек поселились в келье игу-

меньи, где пировали двое суток и приглашали к себе молодых монахинь — одна добровольно пошла на позор, осталось известно и имя ее. «До смерти хотелось нам, немногим оставшимся молодым монашенкам, — рассказывает одна, — узнать, что там делается; мы все забились в одну комнату, отворили дверь и стали выходить помаленьку; а подбежала старуха-монахиня: „Куда, — говорит, — сейчас назад! Вы уж и рады на военных-то глазеть! срамницы этакие! Вишь как все раскраснелись! путные бы побледнели от страху...”»

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 42*)

И это пишет православный! А будь автор сторонний, он бы не преминул продолжить тему «добровольной отдачи на поругание», румянца заинтересованности и справедливо заметил бы, что увиденное свидетелями всегда есть лишь ничтожная доля от действительно происходившего по женским монастырям.

Это было в Алексеевском, а про то, что было в Рождественском женском монастыре, и пересказывать как-то неудобно...

Однако в системе государственного православия монашки были отнюдь не первопроходцами угодничанья перед элементами Великой армии, впереди, в полном соответствии с *теорией стаи*, шествовали лица, по понятиям православной иерархии намного более духовные.

Французы еще только пересекли границу России, и дальнейшее развитие событий было еще неочевидно, но Могилевское и Витебское высшее духовенство во главе с епископом Варлаамом не только

само принесло присягу на верность Наполеону, но и разослало через консисторию указ всем подчиненным им священникам принять ту же присягу и во всех церквях поминать вместо императора Александра — Наполеона.

Текст присяги сохранился (цит. по кн.: *Верещагин В. В. Указ. соч. С. 27*):

«Я, нижеподписавшийся, клянусь всемогущим Богом в том, что установленному правительству от его императорского величества французского императора и италийского короля Наполеона имею быть верным и все повеления его исполнять, и дабы исполнены были — стараться буду».

За архиереем, священник Добровольский и многие другие, отправляя литургию и молебны, вовсе не упоминали никого из фамилии Императорского Русского Дома, а молились о здравии французского императора и италийского короля великого Наполеона.

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 27)

Расследований дел по предательствам священнослужителей после изгнания Наполеона было великое множество, и до смены в России в конце XX века государственной религии на православие в архивах они были доступны...

Что касается поведения священников уже *в Москве* (к примеру, один из священников на потеху Наполеону, нарядившись в по чину ему не положенное одеяние, служил службу в Успенском соборе), то прежде всего надо помнить, что *желания* Наполеона после потрясшего его Бородинского сражения и исчезновения

на глазах Москвы существенно изменились, начался *второй этап* Русской кампании, *паранойяльный*, и священники (угодники из иерархии, *неугодников* лишали сана) на втором этапе сменили поведение, так же, как и крестьяне-исполнители (православный священник вынужден угодничать перед начальством не так часто, как чиновник на службе, купец в лавке и проститутка на панели — отсюда и поведение священников ближе к поведению крестьян).

Крестьяне («внешники»), хоть и *исполнители*, но раньше других категорий населения отвернулись от сверхвождя и начали служить уже его *паранойяльным* грезам, подпитывая естественную неприязнь к ворам, тем более *чужим*, и несовместимость с «внутренниками». Если до Бородина крестьяне-исполнители в массовом порядке помогали Наполеону, то к концу стояния Наполеона в Москве, напротив, развернули активное партизанское движение, сорганизовываясь в отряды в несколько тысяч человек (пример: пять тысяч под командованием крестьянина Герасима Курина собрались менее чем за неделю и уже на седьмой день после первой стычки пошли на штурм города Богородска — подробно об этом случае в одной из следующих глав).

И далее откалывались от Наполеона в следующем порядке: священники («внешники»), купцы («внутренники»), проститутки.

Факт массового сотрудничества национал-священников (разных религий равно) примечателен, в особенности если рассматривать его в контексте других нашествий сверхвождей на Россию. Во время Второй мировой войны сотрудничество православных священников с гитлеровцами также носило массовый

характер. Разумеется, удовлетворяющее вождей объяснение было придумано: дескать, священники были оскорблены советской властью, поэтому им по известному выражению «белого» генерала Краснова «хоть с чертом, но только против большевиков». Идейности и «духовности» русских православных священников можно только удивляться: гитлеровцы развлекаясь, заставляли русских и белорусских матерей собственными руками подбрасывать вверх младенцев, — и в детей стреляли, с тем только, чтобы удостовериться, что могут навскидку попадать в лет; в Белоруссии был уничтожен каждый четвертый житель, а священники, понимаете ли, не опускались до низменных плотских чувств этому противостоять, но служили своему высокому духу, который подсказывал молиться за Гитлера!

А как гнусно вели себя «духовные» при татаромонголах?! Говорить противно...

Так что не в оскорбленности попов большевиками было дело — а в свойствах души элементов иерархии.

Понятие «женщины» для Великой армии распространяется на несравненно большее число объектов, чем проститутки и актрисы. Все гораздо глубже, и особо гипнабельны не только, как повторяется с издевкой во множестве изданий, дети, женщины и дикари.

Анализ событий при нашествиях сверхвождей показывает, что к «женщинам» относятся и профессиональные военные, и торгаши, и преступники, и национал-священники. Вообще всякий элемент иерархии.

Глава шестнадцатая

СКОЛЬКО «ЖЕНЩИН» УБИВАЛО НАПОЛЕОНА НА О. СВ. ЕЛЕНЫ?

Я не хочу ее видеть; боюсь возбудиться. Я сердит на нее за то, что она не была моей любовницей. Хочу преподать ей урок.

Наполеон в ответ на переданное ему пожелание Фанни Бертран его видеть, в последний месяц своего биологического существования. Остров Св. Елены.

Ладно, пусть он проводит все время со шлюхами. Пусть он их имеет спереди, сзади, в рот и в уши. Но освободите меня от этого человека...

Наполеон о гофмаршале Бертроне и о его взаимоотношениях с женой, упомянутой Фанни Бертран. Последний месяц биологического существования Наполеона. Остров Св. Елены.

Но сначала накачайте наркотиками и этих каналов, да и себя тоже, — вы все нуждаетесь в этом.

Наполеон — Антомарки, в последний месяц своего биологического существования. Остров Св. Елены.

Суть взаимоотношений Наполеона с женщинами, если без смеха воспринимать множество коммерческих о нем изданий, была связана с использованием гениталий. Пишущие в расчете на бульвар (или, что то же самое, в расчете на одобрение вождя) авторы доказывают наличие половой активности Наполеона тем, что он в некоторых *женщин* влюблялся и в своей страстной любви объяснялся даже письменно. Хотя они,

психически суверенные, его отвергали. А Наполеон страдал — публично.

Но есть и другое объяснение, скажем, тех же психоаналитиков, которые не забывают, что Наполеон панически от женщин прятался — женобедренный Наполеон, подобно Гитлеру, *разыгрывал комедию* страданий; то, что объект его подчеркнуто романтической любви им пренебрегал, освобождало его от физиологических манипуляций, ассоциирующихся с супружескими взаимоотношениями. Знание особенностей строения гениталий и гормональной системы очередного великого полководца подкрепляет психологические наблюдения.

Вообще женщины в жизни сверхвождей должны играть *странную* роль — но не по причине *взаимодополнительности* своего пола, а по причине исполнимости женщин (их большей, по сравнению с мужчинами, гипнабельности; страстная любовь *асексуальна*).

Вообще, особенности частной жизни сверхвождей надо изучать по ним самим, а не переносить на них *все* приемы *исполнителей*, одна из функций которых — воспроизводить себе подобных и покрывать беспомощность вождей. Формируемые вокруг сверхвождя обстоятельства существенно отличаются от обстоятельств субвождя, а уж тем более *исполнителя*.

В жизни Наполеона присутствовали, естественно, все те же, что и у Гитлера, «ковровые» *странности*. С некоторыми, правда, вариациями. Например, на о. Св. Елены Наполеон жил практически на виду у всех, и «ковровые» удовольствия были попросту невозможны — системы внутрикомнатной канализации были еще не изобретены, и смыть следы «страсти» было технически сложно.

Но Наполеон приспособился. С Альбиной де Монтолон. (*Эту женщину на острове все считали любовницей (!) Наполеона*, и она родила-таки на острове своего третьего ребенка, правда, как две капли воды похожего на ее последнего супруга.) Принимал ее немужчина Наполеон во время ванны — с голым задом и куском мыла в руках. То, что Альбина требовалась не для интеллектуального общения, следует из того, что мужа Альбины де Монтолон, если он появлялся в бараке ссыльного императора, беззастенчиво выпроваживали.

Поскольку суть «ковровых» взаимоотношений сверхвождей с «женщинами» мы уже рассмотрели в «КАТАРСИСЕ» на примере Гитлера, то далее погружаться в жизнь по-своему изобретательного Наполеона не будем.

Рассмотрим не менее полезную для осмысления закономерностей существования стаи — полезную для *неугодников* — область быта сверхвождя. Обстоятельства странной смерти Наполеона, а главное — ее психологический механизм.

Сверхвождь в паранойяльной фазе должен умереть от рук «женщины» вообще и, наиболее вероятно, от действий буквальной женщины.

Да, есть основание утверждать, что в убийстве Наполеона свою роль сыграла именно «женщина» — или «женщины».

Наполеон умер от яда — это доказали с помощью современных криминалистических (спектральных) методов не так давно, спустя полтора года после смерти императора. Для понявшего *теорию стаи* смерть Наполеона именно от яда очевидна: только такого рода смерть в случае Наполеона единственно

психологически достоверна — ведь Ганнибал в изгнании тоже умер от яда!..

Убиение сверхвождей (величайших полководцев) именно женщинами в истории человечества вовсе не новость.

Имена величайших уже назывались, причем в последовательности, принятой в античности: Александр Македонский, Пирр, Ганнибал.

И о двух из них известно *достоверно*, что убиты они «женщинами».

Когда вспоминают о Пирре, то упоминают о его страшном лице, о том, что его взгляд парализовывал жертву, и Пирр без помех мечем рассекал ее надвое. Он всегда сражался в первом ряду своего войска. Во время штурма Аргоса одна из женщин, наблюдавшая за ходом сражения с крыши, взяла тяжелую черепицу и двумя руками швырнула ее вниз. Черепица попала Пирру в шею и, видимо, вызвала у непобедимого в единоборствах любителя расчленять противников смещение шейных позвонков. Он упал без сознания. Обычно при гибели сверхвождя стая впадает в состояние ступора, а потом и паники — поскольку перестает чувствовать над собой направляющее психоэнергетическое управление; а вот защищающиеся, наоборот, крепнут духом. Защитники Аргоса, воспользовавшись возникшей сумятицей, оттащили Пирра в преддверье какого-то дома. Ему уже собрались отрубить голову, но Пирр пришел в себя, и так «страшно взглянул на приготовившего меч»¹ своим гипнотизирующим взглядом (Пирр, среди прочего, занимался целительством), что у аргянина опустились руки. Но на этот раз Пирру его гипнотические способности

¹ Плутарх. «Пирр».

вышли боком. Вместо того, чтобы отрубить голову, как водится, с одного удара, максимум с двух, защитник города не мог совладать с собой и рубил *бессильно*, попадая то в область рта, то в область подбородка, то по плечам. Но аргсянин рубил и рубил... Наконец, после многих болезненных для Пирра порезов, голову ему все-таки оттяпали.

Пирр был непревзойденным гипнотизером, и потому в единоборстве на мечях или в битве убит он быть не мог — у всякого опускались руки, и Пирр его сноровисто расчленил.

Убить Пирра мог или *неугодник*, или особо гипнотический *исполнитель*, ведомый паранойяльной галлюцинацией сверхвождя.

Вопреки ли воле Пирра состоялся этот удар черепицей?

Или оказавшийся на узких улочках города Пирр на мгновение представил, что сверху на него могут сбросить что-нибудь тяжелое?.. Действительно, не представить такое воин, оказавшись под угрозой нападения сверху, просто не мог... За что и поплатился.

Воспеваемого веками Александра Македонского перед смертью, как известно, била лихорадка, но умер он на самом деле от перепоя. (Организм его и без алкогольных возлияний был ослаблен травмами тела мировоззрения, лихорадка поэтому становилась тройне опасна.)

Как пишет Плутарх, ни у кого в первое время после смерти Александра не возникло подозрения, что великий полководец (естественно, гомосексуалист) мог быть отравлен — все так и думали: *«проклятая лихорадка»*. Ведь трясло же!

Однако через пять лет после смерти Александра его мать Олимпиада поверила доносу об отравлении и

многих казнила. Останки Йола, который к тому времени успел умереть, она приказала выбросить из могилы за то, что он будто бы подал Александру яд. Стало даже «известно», какой именно был использован яд. Им послужила «ледяная вода, которая по каплям, как роса, стекает с какой-то скалы близ Но-накриды; ее собирают и сливают в ослиное копыто. Ни в чем другом хранить эту жидкость нельзя, так как, будучи очень холодной и едкой, она разрушает любой сосуд».

За этот «яд» мать убийцы и отдала приказ убивать.

Справедливости ради нужно сказать, что в ту пору и ближайшие подчиненные Александра также занимались убийствами: под видом дележа власти друг с другом. При таком состоянии ума и души легко уверовать не только в ядовитость воды в копыте (в это не веровали даже многие современники Олимпиады), но и в ядовитость копыта в воде. К слову сказать, мать-убийцу, воспитавшую столь славного сына, тоже убили. Только чуть позже.

Однако Александр был действительно отравлен. Хотя и не водой из ослиного копыта.

Чтобы до конца разобраться в этом вопросе, необходимо вспомнить основные положения современной токсикологии. Дело в том, что ядом является абсолютно все. Вопрос только в количестве принимаемого внутрь вещества. Если принять 0,0001 грамма мышьяка, то смерть у человека не наступит. Однако если принять 0,2 грамма, то смерть наступит в течение 24 часов. То же самое касается и цианистого калия — сильнейшего яда: от одной молекулы этого вещества смерть не наступает. Однако попробуйте принять один маленький кристаллик!..

Поваренная соль, столь привычная нам приправа, в кулинарии необходима и считается безвредной. Однако попробуйте съесть ее два килограмма разом — смерть наступит немедленно. Следовательно, и соль — яд. Но *в определенном количестве*.

Вода и та убивает, если ее выпивают более трех ведер зараз.

Алкоголь — не исключение. Как известно, даже столовая ложка вина резко снижает скорость реакции и *необратимо* разрушает клетки головного мозга. Есть, очевидно, и безвредные количества вина, скажем, одна капля или несколько молекул. Но в таких количествах вино не пьют. Следовательно, всякий собутыльник, который вам подливает больше чем несколько капель, — ваш убийца. И не обольщайтесь надеждой, что разыгрывающий из себя друга об этом не *знает*. Знает. И логически, и на подсознательном (ассоциативно-образном) уровне.

В античности были женщины, которых люди со здоровой психикой чурались, а элементы военных и административных иерархий очень ценили. Это — гетеры, которые, по сути, *зарабатывали тем, что травили гостей своего нанимателя* (повышая уровень их гипнабельности). Разумеется, если у нанимателя доставало денег, то делали они это в предельно изящной и даже возбуждающе-состязательной форме: инкрустированные кубки, истеричные взвизгивания размалеванных женщин, состязания — кто сможет осушить больший кубок и вообще *перепить* всех присутствующих. Кто не знает, что «раскрутить» попойку удастся лучше женщине, а не мужчине?! Кому как не гетерам (проституткам, валабиянкам) и в наши дни удастся доказать, что способность перепить окружающих есть одно из основных качеств «настоящего мужчины»?

Александра Македонского, — который долго сожительствовал с юношей Гефестионом, а после его смерти (как утверждают, Александр устроил ему роскошнейшие в том столетии похороны) стал сожительствовать с евнухом Багоасом, который достался ему из-под царя Дария, — как и прочих подобных *тоже тянуло в настоящие мужчины*. И Александр в этом преуспевал: участвовал в состязаниях и пил неразбавленное вино¹ до тех пор, *пока не падал навзничь*, а кубок — на него.

Именно для организации пьянок Александру и были нужны женщины. А иначе зачем они еще «настоящему мужчине»?

Иными словами, Александра отравила женщина — и спровоцировал ее он сам. Или несколько «женщин» — против воли Александра Македонского спавать его, естественно, не смогли бы. Это в случае с рядовыми *исполнителями* «гетеры» перестают вешаться на шею тогда, когда выведут свою жертву на финишную прямую.

Словом, в случае с Александром Македонским все даже отчетливее, чем в случае с Пирром.

Единственный верный инструмент познания событий прошлого — распознавание современных аналогов давно прошедших событий: ведь тысячелетия идут, одна цивилизация сменяет другую, но сущность людей, совместимых с иерархиями, не меняется. Не меняются ни закономерные их знакомства, ни пред-

¹ Древние греки и римляне обычно пили вино, смешанное с водой. Разбавляли вино следующим образом: на 3 части воды 1 часть вина, или на 5 частей воды 2 части вина. Смесь, состоявшая из равных частей воды и вина, считалась очень крепкой и употреблялась только пьяницами.

почтения, ни скрываемый смысл совместного времяпрепровождения.

Ганнибал от остальных двоих «великих полководцев» (Александр, Пирр) античности и сверхвождей современности типа Гитлера (полезно познакомиться по воспоминаниям Альберта Шпеера с тем, как Ева Браун провоцировала Гитлера на самоубийство) и Наполеона ничем не отличался — ни главной «эrogenной» зоной, ни, как следствие, равнодушием и даже любовью к ядам, уничтожающим половые клетки и способность к критическому мышлению. Ни клеток, ни мышления, как выясняется, у этих знаменитых невротиков и в помине не было.

Подробности самоубийства Ганнибала (в какой форме его мучил паранойяльный бред, кто был советчиком, какого пола была рядом с ним «женщина», — история не сохранила, однако ясно, что в ситуации, в которой он избрал добровольную смерть, какое-то окружение было. И маловероятно, чтобы в нем был хотя бы один *неугодник* — таковых ни суб-, ни сверхвожди на дух не переносят.

Можно предположить, что и Наполеон был тоже убит «женщиной»; а поскольку Ганнибал был отравлен, то и Наполеон, следовательно, должен был быть отравлен.

Так и произошло!

Тайну гибели Наполеона человеческий идиотизм охранял и охраняет очень цепко. Вскрытие умершего в страшных мучениях Наполеона проводили семеро врачей (шестеро англичан и один корсиканец), и *ни один из них* не констатировал того, что смерть Наполеона наступила от рака. Они отметили, что на стенках желудка есть затвердения, которые, *возможно, могли бы* в будущем перейти в злокачественную

опухоль. «*Могли бы*» — это еще не рак и, тем более, не смерть от рака.

Тем не менее, полтора столетия повсеместно распространяется легенда, что первый консул Франции умер не от чего-нибудь, а от рака.

Эта версия была принята в англоязычном мире.

Принята в противовес уверениям французских профессиональных историков, включая и академиков, что Наполеон был *отравлен ртутью* — англичанами. Эта уверенность основывалась на убежденности, что англичане — это мразь, подлая нация лавочников, способная на любой бабский поступок, например, отравление. Раз охраняли англичане, следовательно, они и отравили. Ведь не зарезали же!

Уверенность англичан в версии о смерти от рака основывалась на противоположной уверенности: той, что англичанам — истинному венцу творения — травить побежденное французское чудовище смешно, верить в отравление ртутью могут только идиоты (ведь вскрытие не показало признаков отравления *ртутью* — хотя хлористой ртути в качестве слабительного англичане дали Наполеону десятикратную по сравнению с обычной дозу, но для отравления этого было недостаточно), следовательно (по «английской» логике), Наполеон умер от рака.

Несколько продвинуться в выяснении истинной причины смерти стало возможным только во второй половине XX столетия с развитием спектральных методов химического анализа. В сохранившихся волосах покойного (а в начале XIX века было модно сохранять пряди любимых — и прядей, выпрошенных у Наполеона, сохранилось превеликое множество) было обнаружено аномально большое количество распространяющегося и доступного на острове Святой

Елены яда — мышьяка. (Мышьяком пытались травить многочисленных в бараке Наполеона крыс, но вонь от крысиных трупов была из-под пола настолько непереносимой, что Наполеон предпочел о крыс — живых! — спотыкаться, чем догадываться об их разлагающихся трупах, — вот мышьяк и остался неиспользованным.)

Спектральный анализ волос Наполеона на содержание мышьяка проводился сегментарно: волосы резали на кусочки длиной в один сантиметр и анализировали каждый кусочек отдельно. Из одного только этого анализа стало ясно, что *Наполеона медленно травили небольшими несмертельными дозами* — и так на протяжении почти всего его пребывания на острове. Это была мучительная многолетняя агония. На глазах у многих агонизировал любитель порасматривать умирающих на поле сражений. Шесть лет его как бы поджаривали на адской сковородке — изнутри.

Впоследствии, по мере того как удавалось найти все большее и большее число прядей волос Наполеона, сбритых *в разное время* (а на конвертиках люди записывали, в какой именно день их одаривали бесценной реликвией), оказалось, что в его сбритых на следующий день после смерти волосах у самых корней было выявлено аномально большое содержание *сурьмы* — тоже яда, в достаточных количествах смертельного.

По мере углубления в вопрос о возможных способах отравления властителя Европы и почти что мира выяснилось, что Наполеон *самолично искал горький миндаль*¹, чтобы добавить в напиток оршад. И сам

¹ Горький миндаль содержит цианиды — соли синильной кислоты (одним из цианидов является цианистый калий).

оршад, и горький миндаль сами по себе *в отдельности* в традиционных количествах безвредны, но *в определенной пропорции* — смертельный яд.

Не странно ли это самоотравление?

Не очень.

В конце концов Наполеон однажды пытался отравиться — опиумом. Скълянкой с этим классическим напитком Наполеон обзавелся в России, после того, как его чуть было не взяли в плен казаки. С тех пор Наполеон со склянкой не расставался. И воспользовался — спустя полтора года, когда стало ясно, что путь его — на остров Эльбу. Однако не умер: опиум за это время успел выдохнуться.

Странным при рассмотрении возможностей отравления Наполеона показалось также и то, что непосредственно перед его смертью три английских врача — Шортт, Митчелл и Арнотт — на консилиуме решили дать Наполеону слабительного — десять кристаллов хлористой ртути (и это при обычной-то дозе в 1–2 кристалла, да и то в несколько приемов!). Количество, хотя и ломовое, для здоровья далеко не полезное, однако для здорового организма не смертельное. *Само по себе.*

Странно — как много ядов! Ртуть, мышьяк, сурьма, комбинация оршада с горьким миндалем! А может и еще что-нибудь органического происхождения, что в волосы не переходит?!

Если это обилие ядов — результат сговора, то очень уж странный сговор, слишком уж много типов яда и участников. Так не бывает. При *сговорах*. При *вербальных* соглашениях.

Для более полного осознания всей странности процесса отравления сразу отметим, что количество

мышьяка по длине волос не было постоянным, *никогда не опускаясь, однако, до нормального уровня*. Отсюда исследователями был сделан вывод — на наш взгляд правильный: мышьяк поступал в организм *комбинированным* способом — постоянно (скажем, с вином), а также эпизодически, однократными дозами. (Один участник? Или двое? Или более двух?)

До сих пор считается, что злодей-отравитель мог быть только один. В самом деле, разве не горячо любящие «суверенные» души откликнулись на беду любимого императора и отправились с ним в ссылку скрасить его одиночество?!

Вопрос внутри суверенитизма следующий: кто же мог все это количество одного только мышьяка в течение столь долгих лет подсыпать мучающемуся болями опальному некрофилу?

На острове жили четыре тысячи местных жителей; еще около трех тысяч английских солдат охраняли Наполеона от соблазна бежать; и около пятидесяти человек составляли свиту Наполеона. Жили все эти люди следующим образом:

— полсотни человек, добровольно изъявивших согласие сопровождать Наполеона в изгнание, жили в глубине острова, образуя обособленную колонию;

— охрана жила в казармах, и сторожевые посты располагались в виде нескольких колец оцепления. Солдаты и офицеры оцепления не имели права разговаривать с Наполеоном — чтобы не впасть в прелесть гипнотической от него зависимости, реальность и последствия подобной зависимости английские власти учитывали, и совершенно правильно, — и только очередной дежурный офицер дважды в день, приблизившись к колонии, должен был визуально убедиться, что

император не сбежал. В обязанности командующего офицерами губернатора входило: следить за обороной острова, а также за персоналом, не только за офицерами, но даже за англичанами-врачами. К примеру, когда губернатор заметил, что доктор О'Меара слишком сильно привязался к Наполеону, то выполнил свой долг — и врача с острова удалил. Сам губернатор, опасаясь, видимо, за целостность своей психики, в колонии был редким гостем.

Таким образом, непрерывный контакт с Наполеоном (а следовательно, и *возможность подсыпать ему яд*) *был только у самих обитателей колонии!!*

В непосредственном окружении Наполеона были люди разных национальностей: французы, итальянцы и одна полуангличанка (Фанни Бертран, жена наполеоновского гофмаршала). Действуя методом отбора, швед Бен Вейдер (автор и исполнитель идеи спектрального анализа волос Наполеона) в содружестве с американцами, как им показалось, чисто логически пришли к выводу, что злодеем-отравителем мог быть только француз (в книге Бена Вейдера и Дэвида Хэпгуда «*Кто убил Наполеона?*»).

Эта эмоциональная ненависть шведов и американцев к французам понятна: шведы к французам испытывают застарелую зависть, потому что любая шведка почтет за счастье изменить своему мужу или жениху именно с французом, вот шведам про французов и *понятно*: мразь они; а американцы не могут простить французам, что они единственная в наше время в Западной Европе нация, которая если и не противостоит вторжению американской поп-культуры, то хотя бы это сопротивление имитирует. (Ничего

не поделаешь, чтобы понимать причинно-следственные связи появления тех или иных мнений, приходится доходить до таких тонкостей, как национальная принадлежность автора гипотезы. Еще раз напомним: нация — это стая, сформировавшаяся на основе общности унаследованного от ее вождя-прародителя невроза — или комплекса неврозов. Поэтому теории, выдвигаемые стайными «идеологами» — «учеными», «адвокатами» и т. п. — так или иначе не свободны от влияния того невроза, что присущ именно той стае, к которой принадлежит «идеолог». Вырваться из-под влияния глубинных «национальных» неврозов могут только *неугодники*, движущиеся в своем развитии к *курьерам*, — но таковых среди ученых можно пересчитать по пальцам, да и взгляды их, естественно, не популярны в «обществе».)

Французы, надо сказать, на появление шведско-североамериканской теории в долгу не остались: они печатно стали утверждать, что мышьяк в срезанные при жизни Наполеона волосы попал в могиле, а потом, когда такое объяснение высмеяли, то *поняли*, что мышьяк впитался волосами непосредственно из оконных занавесок в барак Наполеона. А то, что жившие рядом с Наполеоном ничего из занавесок волосами не впитали, объясняли просто: у гения все особенное, даже волосы, все-таки он национальный герой, и притом французский. Англичане тоже разным прочим шведам не поддались и спустя десятилетия после опубликования результатов спектрального анализа многочисленных сохранившихся прядей волос императора, из которых неопровержимо следует, что Наполеона отравили, продолжают снимать фильмы, в которых Наполеон на Св. Елене умирает от рака. Все пра-

вильно: если умер «естественно», то англичане — мудрые охранники, сделавшие все для сохранения жизни доверившегося им пленника. (Наполеон после разгрома под Ватерлоо бежал, чтобы сдаться именно англичанам, что естественно — «внутренник» к «внутренникам».)

А как выглядят события на о. Св. Елены с точки зрения *теории стаи*?

А с точки зрения *теории стаи* шведско-североамериканская точка зрения такая же чушь, как и французская с английской.

Несмотря на кажущуюся *противоположность* приведенных трех гипотез, все они объединены общей отправной точкой — что вокруг Наполеона на затеряншемся в океане острове (до ближайшего вождя тысячи километров) собрались психически суверенные личности, которые действуют исключительно по логическим соображениям, — философы, одним словом. Все, включая и лакеев. Конечно, от эмоций и пороков не свободные, но — свободные волей.

Но лакеи, женщины, военные и так далее психически отнюдь не суверенны.

К тому же на острове жил сильнейший гипнотизер XIX столетия, причем, по старой памяти, особенно значимый для общины в полсотни наполеоновцев, ведь все они «добровольно» отправились с ним в изгнание.

И преданные делают все, что повелитель хочет — и убивают тоже.

Очень внятно это высказал Сенека. Он считался премьер-министром императора Нерона, но пока тот первые пять лет своего императорства был погружен в пьянство и актерствование перед толпой (чтение

стихов в цирке, игра на лире), Сенека был единовластным правителем империи, империи большей, чем у Наполеона в лучшие его годы. Так вот, Сенека в одном из писем Луцилию написал, что для того, чтобы друг стал тем или иным, достаточно его таким *представить*. Иными словами, чтобы приятный властителю «друг» стал ластиться и льстить обладателю сильных гипнотических способностей, это надо *представить*.

Но весь ужас собственного существования для вождя заключается в том, что если он *представит* (пусть даже в кошмаре или навязчивой галлюцинации), что «друг» выхватывает кинжал и погружает его в тело гипнотизера — то «друг» именно так и поступит!

Нечто похожее происходит даже в жизни кумиров не столь значительных, как политические вожди наций. Классическим в психологической науке примером стало убийство музыканта Джона Леннона. Его убийца был предан своей жертве всецело. Он старался быть на него похожим во всем: приобретал все записи его песен и, подражая, занимался рок-музыкой. Вместо своего имени на рабочей спецовке он написал имя кумира. Он даже, подобно Джону Леннону, выбравшему себе в жены экзотичную для Англии японку (с брезгливым, разумеется, изгибом губ), тоже женился на японке. Словом, *джонни-исполнитель*. Каких было много на каждом выступлении Джона Леннона и от которых он был вынужден нанимать охранников — кумиру мерещилось, что в порыве страсти его растерзают. И вот один из джонни, *оставаясь преданным своему кумиру*, подстерегает его, вытас-

кивает пистолет и всаживает в Большого Джонни несколько пуль.

Таких убийств, как утверждают ведущие статистику психоаналитики, совершается великое множество. **Вожди — жертвы самих себя, собственных желаний — любого рода.**

Пирр, как опытный военный, знал, что опасность рукопашного боя на узких улицах осажденного города заключается *для него* не в том, что могут зарезать, а в том, что сверху что-то может упасть. Возможно, картина чьих-то рук, берущих тяжелую черепицу, в его сознании мелькнула только на мгновение... Но этого при его гипнотических сверхспособностях оказалось вполне достаточно.

Заинтересовавшийся истинной причиной смерти Наполеона швед докопался до прежде не известной тайны — того, что Наполеона, любителя объезжать поля сражения, когда оттуда уйдут оставшиеся в живых, не просто отравили, но для этого применили *несколько ядов!*

Однако в осмыслении этого факта представитель шведской субстай пошел по проторенному детективным чтивом пути. Стал вычислять *одного* исполнителя, ибо сговор был невозможен в среде людей, готовых в любой момент донести на своего ближнего (а при вождях всегда собираются фискалы, ненавидящие друг друга).

Одного стали искать методом отбора. Из числа подозреваемых были исключены, прежде всего, те, кто был при императоре *не весь срок* его ссылки — ведь Наполеона травили *весь срок* его пребывания на Св. Елене. Таких было несколько: одни уехали раньше

смерти властелина, другие — прибыли в середине ссылки.

Мышьяк подсыпали еще и периодически — в волосах были выявлены участки особо значительных его концентраций, — очевидно, во время еды: из оставшихся подозреваемых были исключены те, кто вообще не имел доступа к столу Наполеона. Это не мог быть, скажем, повар, потому что за столом прислуживали особые лакеи, и если бы повар подсыпал отраву в общее блюдо еще на кухне, то за столом травились бы все.

Кроме того, убийца должен был иметь доступ к винному погребу — постоянный фон мышьяка на всем протяжении волос говорил о постоянном его приеме, что возможно было только при приеме вместе с наилучшим на острове вином, которым Наполеон со своим стадом не делился — пил у них на глазах один.

После всех подобного рода исключений остались только два человека, удовлетворявших концепции *одного* убийцы:

— Луи Маршан, первый, наипреданнейший слуга Наполеона, и

— офицер граф Шарль-Тристан де Монтолон.

Кто из двоих? По шведско-американскому мышлению, двух мнений быть не может. Это не мог быть Маршан, поскольку он обязан Наполеону всем: богатством, положением, — следовательно, преданность его осмысленна. Кроме того, Маршан выходец с Корсики, земляк.

А вот граф Шарль-Тристан де Монтолон:

— выходец из дореволюционной аристократии, Наполеоном благодетельствован не был;

— участвовать в бойне — извините, в эпохальных сражениях за демократию — не стремился и не участвовал, к толпам, орущим «Да здравствует император!!!» не присоединился, следовательно, не такой как все, недемократ, дрянной человек;

— ценностью для графа была не грязь походов Великой армии за золотом, а комфорт: промотал два состояния — то, которое было у него до встречи с Наполеоном, и второе — полученное по завещанию Наполеона после его смерти;

— и еще жена, как все полагали, — любовница Наполеона, т. е. были основания для мести;

— начитан, почти интеллигент — у, гад!

Таким образом, по шведско-американскому мышлению граф Шарль-Тристан де Монтолон и является тем самым злодеем, который твердой рукой и с хладным челом на протяжении шести лет изуверски, по чуть-чуть травил национального героя Франции. Почему? Оказывается, потому, что выполнял волю удаленного на тысячи километров трусливого и мало способного к власти некоего д'Артуа, возглавлявшего в ту пору политическую оппозицию Наполеону.

Продолжать не хочется. Все тот же «суверенизм», в соответствии с которым из занавески впитывать *нелетучий* мышьяк волосами оказался способен один только Наполеон.

Граф Шарль-Тристан де Монтолон травить Наполеона, конечно, возможность имел. Только от д'Артуа он не зависел, да и убивать, в отличие от остальных присутствующих, не рвался. Гипнабельностью не страдал.

Истина, однако, в том, что Наполеона *страстно любила* вся колония, и потому не один, а несколько наиболее преданных людей подсыпали ему яд.

Возможно, *рационализируя* это тем, что приучают его к ядам, чтобы в случае попытки отравления спасти повелителю жизнь. *Ведь все они, обнаруживая в себе желание отравить благодетеля, подозревали в этом других!*

Естественно, гипнабелен был корсиканский лакей Луи Маршан.

Врачи тоже в большей, чем простое население, мере некрофиличны и потому гипнабельны — и они, получив доступ к Наполеону, сразу же прописали подозревавшему их в отравлении Наполеону лошадиную, лучше сказать, слоновью, дозу слабительного.

Наполеон постоянного галлюцинировал покушениями на отравление — разнообразно. И действительно, получал от *всего* своего окружения то, что каждый из них мог добыть: слуги — яд для крыс, врачи — лошадиные дозы слабительного, а другие — что-нибудь поизящнее, типа сурьмы, входившей в состав дамской косметики. Сам же Наполеон в оршад добавлял горький миндаль.

Наполеона отравили «женщины».

Итак, на остров Св. Елены прибыли полсотни людей, их тянуло (как к наркотику) к их кумиру, хоть и стареющему, но величайшему гипнотизеру столетия. Естественно, что их чувства могли быть детерминированы только одним — его желаниями.

Глава восемнадцатая
**ТАК СДАЮТСЯ РУССКИЕ
ИЛИ НЕ СДАЮТСЯ?!
БАРАНЫ ОНИ ИЛИ НЕУГОДНИКИ?**

О сущности русских есть два диаметрально противоположных мнения.

Мнение первое (как за пределами России так и внутри нее): утверждается, что русские — стадо баранов, которые без сильной руки командиров сдаются толпами. При этом ссылаются на то, что:

— в сорок первом году в плену оказалось 3,8 миллиона «комсомольцев» (и это не считая тех сотен тысяч, если не миллионов сдавшихся, которых в спешке, чтобы не замедлять наступления, пристреливали сразу);

— примерно 800 тысяч русских перешли служить в вермахт (выше уже было упомянуто, что из десятков, если не сотен тысяч плененных гитлеровцами англичан на службу в вермахт перешло только около тридцати человек — все сплошь опустившиеся алкоголики, да еще один лорд);

— русские по приказу Сталина были водимы русскими же командирами в массовые атаки на немецкие пулеметы и бессмысленно гибли — только бараны могли так поступать с подчиненными и допускать, чтобы так поступали с ними.

То, что еще недавно, в XIX веке, русские солдаты были символом стойкости, что во всем мире стойкость именно русского солдата была притчей во языцех, что нежелание русских солдат сдаваться в плен было одним из сильнейших потрясений Наполеона в

России, объясняют все ускоряющейся деградацией русского народа, а это установленное направление эволюции народа и доказывает, что он создал мировую империю зла. Гитлеровцев же просто задавили массой — статистика неумолима: на 6 погибших русских солдат — лишь 1 гитлеровец.

Мнение второе (исключительно внутри России): утверждается, что русские есть начало светлое. Мнение же первое опровергается тем, что:

— миллионы пленных сталинцев — следствие *внезапности* нападения (а все потому, что Сталин не верил в нападение — то бишь, просто *ошибся*);

— офицеры очень часто были дурачками (так расцениваются их приказы, в результате которых погибло много солдат);

— из 800 тысяч перешедших на службу Гитлеру так называемых «русских» одних только грузин было около 100 тысяч, а ведь еще были осетины, азербайджанцы, армяне, ингуши, чеченцы — словом, одних кавказцев почти половина. Донские и кубанские казаки и вовсе перешли на сторону Гитлера почти поголовно — десятки тысяч бойцов; с готовностью сдавались и азиаты разных национальностей; а из украинцев формировались целые дивизии (каждая дивизия — 20 тысяч человек) — сколько же остается *русских* из этих 800 тысяч? Это надо по какой-то причине очень ненавидеть именно русских, чтобы утверждать то, что утверждают *идеологи* многих народов. Также указывается на то, что в Брестской крепости в самом начале войны, когда еще ничего не было понятно, сдались все, даже белорусы, и *только считающие себя этническими русскими* в полном окружении вели бои еще месяц. А что до массовых

сдач в плен «комсомольцев» — так это потому, что они не хотели сражаться за социализм, режим, который поругал веру православную — ведь, дескать, пока была вера, русский солдат изумлял чудесами стойкости...

Что касается веры православной, так это чистой воды вранье — православное воинство от наступающих японцев бегало *полками* еще в 1904 году во время русско-японской войны. Журналисты, угождающие вождям, угождающие не прямо, а мороча головы толпе *исполнителей*, равно как и госпрофессура свалили весь этот позор, какого земля русская двести лет не знала, на генералитет — ошибались-де эти бездари. Но генералитет был от окопов далеко, связь в 1904-м была слаба, — генералы никак влиять на происходившее не могли; а вот вера православная в солдатах была крепка, о разложивших через 13 лет (в 1917-м) фронт коммунистах никто ничего не слышал, за исключением разве высоколобых эрудитов, которые к этой тогда еще еврейской секте не могли относиться серьезно из-за ее малочисленности (что есть следствие отсутствия поддержки народом).

Бегство полков определялось не «ошибками» генералитета.

Нигде не анализируется, что к 1904 году, в отличие от года 1812-го изменился социально-психологический состав российской армии.

А он изменился — существеннейшим образом.

Население можно разделить на *исполнителей* (угодников) и *неугодников*.

Войско из *неугодников* будет вести себя совершенно иначе, чем войско из угодников. В частности,

неугодники не будут бегать. А угодники выполняют волю мирового сверхваждя, а если такового в данную эпоху нет, то волю вождя в данной местности — могут дружно наступать, могут остолбенеть или побежать от привидевшейся им японской кавалерии (эти случаи всеобщего помешательства описаны в мемуарах, а, надо сказать, у японцев кавалерии в 1904 году не было вообще).

В самом деле, в русско-японскую войну Россия вступила после военной реформы — ***воинская повинность стала всеобщей.***

А вот *до* реформы, к примеру, в 1812 году, армия была совсем иная — не этнически, но социально-психологически. В рекруты часто отправляли в наказание за отсутствие лакейских качеств — со всеми вытекающими отсюда последствиями для врагов России.

Разумеется, рекрутскую армию не стоит переоценивать — далеко не все были *неугодниками*. Отправляли в рекруты и за воровство, воровство же у товарищей считалось самым последним делом, и от воров быстро избавлялись — или отсылали в дальние гарнизоны, или прогоняли сквозь строй — десять тысяч палочных ударов не выдерживал никто. Кроме того, в поместье могло не оказаться *неугодника* и отправляли *в очередь*, обыкновенного угодника — вынужденно. *Неугодник* мог в поместье быть, но, освоив какое-нибудь редкое ремесло, скажем, кузнеца, жил на отшибе и не раздражал стаю; поместье же не могло обойтись без специалиста — и опять служить отправлялись *в очередь*.

Но, как бы то ни было, ***концентрация неугодников*** в рекрутской армии была несравнимо выше, чем

в армии, набранной по всеобщей воинской повинности.

Закваска неугодничества сквашивала все тесто армии — и не случайно такой человек, как Лев Толстой (в бытность свою храбрым артиллерийским офицером), *видел*, что русский солдат есть нечто прекрасное, в сущности, нечто прекраснейшее во всем мире. Вряд ли бы он восхитился войском июня 41-го, выпестованным сталинскими политруками, или войском Первой мировой.

Таким образом, термин «солдат» оказывается многозначным. Солдат может быть *неугодником* или, напротив, *госверующим* (например, в условиях оккупации иноземцами, как при Романовых). Поэтому, чтобы разобраться в сущности происходивших событий, всякий раз встречаясь с термином «солдат», надо каким-либо образом выяснить, *какого типа он был*.

Выяснить же состав можно, в частности, по тем событиям, которые притягиваются к тому или иному человеку — ведь ничто в этом мире не «случайно». Выяснить и распознать направленность чисток, совершаемых по указке начальствующих в стране...

«Па-а-арти-за-а-аны-ы-ы-ы!!!...»

Этот панический вопль над просторами России раздавался на многих языках.

Этим словом давились в диком кошмаре спускаемого под откос воинского эшелона, когда на, казалось бы, уже «своей» территории гитлеровцы в предсмертном ужасе, как в глаза смерти, смотрели на кувырком надвигающуюся русскую землю.

Итальянцы этим словом тоже давились, — вдосталь нарассуждавшись о своей цивилизаторской мис-

сии и от души пограбив Россию, они целыми дивизиями поступали на кладбища, размеры которых поражали и поражают воображение.

Звучало это слово и на словацком — выбрался ли кто из тех, кто не перешел на сторону партизан?

По указке Гитлера французский полк добровольцев прибыл на русскую землю специально для борьбы с партизанами — о нем мало кто вспоминает: «о мертвых или хорошо или ничего».

Кричали и на румынском (много), и на венгерском, и на финском, и на испанском, и на норвежском — список длинен, но *они* все одинаково заходились от ужаса, провидя, похоже, на русской земле нечто более ужасное, чем просто биологическую смерть.

А за сто тридцать лет до того, в 1812-м, чуть иначе, но с тем же смыслом вопили другие — наполеоновцы: французы, поляки и все те же самые немцы, в ужасе бросая, если не успели бросить прежде, оружие, но не выпуская награбленного золота — погружаясь в ледяные воды Березины или зарываясь головой в снег, опять-таки перед смертью от бессилия вонзив зубы в *русскую* землю...

Так было в тылу завоевателей, где самостоятельно, вне указаний, сражалась численно весьма незначительная часть русских.

Там же, где царило иерархическое мышление, все происходило иначе.

В 1941 году во время первого этапа наступления гитлеровцев, при всем изобилии советских частей и подразделений у границ, при всем техническом преимуществе советского вооружения, происходили совершенно невероятные события.

Известно, что в заурядных войнах (типа Первой мировой, без сверхваждей) для успеха при наступлении необходим как минимум трехкратный численный перевес, иначе наступающие, захлебнувшись в собственной крови, позициями обороняющихся не овладеют. Но гитлеровцы, не только хуже вооруженные, но уступающие и по численности, проходили сквозь советские части, после очередных реформ в армии *уже лишь частично состоявшие из этнических русских*, как раскаленный нож сквозь масло, и за первые месяцы войны только до лагерей довели более 3,8 миллиона пленных! Эта цифра, если ее сравнить с численностью армии вторжения гитлеровцев (3,2 миллиона немцев) наводит на определенные размышления. Это тоже замалчивается: **если бы из своих пушек, минометов, пулеметов, огнеметов, бомбометов, да что там — простых трехлинейных винтовок каждый будущий советский военнопленный убил или ранил хотя бы одного гитлеровца, то война не продвинулась бы вглубь России.** Да что там, — если бы *трое* советских перед тем, как сдать в плен (или перед тем, как их пинком швырнут в колонну рабов), спрятанным ножом или утаенной гранатой сообща убили хотя бы *одного* фрица, война была бы закончена в том же 1941 году!

Но этого не произошло, и война продолжалась. Русские *исполнители* сдавались десятками, сотнями, тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч, миллионами... А дивизии гитлеровцев — вооруженные захваченными советскими танками, заправленными трофейным топливом, заряженными трофейными же снарядами, которые по письменному или устному

распоряжению Сталина были выложены на грунт буквально в нескольких метрах от границы, и, естественно, были захвачены в первые же часы, если не минуты войны — рвались вперед по дорогам, проложенным советскими пленными, при этом вешая и сжигая заживо жен сдававшихся, насилуя их невест и, как во времена предыдущей волны цивилизаторов России, Великой армии, превращая дома униженно кланяющихся в отхожие места. И все это в домах тех, кто даже десятой частью имевшегося вооружения мог уничтожить захватчиков десятки раз.

И так было бы — если бы армия состояла из *неугодников*...

Правда, к концу 1942-го сдаваться стали не так активно. Хотя даже в конце декабря 1944 года, когда было очевидно, что Гитлера задавили и что всех предателей расстреляют, и с точки зрения самосохранения сдаваться было губельно, на сторону Гитлера «комсомольцы» переходили сотнями (так было, скажем, 25 декабря 1944 года в бою за укрепленный (!) плацдарм в Нейловине, на Одере [Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 327]).

Но в 41-м не только сдавались. Еще и бежали в собственный тыл.

Не случайно Сталин (*образца 1942 года!*) за спинами войск усилил заградительные отряды с пулеметами и подтвердил приказ расстреливать всех бегущих с передовой.

Казалось бы, правы те, кто утверждает, что *русские* — это трусы, которые если и победили в войне, то только из страха перед нечеловеческой жестокостью заградительных отрядов (состояли из коммунистов и уголовников). Отсюда следует, что выиграл войну

лично товарищ Сталин, дегенеративный сын шлюхи и неустановленного отца; человек, который страстно не терпел *неугодничества* и всеми силами выкорчевывал его отовсюду, включая и кадровую армию.

А как же тогда массовый героизм, один из примеров которого — защита Брестской крепости, и не только ее? Как же тогда панические записи немецких офицеров о том, что русские умирают, но не сдаются? Как же предыдущая история войн с участием рекрутских солдат, как же действия новобранцев дивизии Неверовского? Возможно ли столь противоположное поведение — ведь за такой короткий срок, как несколько десятилетий, национальный характер не меняется? Если русские в волевым отношении действительно ничтожны, то это должно было проявиться в массовых сдачах в плен Наполеону и в войне 1812 года.

Но наибольшим для Наполеона потрясением было то, что русские, в отличие от европейцев и азиатов, в плен не сдавались.

Стойкость русских действительно потрясала.

Наполеон провел множество битв в разных частях света — и в Африке, и на Ближнем Востоке, и в Европе, он противостоял вождям различных национальностей, но всегда, всегда после простенького маневра противник почему-то пугался, руки с оружием у него опускались, и целые дивизии покорно ждали, пока их перережут. Или бросались бежать. Конечно, если Наполеону были нужны пленные, то сдавались — тысячами, десятками тысяч.

Но на Бородинском поле (да и до него, и после) все было иначе. Много часов шло сражение, трупы

атаковавших и оборонявшихся поле уже не просто *покрывали*, но во множестве мест лежали в несколько слоев, создавая удобства для обороняющихся и трудности для наступающих, а вот пленных, обычно изобилующих в битвах с участием Наполеона, пленных — не было.

Наполеон привык любоваться *колоннами* плененных, причем даже не из нижних чинов, но из генералов и маршалов, вплоть до заискивающих королей и императоров, а на Бородине был принесен (не приведен, а принесен!) всего-навсего один генерал, да и тот несколько раз раненый, чуть живой, отнюдь не сдавшийся, но захваченный.

И так в 1812 году было не только при Бородине...

Русские армии, правда, отступали.

При границе их было две, но даже *суммарная* их численность была почти в три раза меньше численности компактно наступавших наполеоновцев. Естественно, русские армии, даже объединившись, не могли себе позволить генерального сражения *даже из арифметических соображений* — что говорить про возможности каждой из армий в отдельности.

И русские отступали, давая возможность Великой армии уменьшиться в размерах — за счет оставших больных, за счет убитых партизанами мародеров, за счет оставляемых в захваченных городах гарнизонов. Стратегия была проста: отступить, пока численность армий не сравняется.

Стратегия Наполеона тоже была предельно отчетливая — и противоположная. Ему, прежде всего, было необходимо не дать российским армиям со-

единиться, для чего быстрыми переходами надо было между ними вклиниться, и, навязав им сражение поодиночке, при грандиозном перевесе их, естественно, разгромить.

Один из способов разъединения русских армий — упреждение их у переправ через крупные реки или в городах, стоявших на пересечении дорог. И в том, и в другом случае армии теряли возможность не только соединиться, но и продвигаться в нужном направлении: приходилось двигаться кружными путями, терялось драгоценное время, и силы таяли.

И именно потому, что захвата ни нужных переправ, ни перекрестков дорог допустить было нельзя, *мелким русским соединениям* приходилось давать оборонительные сражения, цель которых была всего лишь задержать наполеоновцев и дать своим возможность продвинуться к месту, назначенному для соединения армий.

И вот в этих незначительных оборонительных сражениях Наполеон и его маршалы вновь и вновь убеждались, что русские, похоже, обладают не таким, как у всех остальных народов Европы, характером.

Чего стоит один только бой дивизии Неверовского, состоявшей сплошь из новобранцев, которая за день выдержала 40 (!) атак *превосходящего по численности* противника, выиграв при этом необходимые сутки, а затем в полном порядке отступила в Смоленск. Такого высшего пилотажа Наполеон нигде в мире не видывал!

(Характерных деталей этого боя масса. Формирование 27-й пехотной дивизии, начатое в январе 1812 года со сбора части командного состава, было закончено *лишь к маю*. Дивизия формировалась в Москве —

из подмосковных жителей. Так вот, в бою под Красным непостижимо сопротивлялись именно они. В отряд Неверовского [кроме 27-й дивизии, состоявшей из рекрутов] входили и *профессионалы* — драгуны, казаки и артиллеристы, но артиллеристы лишились пушек, драгуны были в самом начале боя опрокинуты, бежавшие изрублены или *рассеялись*, казаки — драпанули; сохранили присутствие духа — и победили — только рекруты-новобранцы!)

Были и еще бои. Достаточно удачные, хотя русские армии, разъединенные наполеоновской ордой, вглубь своей территории уходили. Уходили, несмотря на требования определенного сорта людей, изображавших из себя пламенных патриотов и храбрецов, а на самом деле требовавших генерального сражения — *в соответствии с желанием Наполеона*. Но русские армии его не давали — *тем Наполеона побеждая*. (Кстати сказать, к этого рода «пламенным русским патриотам» относился кавказский князь [из рода грузинских царей] Багратион. Его потомок [прямой или отпрыск общего предка] князь Ираклий Багратион во время Второй мировой перешел на сторону Гитлера и был активным членом его стаи, воюя, в частности, против партизан-*неугодников*. Однако оба Багратиона были предателями русских. Но не потому, что конечными их нанимателями оказались немцы [в конце концов, Наполеон — корсиканец], а потому, что оба Багратиона — типичные субвожди. С точки зрения *теории стаи* оба грузинских князя действовали в одном направлении: на Бородине Багратион так «героически» руководил на вожденном генеральном сражении, что русских рекрутов было убито гораздо больше, чем наполеоновцев.)

Много верст прошли наполеоновцы по русской земле, и хотя русские армии отступали, отбиваясь лишь время от времени и притом вынужденно, Великая армия потеряла множество солдат отставшими, больными и даже дезертировавшими (и это на чужой-то территории!), *были даже отставшие орудия*, а вот у русских ничего похожего: пленных — единицы, *и ни одного отставшего орудия — ничего!*

Русские ко времени массовых пленений сорок первого года не изменились — да и не могли: характер народный не меняется — вспомним евреев — сотни лет, если не тысячи.

Но если не изменился состав народа, то что изменилось?!

Изменился социально-психологический и национальный состав армии.

Объяснений, разумеется, бытует множество.

Можно вспомнить, что кутузовская армия за исключением генералитета состояла преимущественно из этнических русских (или хотя бы славян) — восточных инородцев на действительную службу не брали — *в принципе*. А в сталинской были все двенадцать языков. О результате этого «кровосмешения» мы можем узнать из множества источников и кроме символических обстоятельств защиты Брестской крепости. Интересный источник — изданные значительным тиражом ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Франца Гальдера:

Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. *Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь*

там, где в войсках большой процент монгольских народностей (перед фронтом 6-й и 9-й).

29 июня 1941 года (воскресенье),

8-й день войны

«Монгольская народность» — это в восприятии Гальдера, для нас же это не столько татары, сколько вообще азиаты.

В то же самое время те же самые по национальному составу советские войска Берлин — несмотря на обилие у защищающихся тяжелого вооружения, упорство немцев и грандиозное инженерное обеспечение обороны — взяли лихо, как бы шутя — за неделю. И брали все те же комсомольцы — и азиаты в том числе. В рамках концепции суверенитизма такое изменение поведения комсомольцев с позорного драпа до повального героизма объясняют их прозреванием — дескать, увидели разоренные и сожженные русские деревни, грандиозные захоронения замученных военнопленных, убитых детей, надругательства над святынями духа типа Ясной Поляны, — вот и начали воевать хорошо.

Объяснение глупое.

Какое дело таджику из дальнего аула, привыкшему к анаше, до русских деревень?!

Однако в рамках *теории стаи* каждый из вышеперечисленных фактов закономерен: подобно тому, как не изменились князья Багратионы, так же не изменились и «монгольские национальности» — но изменилось, во-первых, направление навязчивых видений сверхвождя, а во-вторых, и его сила.

А еще в 41-м месторасположение *неугодников* было иное.

Концентрировать их стали в 41-м в других, чем в 1812 году, местах.

Именно «концентрировать» — они не сами «концентрировались».

Население в России XVIII–XIX века было исключительно сельским. Это были общины, крепостных ли крестьян, казенных ли, или, как на севере или в Сибири — свободных, — но общинники прежде всего были связаны коллективной ответственностью за сдачу налогов и исполнение государственных или барских обязанностей. На сельском сходе в начальники над собой крестьяне выбирали того, чьему некрополю сопротивляться не удавалось, — *старосту*. Который и следил за исполнением обязанностей общины, **в частности, за исполнением рекрутской повинности.**

Солдатчина в русском народе, во всяком случае в те времена, воспринималась как наказание. И, действительно, отправлением на солдатскую службу **наказывали**. Кто? Или помещики лично, или старосты. А что было причиной недовольствия помещиков? Об этом в дворянских мемуарах и в художественном творчестве дворян сохранилось множество свидетельств. Главная причина наказания — *неподчинение*. Иными словами, *нехолуйство*. Отсутствие нужной гибкости спины.

Это помещики. А что старосты? А старосты воспринимали жизнь также авторитарно. И тоже, когда им предоставляли выбор, избавлялись от неугодных. С одобрения большинства общины — ибо мышление стада совпадает с мышлением вожака.

Да, конечно, существовала предписанная государственными умами и закрепленная на бумаге очеред-

ность, известно было, кого и в каких случаях брать, женатого или нет, обремененного детьми или нет, и из какой семьи. Однако бумаг не читали, жаловаться на нарушения было некому, естественно, суд творился по произволу судящего.

Описывая из раза в раз повторявшиеся при рекрутских наборах несправедливости, мемуаристы и писатели (в том числе и Л. Н. Толстой), в сущности, описывали всегда одну и ту же ситуацию: в семье по меньшей мере два сына — один труженик, все в его руках спорится, он хотя сын и норовистый, но отцу помогает делом; второй сын — подхалимистый. В очередь идти подхалимистому, но как-то так получается, что и мать, и отец, и вообще все вокруг понуждают идти под ружье именно труженика (помните, у Толстого в «Севастопольских рассказах» рекруты не воюют, не убивают, а *трудятся*?!). И он, трудяга, подчас *добровольно*, оставляя жену, отныне «соломенную вдову», теперь по положению имеющую право на разбитную жизнь, выручая брата, идет. Проходит время, подхалимистый вырастает в законченного хама, начинает пить, бездельничает, требует у родителей сбережения, избивает не только свою жену и детей, но и «соломенную вдову». Словом, ситуация вполне библейская — Каин и Авель.

Судя по произведениям классиков русской литературы, развязка для родителей вполне типична — когда голодный и обобранный дед, некогда глава семейства, состарившись, осознает, что своими же руками разрушил и свое благосостояние, и более или менее сносную жизнь своих внуков, уже поздно. И от расплаты мучением и стыдом спрятаться можно только в смерть.

Нельзя утверждать, что кутузовская армия целиком и полностью состояла только из *неугодников*. Но можно быть твердо уверенными, что состав таким образом набираемой армии был существенно иным, чем набираемой по принципу всеобщей воинской повинности.

Хотя «всеобщая» армия более стойка к обороне, чем та, из которой *неугодников* вычищали. Если уж «всеобщая» православная армия полками бегала с воплями от несуществующей японской кавалерии, то кошмарные события лета 41-го есть вполне закономерное следствие обеднения армии неугодниками.

А Сталин именно и занимался тем, что вычищал из армии *неугодников*: в голодной стране жравшие досыта коммунисто-сталинцы только и занимались тем, что *пытались* «вычистить» способных к самостоятельному мышлению среди прочего и из армии.

Нас приучали верить, что репрессии были нацелены на некие определенные слои общества — богатых, интеллигентов, дворян, старых партийцев-ленинцев. Но внимательное рассмотрение событий неминуемо приводит к выводу, что часть ленинцев не тронули, часть интеллигенции тоже сохранилась, да и людей с дворянскими корнями выжило предостаточно. А вот много арестовывали ремесленников и крестьян.

Аресты не были хаотичными, хотя, действительно, подчеркиваемая таинственность репрессий погружала одну часть населения страны в атмосферу страха (что, по законам психологии, вело к сплочению стаи

вокруг вождя), а другую — в радостную веру в высшую справедливость.

Вычищали *чужих*.

Напомним вкратце концепцию трехцентровости нашего мира («внешники», «внутренники», *неугодники*): не только в маленьком городишке население можно разделить на торгашей, бандитов и созидателей, но подобно разделяется и народ, страна — и даже планета в целом. Созидатели довлеют к неугодничеству, а плутократы и бандиты — к стае. Стайные ненавидят *неугодников*, хотя без созидателей обойтись не могут, еще они соперничают между собой. Кавказец, подобно князьям Багратионам, относился к «внешникам» (тоталитарникам, бандитам, прогерманцам) и органически ненавидел стаю, строящуюся на несколько ином принципе — «внутренническом» (плутократия, торговцы, проангличане, проамериканцы, демократы, ревизионисты).

Разумеется, «внешники» вычищали и «внутренников», и «внешников»-конкурентов, поэтому был убит Левка Троцкий и многие коммунисты (Зиновьев, Каменев, Бухарин и т. п.) с демократами (типа Горького). Стая должна быть *стаей*, и вождю-«внешнику» разрыхлители в ней не нужны никакого рода.

Есть в истории сталинщины *деталь*, которую хотя и вспоминают с омерзением, но никак *не толкуют*. Но именно в этой детали, в этой «странности» и раскрывается сущность репрессий Сталина — в рамках *теории стаи*.

Дело в том, что для ареста человека требовался *донос*. Он не был бы нужен, если бы требовались репрессии сами по себе — для устрашения и сплачивания. Но доносы — ложные, ничем не доказанные

письменные доносы от соседей, причем далеко не всегда меркантильные, скажем, ради комнаты сплавляемого в концлагерь, требовались, — следовательно, они были нужны для чего-то другого.

А для чего?

Что было нужно: бумага или *недовольство соседей*?

Ну вот, как говорится, слово произнесено...

Да, действительно, **механизм отбора в ГУЛАГ был подозрительно похож на механизм рекрутского набора времен Кутузова**: стержнем было — *неприязнь общины, соседей и иногда даже семьи*. Иными словами, бытовое доносительство преданного «внешнику» Сталину населения отсеивало *чужих — неугодников* и «внутренников».

Таким образом, **сталинская армия** усилиями *старосты Сталина* и угадывавших его желания *исполнителей-«внешников»* всей страны, в противоположность армии кутузовской, резко обеднялась «внутренниками» и *неугодниками!*

И вот этот-то принципиально иной социально-психологический состав двух армий — кутузовской (неугоднической) и сталинской (угоднической) во многом и определил столь различное их поведение при столкновении с захватчиками.

Сталинский *исполнитель* («комсомолец»), привыкший в теле своих дедов, прадедов и прапраотцов к верности принципу авторитарности, и, как следствие, повиновению *сельскому старосте* (вождю), лишь только соприкасался с побеждающей стаей некрофила Гитлера, тут же начинал чувствовать в себе неодолимую потребность подчиниться *Главному Старосте*.

И сдавался — тысячами и миллионами.

Фашист проходил сквозь многочисленные ряды советских войск как раскаленный нож сквозь масло (за редкими исключениями) — способных его остановить *неугодников* было недостаточно: они сидели в ГУЛАГе, были сведены в безоружные строительные части (об этом — особая глава), или прятались. Вместо них были русские комсомольцы-сталинцы, да и то разбавленные (тоже, заметьте, личными усилиями Сталина) исторически привыкшими к изощенной авторитарности азиатами...

Молниеносные успехи Гитлера и толпы сдавшихся в плен показали, что никакие горы заготовленного оружия, никакие толстенные тома, которыми снабжались политработники, не могли превратить толпу *исполнителей* в воинские части, способные *защищать* Родину и родню от свержовждя.

Немцев остановили под Москвой. Остановили *сибирские* дивизии (из традиционно неугоднического населения; в русско-японскую они тоже были самыми стойкими), ополчение, новобранцы, колонны выпущенных из ГУЛАГа — и погнажи вон.

Среди причин замедления немецкого наступления историки «внутреннического» типа мышления называют мороз и растянутость коммуникаций. Физические факторы мы обсудим в IV части, при обсуждении новой концепции Второй мировой войны, но полезно вспомнить намеренно забываемое — что именно под Москвой, после тотальных разгромов, когда между фашистскими войсками и предуготованной Гитлером к полному уничтожению Москвой регулярных войск уже почти не было, были введены два контингента, которые, собственно, и остановили гитлеровцев. Одна сила — московское ополче-

ние, собранное из студентов, бухгалтеров, рабочих и прочих нестроевиков — словом, почти новобранцев дивизии Неверовского. Но была и вторая сила — колонны выпущенных из лагерей ГУЛАГа, наспех вооруженные, без всякого основания репрессированные *неугодники*. Репрессированных только за то, что не повторяли всякую чушь, когда требовалось хоровое «пение».

* * *

Неугодник может быть партизаном, но не всякий бородатый мужик, обутый вместо армейских сапог в домашнего изготовления валенки и с винтовкой в руках, — *неугодник*.

Чтобы понять, чем *исполнитель* с топором в лесу отличается от истинного *партизана-неугодника*, удобнее всего рассмотреть события осени 1812 года.

Дело в том, что в войне 1812 года было два этапа. На первом партизан было мало, на втором ими можно было пруд прудить. Партизаны этих двух этапов социально-психологически противоположны!

На *первом этапе* войны 1812 года, еще до оккупации Москвы партизанское движение было малозаметным (*неугодники* оказались по большей части в армии), зато было заметно другое движение в крестьянских общинах — *пронаполеоновское*.

Доселе угождавшие помещикам и старостам общинники-исполнители делали то, о чем Наполеон мечтал: они переставали повиноваться своим помещикам (помещик — это тот, кто не только пользовался трудом зависимых от него людей, но в

трудные времена о них и заботился, хотя бы в том смысле, что во время неурожаев на свои средства покупал в дальних губерниях хлеб и тем спасал работников, их жен и детей от голодной смерти; после отмены крепостного права общинники стали в таких случаях умирать целыми деревнями) и нередко помещиков убивали. Но самое главное, что делали *исполнители* повсеместно, — они не давали некогда помогавшим им помещикам лошадей и подвод, чтобы те не вывезли материальные ценности, те самые, что так ценились иерархией наполеоновцев — генералами, офицерами и солдатней.

Исторический факт: *общинники бунтовали, руководимые своими старостами.*

Эти события рельефно описаны у Льва Николаевича в «Войне и мире» в эпизоде, где крестьяне пытаются ограбить и убить свою госпожу княжну Марью Болконскую. Объект для православных крестьян с точки зрения справедливости, прямо скажем, богохульный. Кто как не набожная Марья всячески помогала крестьянам своего отца — и деньгами, и лекарствами, а, главное, своим умом, никогда их не притесняла — и вот, на тебе, у нее отнимают подводы, не дают лошадей, что означает, как минимум, выдачу на растерзание бесноватым наполеоновцам — полякам, немцам, французам, евреям и т.п. И только появление графа Николая Ростова, гусарского офицера, несколько от него зуботычин, окрик, но, главное, его гусарско-графская психоэнергетическая «убедительность» склонили чашу весов не в пользу тогда еще пространственно далекого Наполеона. (Интересен штрих великого художника: Толстой, описывая мужиков этой де-

ревни, называет их *темными* — т.е. глупыми, неразвитыми, *гнинабельными*, — в отличие от мужиков из другого поместья Болконских...)

Итак, *первый этап* всякой войны со сверхвождем — **массовое сотрудничество исполнителей со сверхвождем — в том числе, и в прямом смысле.** Парадокс: массовое партизанское движение *исполнителей* скорее антинационально. (Так было не только при Наполеоне, но и при Гитлере тоже.)

А вот после начала у Наполеона приступов паранойи (еще до Бородина, а тем более после исчезновения Москвы и массового таяния войск во время стояния в ней) трудно не заметить, что ситуация резко меняется. И вот мы уже видим, как в засады к большой дороге стекаются разве что не толпы крестьян, руководимые все теми же старостами, — и палками, как собак, убивают пугающихся их до смерти солдат Великой армии.

Принято объяснять поведение старост и послушных им общинников на *первом этапе* войны так: тупые крестьяне, не учившиеся, а, главное, ни под каким видом не желавшие ничему учиться, оказываются, по размышлении над идеями о *естественном праве* первого консула Французской республики решили, что идеи равенства, братства и единения народов во имя естественного права и философии им духовно близки, и потому решили они биться с крепостничеством в лице его представителей — на стороне неизвестного им императора.

Объяснение, что и говорить, отдает идиотизмом. Даже в рамках суверенитизма.

Принятое толкование *второго этапа* войны не лучше. На втором этапе Русской кампании Наполео-

на общинное крестьянство, дескать, осмыслило неизвестные ему до этого несправедливости, творимые в далекой, непонятной и даже чуждой ему Москве, и решило супостату не пособствовать, а с ним бороться.

Можно долго издеваться над аргументацией этой вдалбливаемой в системе обязательного образования концепции, но не станем терять времени.

Очевидно, что поведение неспособных к самостоятельному мышлению, гипнабельных и потому послушных воле сверхважда Наполеона сельских *исполнителей* могло измениться только потому, что изменился сверхваждь, поменялся знак его галлюцинаций.

Это понятно.

Характерно, что партизан *второго периода* отличала крайняя жестокость, — могли облить маслом пленного наполеоновца и поджечь, были и другие выверты.

Между прочим, замечено, что «выверты» эти *в точности соответствовали тем, которыми баловались в наполеоновской армии — по отношению к захваченным русским.*

Регулярная русская армия (рекрутов) тратила много сил, чтобы унять старост-садистов. Солдаты рекрутской армии вообще были несравненно более жалостливы к пленным, чем сельские стаи — действительно, рекрутам нередко приходилось отбивать у *исполнителей* уже простившихся с жизнью пленных французов.

Исход войны решили *неугодники.*

Их было не так много, но они были. Много сохранилось имен старост и старостих второго периода вой-

ны — а первого мало. Но некоторые имена все-таки сохранились.

Например, редко-редко, но упоминается имя наследственного помещика Энгельгардта, о котором известно разве только то, что он не бежал перед многотысячной Великой армией, а осмысленно остался в деревне и навредил, сколько мог, французам. Когда на него *донесли (ясное дело свои!)*, не оправдываясь, бесстрашно принял смерть.

И сверхвождя победил.

Теория стаи есть соединение двух основных идей:

— общество устроено иерархически, структура в нём поддерживается психоэнергетически, разум и слова имеют подчинённое значение;

— источник всякого психоэнергетического авторитета коренится в преступлениях авторитета, не только прижизненных, но и доставшихся от предков — и в подсознании активированных.

Одно лишь первое положение даёт нам картину всего одной всепланетной стаи — в противостоянии *неугодникам*. Всё сразу схватить невозможно, следовательно, это необходимая ступень знакомства с происходящим вокруг.

Второе положение открывает перед нами существование не одной, а нескольких не совмещающихся стай — поскольку преступления разных типов. Это объясняет многие феномены вокруг нас — в виде мировых противостояний.

Даже «бытовой» взгляд на вещи открывает нам эти несколько стай. Реальная жизнь несколько сложнее, поскольку каждая стая состоит из ряда

субстай — у каждой своя армия, свои идеологи, учёные, писатели, поэты. Субстай тоже относительно изолированы друг от друга, хотя «работают» на одного хозяина.

В «идеале» каждый исполнитель связан с вождём непосредственно, промежуточные начальники лишь озвучивают желание вождя, и все горизонтальные связи оборваны — чувство одиночества, в особенности в большом городе, как раз то самое явление.

Возникает вопрос: а какое преступление является праматерью основных стай?

Выше мы рассмотрели две «матери» — жульничество и бандитизм. Мы это видим вокруг, мы это можем пощупать. Эмпирический подход называется.

Однако совершенно ясно, что в массе совершённых в истории человечества преступлений есть одно — сверхматерь, Сверхпреступление.

Фрейд в своей последней малоизвестной работе назвал это преступление съедением отца-вождя протоорды сыновьями.

Концепция, что и говорить, интересная, да и многие странности людей ею объясняются.

В «Катарсисе» предлагается другая версия Сверхпреступления — убийство Бога, описанное в Евангелии. Ещё больше сходится, ещё больше объясняется.

Это уже третья ступень постижения — после первой ступени: «монастыя и *неугодники*», а так же ступени: «две стай, «внешники» и «внутренники» — эмпирического подхода к нашей жизни.

На третьей ступени обнаруживается третья стая, которая временами то исчезает с мировой арены, то вновь появляется — и, согласно пророчествам, именно ей предстоит завершить ход мировой истории. Таким образом, временами мир становится уже четырёхцентровым.

Но это отдельный большой разговор. Издательством жёстко ограничен объём каждого выпуска «Записок...» — а автор человек подневольный.

Если нервы крепкие, можете обратиться к книге «Катарсис-3. Понтий Пилат. Психоанализ не того убийства».

Теорию стаи можно рассматривать на любом материале — особенно легко на примере великих войн России. Выше — *странности* войны 1812 года. Не менее замечательный материал — Великая Отечественная. Те, кто читал книгу «Дурилка. Записки зятя главраввина-1», прекрасно понимают: всё, что нам вдалбливают о Великой Отечественной — полный бред, сплошной суверенитизм, одурачивающая нахлбучка. Желающие познакомиться могут обратиться к «Катарсису-2».

Ну, и напоследок подсыпем перцу.

Второе десятилетие Россию обустроивают опираясь на веру в то, что люди психоэнергетически суверенны. Из этого кретинического предположения делается дурной вывод, что народы, оказавшиеся вдали от верхушки мировой иерархии, могут достойно жить. А что-то у наших правителей не получается. Удивляются, наверное, да? Чешут репу: почему ж не получается?

Глава пятьдесят шестая

ЦИКЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИСТОРИИ

У мантинеян есть храм; в нем на столбе
стоит изображение Полибия, сына Ликорта.
Pausan, VIII, 9:1

Прешираться со всеми не стоит, но спорить с
Эратосфеном, Гиппархом, Посейдоном, Поли-
бием и другими подобными почетно.
Страбон, I, 2:1

Предполагаемое спиралеобразное развитие
человечества естественным образом расклады-
вается на две составляющие: поступательную и
циклическую.

Суверенитических концепций поступатель-
ной составляющей исторического движения все-
гда существовало только две, **взаимопротивопо-
ложные**.

Сторонники первой концепции утверждают,
что человеческий род развивается от скверного к
лучшему, то есть *эволюционирует*; естественное
следствие этого предположения то, что в конце
концов на земле наступит Золотой век (рай, ком-
мунизм, торжество демократии и т.п.). Мысль о
том, что мир и его элементы эволюционируют,
принадлежит, разумеется, не Дарвину — за тыся-
чи лет до него ее высказывал Птолемей. Сторон-
ники эволюции были особенно исторично актив-
ны на рубеже XIX–XX веков, рационализируя
свою веру в Золотой век рассуждениями о дости-

жениях техники: появлении автомобиля, самолета и пулемета, делающих, по их мнению, всякую войну бессмысленной. Считалось, что с появлением очередного технического устройства возможности человека расширяются, следовательно, он идет к совершенству. Однако мировые войны, невиданная доселе в них жестокость иллюзии развеяли — у тех, кто вообще способен от иллюзий как таковых избавляться.

Сторонники же противоположной точки зрения считают, что человеческий род развивается от хорошего к скверному, т.е. *деградирует*; следствие — мир в конце концов постепенно *естественным образом* погибнет. Отсюда представления о Золотом веке как колыбели человечества.

Стоящая особняком библейская точка зрения во многом извращена церковниками, однако она следующая: из Эдема была изгнана *толпа* (хоть и из двух человек), которую Бог, после того как она размножилась, периодически осаживает (при потопе, при строительстве Вавилонской башни, во время Второго Пришествия Христа), испытания приводят большинство к дальнейшему остервенению, некоторых же — к покаянию, а из них единицы — к рождению свыше. Рожденные свыше обретают вечность еще до смерти первой и еще до воскресения праведников погружаются в наслаждение Истиной. Толпа же в конце концов — во время Третьего Пришествия Христа — достигнет своего «совершенства», т.е. станет всепланетной и всевременной — и самоуничтожится.

Теория стаи лишь расшифровывает емкие обмолвки пророков: скажем, психологические предпосылки неизбежных «мира и безопасности» Вавилона.

На этот поступательный процесс накладываются процессы циклические (маятникообразные).

В частности, так называемые политические.

Стилистически роскошнейшее описание циклической составляющей исторического процесса составил из всех античных историков наиболее критически мыслящий — Полибий.

Язычник Полибий считал, что или в результате потопа, о котором сохранилось, по его словам, множество свидетельств, или после очередной опустошительной чумы, или от неурожая, или по другой какой причине, существовавшие государственные структуры время от времени разрушались.

Если со временем из уцелевших остатков, как из семян снова вырастет известное число людей, то непременно они, подобно прочим живым существам, станут собираться вместе, — так и должно быть, ибо присущая отдельному существу слабость побуждает их собираться в однородную толпу, — один из людей будет превосходить прочих телесною силою и душевною отвагою. Он-то и будет вождем и владыкой. То же самое наблюдается и у всех неразумных животных: мы замечаем, что и у них, у быков, например, кабанов, петухов, наиболее сильные непременно

бывают вожаками. Вот почему порядок этот надлежит признавать непререкаемым делом самой природы. Таковым следует представлять себе и первоначальное существование людей, именно: наподобие животных они собирались вместе и покорялись наиболее важным и мощным из своей среды; меру власти этих последних составляла сила, а самое управление может быть названо единовластием (монархией).

(Полибий, VI, 5:6–9)

Полибий, разумеется, далеко не Фрейд и уж тем более не Лев Толстой. Если бы Полибий расширил поле зрения, то заметил бы, что уже у некоторых копытных если вожак чем и превосходит свое стадо, то силой отнюдь не физической. Да и не смекалкой тоже, и не опытом, и не здоровьем. В особенности это заметно у обезьян и у людей (Наполеон, Гитлер, Сталин и т. п.).

Но сердцу не прикажешь: действительно, люди прислушиваются не к разуму, поэтому очевидно, что Полибий выбирал себе философию и примеры из природы по тем же подсознательным критериям, что и любовника.

Однако главное Полибий заметить смог: *в начале была толпа, и толпа была у вожака, и вожак для нее был бог.*

Далее, в трактовке «внешника» Полибия, эрудированного в исторических событиях обильной государствами Греции, происходило следующее (Полибий, VI, 4:1–9).

Благородный *монарх* — царь над городом-государством — *в процессе властвования* превращался в свою нравственную противоположность — *тирана* с соответствующими приемами правления. Измученные прихотями и несправедливостями самодура лучшие люди подвластного тирану города стараются его свергнуть. Силу может одолеть только, по Полибию, еще большая сила. Тирана свергают и начинают править нравственно наиболее благороднейшие люди общества, *несколько* человек — *аристократия*. Истинная аристократия управляется на выборной основе, выбирают только справедливейшие и разумнейшие люди (VI, 4:3). Но *уже во втором поколении*, по наблюдениям Полибия, благородная аристократия вырождается в свою противоположность — *олигархию*. Это тоже власть нескольких людей, но правит этими людьми порок: снедающая жадность («внутренники»? — А.М.) и (или? — А.М.) страсть к насилию («внешники»? — А.М.).

В государстве торжествуют безобразия, граждане (*демос*) в конце концов якобы не выдерживают глумления над собой и свергают *нескольких* во имя *всеобщего* самоуправления — наступает *демократия*. Ее отличие от *охлократии* — по Полибию — заключается в том, что все-все толпящиеся на рыночной площади движимы стремлением к справедливости и действуют бескорыстно и бесстрашно.

По Полибию, демократия в охлократию все-таки вырождается, и притом быстро, стадо же без вожака не может, появляются *демагоги*, среди них побеждает сильнейший, и — вот оно! — опять

монархия! **Начинается новый исторический цикл смены типов государственного устройства.**

Последняя мысль у Полибия особенно «сильна»: гнусная толпа выбирает над собой царствовать наиболее благороднейшего — ни дать ни взять толпа евреев, науськанная бесами, пытающаяся хитростью поставить Христа-Истину царем-администратором (Иоан. 6:15) — а затем Его распявшая.

Но, Полибий, — а с тобой, Страбон сказал, спорить почетно, — это все чушь: авторитарная или плутократическая власть чужда не только Христу, но и вообще всякому минимально мудрому человеку. Монархии, так уж чтобы *монархии*, бывают только в сказках для народа, иерархия — всегда тирания, да и *демократия* — всегда *охлократия*. Что же касается привлекательной видимости с голосованиями, выражаясь по-современному, *имиджа*, — так то правила игры, вранье для усиления кайфа толпы... Так что, брат-историк, стоило бы тебе разобраться с твоей системой ценностей, отказаться от любовников, найти себе женщину, а лучше — *половинку*, и все станет на свои места и в политике, и во многом другом...

Но, оставаясь рабом множества суеверий, Полибий, тем не менее, совершенно верно подметил, что внешняя форма управления есть проявление того, что происходит с совокупностью людей как целым, — разве только не произнес он слово «стая».

Полибий был также абсолютно прав, сказав, что **всякая демократия (в те времена, похоже, «внешническая») непременно вырождается в тиранию.**

Или иначе: *тирании* должна предшествовать *демократия*!

Или иначе: всемирной иерархии с явным вождем должна предшествовать развитая всемирная демократия!

***Предшествовать* должна именно демократия, а не совокупность мелких тираний-царств.**

Апофеоз демократии — это когда исполнитель повинуется даже без вербальных приказов. В новое время не кто-нибудь, а именно демократ Наполеон, величайший гипнотизер своего времени, выдвинул лозунг, что каждый солдат должен действовать *самостоятельно*, не дожидаясь приказов. Такое поведение во время наступления более эффективно — как минимум, нет нужды прибегать к системе письменных приказов, весьма медлительной. Занятная самостоятельность, тем более если вспомнить, что даже орудийные батареи в присутствии молчащего Наполеона палили в унисон — сотни удаленных друг от друга орудий!

Естественно, когда нет достаточно сильного вождя, приходится прибегать к диктатуре показательных казней, децимаций и письменных приказов, и так до следующего сверхвождя — что и воспринимается как циклическое движение.

Это и есть якобы циклическая составляющая истории — сильного вождя (демократия) сменяет слабый (тирания).

О том, что пришел мировой Сверхвождь, можно будет узнать по тому, что на всей планете установится «истинная», «настоящая» демократия.

О безнравственности демократии, вступая в противоречие с поднимавшими голову *идеологами*, говорил и такой хороший человек как Лев Николаевич Толстой. Основываясь на нравственном чувстве, Толстой заявлял, что *любая* власть одного человека над другим безнравственна в принципе — и *развращает*. Ужасно, когда правит *один*, но несравнимо хуже, когда во власти участвуют *все*. Жить в обществе, в котором не один человек, а все население участвует во властном разврате, Человеку (с большой буквы) особенно отвратительно. Поэтому демократия (власть многих) хуже монархии (власти одного).

Елена Уайт (1827–1915), повторяя ту же мысль, подходила к ней несколько иным, чем Полибий и Толстой, путем. К «колесу» истории она подошла классическим пророческим способом — вернее, была подведена.

За ней не оставалось неисповеданных грехов, которые бы пришпоривали ее веровать, что новые технические устройства сделают человечество совершенней.

И насчет эволюции проплутократической политической и законодательной системы, «лучшие» образцы которой выставляются на обозрение именно в Америке, она тоже не заблуждалась.

В частности, она *пророчествовала*, что кичащаяся демократическими традициями Америка, вопреки мнению населяющей ее толпы о божественном происхождении демократии, в недалеком будущем, перед Вторым Пришествием *непременно* станет мировой тиранией. Она предсказала, что Америка, при жизни Елены Уайт кичившаяся своим протестантизмом, по духу станет

католической (деспотичной — не важно, во «внешнической» или во «внутринической» форме), и это приведет к новой волне *инквизиции* (хотя и несколько более «цивилизованной» в смысле формы уничтожения инакомыслящих).

Уточним: инквизиции *спонтанной*, естественным образом «узаконенной» голосованиями в парламентах.

И вот в этот-то период вновь и вновь провоцирующееся «колесо» истории Господом будет остановлено — Вторым Пришествием Христа!

Это глубокий подход.

А можно подойти более поверхностно — и как всё более поверхностное, это произведёт большее эмоциональное впечатление.

Напоследок.

Ну, здрав будь, боярин!

Как нас «делают» демократы и что делать нам

Вокруг уже почти все, не сомневаясь, веруют, что нам надо строить власть по демократическим принципам. Дескать, выборы и ещё раз выборы — единственная дорога к успеху. Без всякого различия, для какого народа.

Давно нам эту веру вколачивают — не первое столетие.

А теперь предлагаю подумать. Головой. Мозгами, так сказать, пораскинуть. В XX веке властители попадали на российское седалище власти разными путями. Один получил его по наслед-

ству. Другого назначали как преемника, и комедию выборов сыграли как-то уж совсем нагло.

Многие побеждали на междусобойчиках. Ещё один власть почти узурпировал.

Но были двое таких, кого русские выбирали сами — сердцем.

Что поучительно, оба избранника одинаковы — психотипически, хотя ввали они в разных системах терминологий.

Один ещё свеж в памяти — это много «семейный» Борис Ельцин. Второй — Лев Троцкий (Лейба Бронштейн). Ельцин и Троцкий — как уже было сказано, психотипические копии друг друга. Как следствие, они равно изгадили Россию.

Болезнь требует лекарства, а оно всегда горько — но, чтобы добиться победы, его следует принять. Так вот, горькая правда заключается в следующем: **оба раза, когда русских со товарищи в XX веке допускали до действительно демократического выбора, они для себя, своих детей, семьи, рода и страны всегда выбирали правителя наихудшего из всех возможных.**

Если б одного только такого уroda выбрали, можно было бы сказать — ошиблись. Запузырили со всего размаху, да не туда попали. А вот когда оба случая из двух — это порождает лёгкое подозрение на наличие системы. Настолько лёгкое, что даже тупого пронять может.

Почему так? Одни ли русские так выбирают, или идиотизм при выборах присущ всему человечеству?

Вспомним психологический феномен, получивший название «стокгольмский синдром» — по событиям в Стокгольме при ограблении банка.

Как только террористы не издевались над заложницами! И бутылки им заколачивали в разные проходы, и били их, и измывались по-разному, — а жертвы всё равно лезли лизать обидчикам ноги и объясняться в любви. Не из страха лезли и не из мазохистской потребности получить ещё колотушек. Как говорят сами жертвы, «по зову сердца». Что особенно поучительно, преданность жертв обидчикам после освобождения простирается на годы, а то и на всю жизнь.

Точно на тех же принципах строятся взаимоотношения между сутенёром и группой курируемых им проституток. Сутенёр колотит своих дам в кровь, рёбра им крушит, а они его лизут и своим товаркам расхваливают. Дескать, какой он умный, справедливый и какая у него дивная, не понятая никем, — кроме неё самой, конечно — душа. Ну, и деньги отдают, конечно. Все. Ничего не утаивают. Не оттого отдают, что боятся получить по морде дополнительно, а потому, что в их сердцах горит воспетое поэтами чувство, которого, как это кому-то ни удивительно, до первого избиения не было.

Интересно, что это чувство любви, даже если сутенёр куда-нибудь денется, проститутки не только пронесут через всю жизнь, но и передадут по наследству дочерям и сыновьям, а те — ещё дальше.

«Толпа — это женщина», — первым это сказал не Лебон. Что носители обыденного мировоззрения сердцем ищут беспардонного сутенёра, знает всякий, кто хоть слегка прикоснулся к тайному знанию правящих родов.

Этому знанию тысячи и тысячи лет. Но сама толпа-женщина видеть очевидного не желает и считает себя совокупностью психоэнергетически независимых личностей.

А раз закон психологической зависимости един как для женщины, так и для толпы, то и разгром России именно **выборными** любимцами народа отнюдь не случаен.

Что же следует из того, что русский народ сердцем при законченной демократии выбирает одно и то же? А именно психотип Троцкого-Ельцина?

А следует вовсе не то, что русские какие-то особые уроды, а только то, что над нашими предками захватчики издевались. Их было много разных — немцы, поляки, шведы, финны и т. п. — все они соревновались в надругательстве над нами. Более других усердствовали в издевательствах, судя по результатам современных выборов, психотипические аналоги Троцкого-Ельцина.

Удивительное дело эти наши обязательные курсы истории России! Педагоги-наёмники долдонят нам о татаро-монгольском иге, по поводу которого виднейшие историки утверждают, что его не было вовсе. Но зато ни словом не упоминают о другом полуторасотлетнем иге, которое оставило наисильнейшую психотравму в подсознании наших предков, и боль, от которой побеждает разум толпы и поныне.

Упоминание этнонима «Итиль» у большинства вызывает недоумённый взгляд. Ну, не смели и не смеют педагоги заикнуться о Первом еврейском иге!

Для сведения, в 988 году, в котором, судя по обязательным курсам истории, появились русы, никакого Итиля не было. Уже не было. По той простой причине, что в 965 году Святослав, собрав дружину, на ладьях спустился по Волге, обложил Итиль со всех сторон и перерезал всех оказавшихся в городе наших захребетников, которые — странное совпадение! — все оказались евреями. Или хотя бы полукровками. (Заметьте, я никаких аналогий с разграблением России в 90-е не провожу. Низя. Вот и не провожу.) Итиль сожгли, и его следы, в виде уцелевших захоронений, обнаружила только экспедиция Льва Гумилёва.

Так закончилось Первое еврейское иго, которое длилось полтора ста лет, и описание которого сохранилось в летописях на десятках языков. Под игом было всё Поволжье и, по меньшей мере, 25 государств.

Так что удивляйтесь, не удивляйтесь, а появился наш народ вообще-то не в 988 году, как тому нас учат. Сообщаю: мы и прежде существовали. И психотравмы, случалось, получали. Увы, наследуемые.

Историки — тьма, и пишут они в разное время разные вещи, но изучать нас заставляют только опусы, угодные той иерархии, которая на данный период времени захватила власть.

Архивы, сами понимаете, чищены-перечищены, но будь летописи даже в целостности и сохранности, одиночке в принципе не по силам одолеть всего массива записей — к тому же чаще всего лживых, как и всё, к чему прикасается власть.

Но есть великолепный источник, не только компактный, но и каждому доступный — «неадек-

ватные» реакции психики окружающих. Это — открытая книга. А главное, честная.

Из народной любви к психотипу Троцкого-Ельцина среди прочего следует, что мифического татаро-монгольского ига, похоже, действительно не было, а если и было нечто иное, чем союз равных, то некоторое подчинённое состояние наших предков особо не взволновало и не оскорбило. Иначе бы в России сердцем выбрали носителей татаро-монгольской психологии.

Зато было другое иго, от нас скрываемое, которое по законам «стокгольмского синдрома» навсегда обеспечило *им* победу при всяких выборах. Поэтому-то *они* не останавливаются ни перед какими преступлениями, чтобы ввести в нужных им странах законченную демократию. Будут ковровые бомбардировки населённых пунктов, нескончаемые потоки лжи, «благотворительные» фонды и так далее.

Как бывший зять главраввина — русский я! просто мне было 16, ей — 19, ребёнок должен был родиться, и я «как порядочный человек», женился — я утверждаю, что *они* о технологии манипулирования носителями психотравм осведомлены прекрасно.

Так что враг наш, чтобы нас поработить, будет поливать нас свинцом на улицах городов и душиать газами в окопах только в исключительных случаях — вполне достаточно «пробудить» внутренних «певцов» демократии. И вот мы уже вымираем сами, ведём жизнь полуголодной дойной коровы, а главное, как целое нравственно и интеллектуально деградируем.

Могут возразить: но ведь какие прекрасные результаты даёт демократия в отдельных странах! Не доказывает ли это абсолютную ценность демократии, как то нам вдалбливают СМИ?

Ну, конечно же, доказывает! Но только не абсолютную.

Обман скрыт на глубине основы фундамента.

Нас из поколения в поколение приучают верить в то, что каждый человек мало того, что бесподобен, но и психоэнергетически независим. Не зависим как один от другого, так и от прошлого своего рода. Иными словами, нам вдалбливают, что нет ничего — ни феномена гипноза, ни феномена спонтанной паники, ни моды, ни рода-племени, ни «стокгольмского синдрома», ни всего прочего.

Человек, учат нас, представляет собой нечто вроде счётной машинки, которая постоянно занимается тем, что высчитывает разного рода выгоду. Согласно расчётам, дескать, и поступаем. Если что не получается, то это лишь ошибки — но не смей в этих «ошибках» искать систему!

Ну, а раз вбита вера в психоэнергетическую независимость людей, то естественное из неё следствие — их психоэнергетическое равенство. Графически такое общество можно представить в виде поверхности заставленной вычислительными машинами. Этому не только Карл Маркс, внук двух раввинов, вместе с Троцким учили, но и множество других «пробуждённых», взаимно друг другу чуждых лишь на первый взгляд.

На самом деле общество реальных людей устроено принципиально иначе.

Картинка из недалёкого прошлого: подвал, в котором собрались обсудить дела «нормальные пацаны». Открывается дверь, входит незнакомец. И вдруг все притихли и ступевались. Все *почувствовали*, что это новый пахан. Он ещё ничего не сделал, никого не прирезал, не доказал, что у него самая преступная из всех присутствующих биография, его никто не рекомендовал — но все уже ступевались. Иными словами, спонтанно сложилась иерархия.

Новый пахан — вождь-начальник потому только, что психоэнергетически он более подавляющий индивид, чем все остальные присутствующие, — и это *чувствуется*.

Некоторые из подобных индивидов любят знаки отличия и должности, другие — наоборот. Лев Троцкий относился к последним. Он любил, чтобы ему поклонялись вне связи с его должностью. Троцкий даже намеренно освобождался от знаков отличия. Просто — «царь».

И ему поклонялись. На митингах рабочие и солдаты доходили до состояния полного иступления. Так что кровавый Троцкий вовсе не был заговорщиком, которому удался закулисный переворот — он был законченным демократом в законе.

Незаметный, но понявший устройство жизни Сталин переиграл Троцкого как раз на этой его демократичности. У иерархии должностей есть некоторый запас сопротивления новоявленному вождю.

Итак, есть вождь — и это чувствуют миллионы. Эти миллионы стараются угадывать желания своего вождя — особо «чувствительным» это

удаётся лучше, чем другим. (Есть в незначительном числе и *неугодники*, но это разговор особый.) Из-за недостаточной чувствительности многих вождю и приходится свои прихоти уточнять с помощью слов. До миллиона не докричаться, в приближённые попадают самые чувствительные, у тех штат заместителей, у заместителей в свою очередь — свои, вот вам и иерархия.

Пирамида, одним словом. С точечной верхушкой и широким основанием.

Но поскольку люди не кирпичи, а биологические объекты, управляемые психоэнергетически, то вместо термина «пирамида» более уместно слово «стая».

Какого же размера стаи обитают на нашей планете?

В прежние века людей многое разъединяло. Не совпадали национальные одежды, устройство быта, странности, содержание «секретов» под стёклышками у малышей.

Сейчас сами знаете, что происходит. Потому и легче говорить о единой всепланетной стае.

Источник авторитетности (способности к подавлению воли исполнителей) — в суммарном преступном потенциале рода, к которому принадлежит данный вождь. Не схватываете интуитивно — так это нормально: читайте другие мои книги, начинать вообще надо с опыта осязания подсознания.

Из иерархического устройства общества (сложившегося спонтанно!) также следует, что с течением времени в какое-то государство из всех народов соберутся самые отъявленные мерзавцы.

Они-то и станут коллективным «паханом» мировой иерархии — не из-за выдающихся умственных способностей, или даже количества денег, а по причине нравственного уродства, как следствие силы подавляющего некрополя. Это государство будет удивлять своей монолитностью (патриотизмом), успехами в приобретении богатств и беспардонностью в демократическом доустройстве сопротивляющихся народов планеты.

Ещё бы! Чем более структурирована путём выборов мировая иерархия, тем успешней верхушка будет тянуть из всех соки — часть изъятых средств, направляя на изготовление «идеальных исполнителей». «Культурное проникновение» называется.

Для периферийных в мировой иерархии государств, иными словами, для нравственно и умственно более чистых народов, успех лежит в противоположном от демократии направлении.

Чем больше мы будем структурировать наш народ выборами — тем в большую зависимость, нищету и нравственную грязь попадём. Что мы, собственно, и наблюдаем уже почти столетие.

Они нам натягивают нахлобучку фантомных представлений об устройстве общества, а у нас только один способ сопротивления их кривде — правда.

Соответственно, при назначении правителя надо учитывать реальные законы устройства общества; если выбирать, то лучше простым жребием, а на борцов за демократию нужно смотреть как на тех, кем они и являются — лучшими дру-

зьями народа-захватчика. Или коротко — друзьями народа.

XX век показал, что для нас узурпация власти носителем русского подсознания — прекрасно, преемник мерзавца — неплохо. Просто жребий из числа носителей русского подсознания — уверяю, ещё лучше.

Но самое лучшее — это призвание «святослава» — в *теории стаи* так обозначен прорусский правитель, — коих за последнюю тысячу лет на Руси было только два. Ну, вы догадались: Святослав и Сталин.

И никакого насильственного свержения строя. Просто вдруг казнокрадов, коррупционеров и «друзей народа» всем миром отправят на лесоповал, как они того и заслуживают по Уголовному кодексу, а останется один «святослав» — бес-серебренник.

У «святослава» целый ряд признаков. Один из важнейших — высвобождение из-под нахлобучки суверенитизма вместе с верой в выборы. Высвобождение же происходит через освоение тайного знания правящих родов — *теории стаи*. Сталин единственный кто в XX веке освоил не только эту науку, но и *некое тайное знание* — чему оставил множество свидетельств.

Не обольщайтесь: мышинная возня суррогатных партий и дальше будет приносить тот же результат, а будет инициирован «святослав» — сразу всё устроится.

Голосуй, не голосуй, всё равно... Допускаю, что один депутат-суверенитист из сотни менее скот, чем остальные. Но пользы от него что-то не вид-

но, а вред от поддержки им поработавшего нас фантома демократии оцутим.

«Святослав»! Я приглашаю Тебя и призываю. Без Тебя не будет ничего.

«Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет её...»

Иосиф Сталин, незадолго до смерти.

Нанесут и на Твою могилу, «святослав». Но те, ради кого и стоит жить, проредутся сквозь горы вранья, поймут и встретят Тебя в вечности.

Я приглашаю Тебя и призываю...»

Это из новой книги — название ещё неизвестно. Что-то вроде:

«Избавиться от ига иудейского?»

Легко.

Святослав и Сталин».

Впрочем, название ещё может быть изменено — так же как и издательство. Боятся, боятся печатать. Печатают, но с оговорками: если что, то они внутрь даже не заглядывали. А ведь правда — не заглядывали.

Странное дело: если бы кто действительно захотел избавиться от ига иудейского, то он бы обратился к опыту тех, кому это удавалось. Таких имён у нас, собственно, всего два: Святослав и Сталин. Надо сравнить основные узлы их биографии, вникнуть, что главное, и повторяется у обоих наших освободителей, а что второстепенное.

Оказывается, второстепенное не только сросшиеся на ногах пальцы у Сталина, не только его

частые простуды, но и исповедуемый Сталиным только на публике марксизм.

А ещё я обнаружил место инициации Сталина, и там уже побывал. А главное, обнаружил иницирующий фактор. Говорят, я оттуда вернулся другим. Просто у меня в голове всё разом уложилось — и я приобрёл железобетонную уверенность.

Из всех известных мне авторов, все как один суверенитически пишущих о Сталине, один только В. Похлёбкин обратил внимание, что в Сольвычегодске со Сталиным произошло нечто странное. Не успел или не смог В. Похлёбкин опубликовать за пределами Интернета свой «Великий псевдоним» — убили его...

* * *

Что до наших высших демократических институтов, то верить могу только своему личному опыту.

А с Государственной Думой «пересекался» только один раз — и с меня достаточно.

Есть такая структура: Президентская система книготорговли, или что-то в этом роде, но с тем же смыслом. Узнал о её существовании и отправился туда с книгой «Россия: подноготная любви» (то есть этой самой, что сейчас в руках держите, только в четыре раза толще).

Не буду называть имён и даже пола человека, который принял у меня эти книги — дай Бог ему здоровья и никаких преследований. Так вот, посмотрел этот человек на название и рассмеялся.

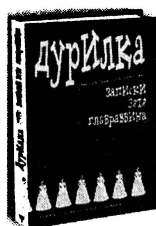
«Вы, — говорит, — похоже, не представляете, какой у нас контингент. У нас — *депутаты*. Вот, — показывает этот человек брошюрку, — это их уровень. «Лечение чесноком». Для начала беру триста штук, и ещё буду потом добирать. А вашей книги десять экземпляров продадим — и всё. Обслуживающий персонал, знаете ли, у них тоже...».

Этот человек оказался прав. За несколько месяцев было продано одиннадцать экземпляров. Остальные мне вернули обратно.

Стая!..

Книги Алексея Меняйлова

имеющиеся в продаже или готовящиеся к выпуску:

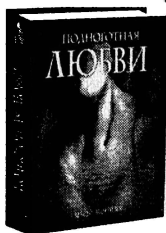
«Дурилка. Утончённые приёмы скрытого управления. Записки зятя главраввина-2». 288 стр., тв. переплёт, М., Крафт+.

«Сефирот. Утончённые приёмы скрытого управления. Записки зятя главраввина-3». 288 стр., тв. переплёт, М., Крафт+.

«Теория стаи. «Инициация. Утончённые приёмы скрытого управления. Записки зятя главраввина-3». 288 стр., тв. переплёт, М., Крафт+.

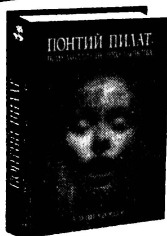
«Инициация. Утончённые приёмы скрытого управления. Записки зятя главраввина-4». 288 стр., тв. переплёт, М., Крафт+. Возможно самая ценная книга серии.

«Катарсис. Подноготная любви. Психоаналитическая эпопея». 704 стр., тв. переплёт. Москва.

«Катарсис-2. Теория стаи. Психоанализ великой борьбы». 576 стр., тв. переплёт. Москва, Крафт+.

«Катарсис-3. Понтий Пилат. Психоанализ не того убийства». 640 стр., тв. переплёт. Москва, «Кудиц-образ».

«Сбросить иго иудейской? Легко. Святослав и Сталин». 320 стр. тв. переплёт. Краснодар, «Золотая библиотека «Пересвет». Возможно изменение названия и издательства. Предполагаемый срок выхода книги в свет — октябрь 2003 года.

«Четыре стратегемы Сталина». Москва, «Белые альвы». Готовится к изданию.

Уважаемые читатели!

Ваши конкретные предложения о сотрудничестве, информационной и любой иной поддержке присылайте по адресу: Россия, 101000, Москва, Главпочтамт, до востребования Меняйлову Алексею Александровичу

Или по электронной почте: amgo@mail.ru

Устно ваши предложения вы можете передать Галине Александровне по телефону (095) 930-99-30.

Информация о книгах и их тексты (для предварительного ознакомления) выложены на сайтах автора <http://katarsis.narod.ru> и <http://dyrrilka.narod.ru>

Там так же есть много других возможностей.

Об условиях пересылки книг вы можете узнать по телефону (095) 930-99-30 (Галина Александровна) или отправив письмо по электронному или почтовому адресу.

Не забудьте вложить конверт с Вашим адресом.

Торговые представители:

Санкт-Петербург (812) 141-23-37; Новосибирск (3832) 36-10-26

«НАУКА и РЕЛИГИЯ» — ежемесячный так называемый научно-популярный журнал

Журнал расширяет поле зрения, как следствие, его читатели восходят на качественно новый уровень видения

В создании обложек с Журналом сотрудничали (сверху вниз): всемирно известный иракский художник Махмуд Фаршчиан, сетующий на обилие наград художник Валерий Балабанов, великолепная карельская художница Светлана Георгиевская, известный белорусский художник Юрий Москаленко, выходец из «эзотерического московского андеграунда» 70-х Александр Рекуненко и другие.

Журнал первым открыл для современного российского читателя таких ныне уже известных авторов как Карлос Кастанеда, Елена Блаватская, Алексей Меняйлов, Виктор Пелевин, Ричард Бах и другие...

✉ Приобрести его можно только по подписке (подписной индекс вы можете найти на ближайшей почте) или в редакции по адресу: Москва, Товарищеский переулок, дом 8 (в ста метрах от метро «Марксистская»).

☎ Телефон: (095) 911-01-26

Вниманию оптовиков!

Издательско-книготорговая фирма

предлагает всегда

широкий ассортимент (более 5 тыс. наименований) книг по

**ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ,
ВОСТОКОВЕДЕНИЮ, НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ,
СОЦИОЛОГИИ, КУЛЬТУРЕ**

а также

**альбомы, иллюстрированные издания,
словари, энциклопедии,
учебно-познавательную литературу,
прозу и поэзию**

издательств:

**Республика, Аграф, Аспект-пресс, Логос,
Тропа троянова, Голос, Сибирский хронограф,
Знание, Радуга и многих других**

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14, «Крафт+»

тел. 186-93-78, 363-68-73

в С.-Петербурге: 141-23-37

E-mail: kraft@podlipki.ru,

www.podlipki.ru/~kraft

АЛЕКСЕЙ МЕНЯЙЛОВ

Теория стаи

(УТОНЧЕННЫЕ ПРИЕМЫ СКРЫТОГО УПРАВЛЕНИЯ)

ЗАПИСКИ ЗЯТЯ ГЛАВРАВВИНА 3

Редактор *Е. Лазарев*

Верстка *О. Волкова*

Дизайн обложки *Сергей Степанов*

(e-mail:dezipner@narod.ru)

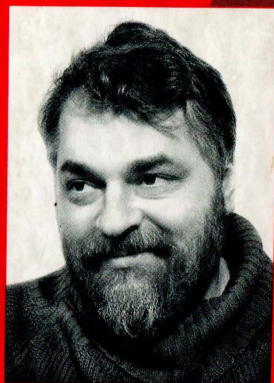
Подписано в печать 05.05.03. Формат 84x108₁/32
Бумага газетная. Гарнитура Букман. Объем 9 печ. л.
Тираж 5000 экз. Заказ № 3326.

ООО Издательство «Крафт+»
ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г.
129343 г. Москва, проезд Серебрякова, 14
Тел.: 186-93-78, 363-68-73

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов на ФГУИПП «Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Властителя от марионетки отличает знание теории стаи. Знание теории стаи отличает так же и редкий тип человека психонергетически самостоятельного.

Это различие уходит в древность и искусственно поддерживается с античных времён. В России прекрасно знают, что значит жить при властители-марионетке зарубежного мирового центра. Каждый знает и вкус личных неудач, когда, казалось бы, всё рассчитано, а почему-то не вышло.

Секретом этого "почему-то" владели и победитель Кутузов, и победитель Сталин - оба явно руководствовались каким-то нетрадиционным знанием. Где о секрете разузнали они, мы не знаем, но знаем, где и как разузнал его автор.

Рекомендуем: "Записки зятя главраввина" - редчайшая и очень ценная книга.

Автор известен своими книгами:

- «При попытке к бегству»
- «КАТАРСИС-1 Подноготная любви»
- «КАТАРСИС-2 Россия: подноготная любви»
- «КАТАРСИС-3 Понтий Пилат:
Психоанализ не того убийства»

www.katarsis.narod.ru

NBSI 5-93378-045-6

9 785933 780458